

Три невесты Черного ворона

Татьяна Рябина

Пролог

Раз в сто лет трех восемнадцатилетних девушек выбирают невестами бессмертного правителя Полуночных земель. Целый год они живут в его замке, затем одна из них становится женой, а остальные... об их судьбе никому ничего не известно. Мне предстоит раскрыть эту тайну. Добровольно предложив заменить на отборе сестру, я была уверена, что не привлеку внимания Черного ворона, — но ошиблась...

— Держись, Лан! — Лилла отталкивается с такой силой, что ее конец доски взлетает ввысь, а я едва успеваю подставить ноги, чтобы не удариться о землю.

Теперь уже я наверху. Изо всех сил цепляюсь за холодную металлическую скобу, боясь соскользнуть с качелей. Все внутри замирает. Подол платья задирается, выставляя напоказ полосатые чулки. Лилла звонко смеется, распущенные рыжие волосы развеваются.

— Осторожнее, девочки! — кричит мама.

Они с отцом стоят на крыльце, обнявшись, улыбаются, смотрят на нас. На нас — или на Лиллу? В такие моменты я как никогда остро чувствую себя лишней, ненужной. Они ждали одну дочь, а родились две. Живая, веселая, очаровательная Лилла — и хмурая, нелюдимая Илана, которая к тому же без конца болеет, и с ней столько хлопот.

— Хватит, Лил! — прошу я. — Меня уже тошнит.

— Фу, какая ты! — надувает губы Лилла. — Только начали качаться. Еще немного!

Вверх-вниз, вверх-вниз. Кружится голова, в животе все сжимается, завтрак настоятельно просится наружу. Страшно не удержаться, упасть, но еще страшнее — что вырвет при всех. Такой позор...

— Пожалуйста, Лил! — уже не прошу, умоляю я.

Сердито нахмурившись, она сгибает колени — ее край плавно опускается на землю, а я зависаю в воздухе. Если она сейчас резко встанет, я полечу вниз и ударюсь. Лилла поджимает губы, смотрит на меня, потом приподнимается — так, чтобы мы смогли слезть с доски одновременно.

Пошатываясь, иду вглубь сада, где под кустом цветущей эрты стоит моя любимая скамейка. Частенько я сижу на ней с рукоделием, слушая пение птиц. Мне еще дурно, но легкий ветерок и свежий, прохладный запах цветов постепенно приводят в чувство. Однако побыть в одиночестве не удается: Лилла, соскучившись, бежит ко мне.

— Подвинься, Лан! — она бесцеремонно устраивается рядом, отпихнув меня к краю.

Лилла командует всегда. Решает, что мы будем делать, во что играть, никогда не спрашивая, хочу ли этого я. За столом первой выбирает кусок на блюде. Игрушки, лакомства — лучшие всегда достаются ей. Я безропотно уступаю. Она всеобщая любимица. Она — старшая.

Когда Лилла говорит, что восемь лет ей исполнится в этом году, а ее сестре в следующем, все думают, что мы погодки. Но это не так. Она родилась за полчаса до полуночи. Я — всего через час. Но уже в другой день. В следующем месяце. В новом году. И позволяю ей вести себя, как будто она в самом деле старше на год.

— Хочешь знать, что рассказала Даммара? — таинственно шепчет Лилла, обняв меня за плечи.

Даммарой зовут нашу няню-кормилицу. Хоть отец лекарь и принадлежит к среднему сословию, кормить детей грудью его жене возбранялось так же, как и знатым

женщинам. Даммара, высокая полная крестьянка из ближайшей деревни, как все остальные, обожает мою сестру — ласковую и улыбочивую. Помогая мне умываться и одеваться, расчесывая волосы, няня чаще молчит. Зато с Лиллой болтает, будто они лучшие подруги.

- Видишь замок? — Лилла показывает пальцем туда, где над городом нависает темная громада. — Там живет Черный ворон.

— Подумаешь, — я насмешливо дергаю плечом. — Какая же это тайна? Это все знают. Он хозяин и правитель всех Полночных земель.

— Он бессмертный, — шепот Лиллы становится зловещим. — Никто никогда не видел его лица. И не знает его настоящего имени. Никому не известно, откуда он появился. Но он может превращаться в птицу и летать.

— Ну... да, наверно, — соглашаюсь я. — Он же Черный ворон. Почему бы ему не летать?

— А еще Даммара сказала, что раз в сто лет он выбирает себе жену. Вернее, трех.

— Трех жен?! Разве такое бывает? Чтобы три жены сразу?

— Нет, он выбирает трех невест. И они целый год живут у него в замке. Потом он женится на одной из них. И она никогда больше не выходит оттуда.

— А остальные?

— Никто не знает, — Лилла закатывает глаза и качает головой. — Их тоже никто не видит. Никогда.

— А что, если он их убивает? — меня зябко передергивает от ужаса.

— Может быть. А может, держит взаперти в башне и пьет их кровь, — она неожиданно хватается за руку, и я вскрикиваю. — Понемногу. И поэтому он бессмертный.

— Как страшно! Подожди, Лил, — выдернув руку, я обхватываю себя вокруг, пытаюсь унять озноб. — Ты сказала, он выбирает жену раз в сто лет. Но ведь обычные люди столько не живут. Что же он делает, когда жена умирает? Почему ждет так долго, чтобы жениться снова?

— Ну... не знаю, — задумывается Лилла. — Может быть, он по ним скучает? По женам? Когда умерла наша тетя Алея, дядя Герт женился снова, но не сразу, а только через три года. Подожди, это еще не все. Даммара сказала, что новых невест Ворон будет выбирать через десять лет. Представляешь, Лан? Ведь мы тогда уже вырастем. А что, если вдруг ему понравлюсь я? Или ты?

— Ой, нет! — все тело мгновенно охватывает крупная дрожь. — Представь: всю жизнь провести в этом страшном замке, никогда больше не увидеть родных. И знать, что ты умрешь, а твой муж будет жить дальше. И женится снова. И снова. И снова.

— Разве это самое страшное, Лан?! — Лилла всплескивает руками. — Ему ведь уже больше тысячи лет, этому Ворону. А вдруг он безобразный старик? И придется, — тут она снова переходит на шепот, — ложиться с ним в постель. Представляешь? Он будет делать с тобой все, что захочет.

— Постой... — мне внезапно становится интересна эта сторона дела. Не так давно Даммара рассказала Лилле, что дети появляются, когда муж и жена спят в одной постели и соединяют кое-какие части тела. От сестры, разумеется, об этом узнала и я. — А как же дети? Ведь если б у Ворона были дети, всем было бы известно. Значит, он не спит со своими женами? Тогда зачем они ему нужны?

— Может, ему просто скучно одному? — Лилла с недоумением выпячивает губу. — Хочется с кем-то поговорить? И все равно не хотела б я стать его женой. А еще больше — одной из двух других невест.

В этот момент рядом проносится что-то темное.

— Смотри! — испуганно шепчет Лилла и толкает меня в бок.

На ограде сидит черный ворон, уставившись на нас в упор пристальным взглядом круглых немигающих глаз. Страшные когти цепляются за перекладину, перья на крыльях отливают синевой.

— А вдруг это он? — мои губы едва шевелятся, словно замерзли.

Хрипло каркнув, ворон взмывает в небо, и вскоре черная точка исчезает вдаль.

— Глупости! — Лилла встряхивает головой так, что ее волосы лезут мне в лицо. — Что ему здесь делать? Обычный ворон. Побежали на кухню? Витта будет резать пирог к обеду. Если хорошенько попросить, даст нам краешков. Хрустящих.

Она вскакивает и несется к дому, не дожидаясь меня. Я хочу догнать, но останавливаюсь и зачем-то подбираю лежащее на траве черное перо. Оглядываюсь, не видит ли кто-то, и кладу его в карман. И только после этого бегу за сестрой...

1

Десять лет спустя

— Пожалуй, я пойду, — сказал Фелис, не трогаясь, впрочем, с места.

— Иди, — с сожалением вздохнула Лилла. — А то попадешь под дождь. Гроза собирается.

Это был обычный вечер, из тех, когда ее жених приходил к нам с визитом. «Подготовка к унылой семейной жизни», — смеялась Лилла. Все чинно, благопристойно. И до смерти скучно.

Мы все вместе сидели в гостиной. Мать вышивала, отец читал одну из своих толстых лекарских книг, я в углу рисовала грифелем странный цветок с черными лепестками, который невесть откуда занесло в наш сад. Фелис держал на растопыренных пальцах моток красной шерсти, а Лилла сматывала ее в клубок. При этом они обменивались многозначительными взглядами и улыбками, понятными им одним.

Я посматривала на них с завистью. Нет, не с той, когда хочется кому-то зла. Наоборот, я желала им счастья, но было так грустно, что меня оно обходит стороной. Разве я чем-то хуже? Ну да, не такая веселая и жизнерадостная, наоборот — тихая, замкнутая, пугливая. Меня всегда считали странной, и в детстве, и когда мы выросли.

Лилла и Фелис познакомились на зимней ярмарке, куда мы пришли купить подарки для родителей к нашему с ней дню рождения. То есть мы обе с ним познакомились. Высокий широкоплечий брюнет с голубыми глазами и улыбкой, которая сразу же берет в плен. Да, он понравился и мне, но... с первого мгновения Фелис смотрел только на Лиллу.

Ему уже исполнилось восемнадцать, и они с Лиллой ждали ее совершеннолетия, чтобы пожениться. Она даже предлагала убежать в Илару, где вступить в брак разрешалось на год раньше, но Фелис не хотел огорчать родителей.

Впрочем, было еще одно препятствие. Отец Фелиса принадлежал к высшему сословию и занимал важную должность. Хотя браки между представителями высшего и среднего сословий не были запрещены, как между высшими и низшими, однако требовалось разрешение правителя. Для этого надо было подать письменное прошение в замок. Если родители жениха и невесты не возражали, обычно вопрос решался положительно.

Но в этом году ни одна восемнадцатилетняя девушка из высшего и среднего сословий не могла выйти замуж, потому что ожидался отбор Черного ворона. От него освобождала тяжелая болезнь. Или увечье. Или беременность. Но ребенок, зачатый вне брака, признавался незаконным, даже если родители поженились позже, и мало кто хотел для своего дитя такой участи.

Отбора ждали с ужасом. Где угодно стать супругой правителя считалось для женщины почетным и желанным, но только не в Полуночных землях: Ликуре и Тандоре. Провести всю жизнь взаперти, в мрачном замке на горе, никогда больше не видеть родных и друзей — кто мечтал о такой доле?

Черный ворон правил двумя нашими странами уже больше тысячи лет, захватив их с помощью магии. Если верить легендам, его немногочисленное войско всего за несколько дней одержало победу сначала над Ликуром, а потом и над более сильным Гандором. Откуда он пришел, никто не знал. Может из Полуденных земель, а может, напротив — из мест, лежащих на севере, за горами и ледяной пустыней.

Никто никогда не видел его лица — он появлялся перед людьми либо в черной маске, либо в облике ворона. Но даже самые отчаянные в его присутствии испытывали страх. Никому не приходило в голову противиться существующему порядку. Суровые законы Полуночных земель исполнялись досконально.

Отбор невест — это происходило так редко, что казалось не более чем страшной сказкой. Пока не наступало время. Его ждали в этом году — со страхом и отчаянием, и девушки, которым исполнилось или должно было вот-вот исполниться восемнадцать, и их близкие. Уже минуло больше половины года, и начала закрадываться смутная надежда: а вдруг Черный ворон не намерен жениться. Сейчас — или вообще...

Наконец клубок был смотан, и Фелис поднялся со стула.

— Вейр Рунерт, вейра Криста, вейра Илана, всего доброго! — поклонился он всем нам по очереди. — До новой встречи.

— До новой встречи, зол Фелис.

— Спокойной ночи, вейра Лилла!

В качестве жениха ему разрешалось поцеловать невесту в щеку. Хотя, разумеется, вдали от чужих глаз они позволяли себе и многое другое. Уж я-то знала: Лилла не могла не поделиться.

Наконец дверь за ним закрылась, и я вздохнула с облегчением, потому что при Фелисе держалась еще более скованно, чем обычно. Где-то глубоко пряталось сожаление о том, что мои чувства к нему не нашли ответа. Я скрывала их от всех, особенно от Лиллы, да это и не составляло труда, поскольку у меня не было привычки делиться своими мыслями.

— Пора спать, — мать отложила рукоделие и встала. — Девочки, ложитесь и вы.

В этот момент раздался стук в дверь.

— Фелис что-то забыл? — предположила я, но тут же сообразила: вряд ли хорошо воспитанный и учтивый жених Лиллы стал бы колотить так бесцеремонно.

Слуга Грис отворил и едва успел отскочить под напором дюжего мужчины в синей одежде вестового. Отец вышел из гостиной ему навстречу.

— Вейр Рунерт Иральд? — прогудел вестовой мощным басом, от которого дрогнули оконные стекла, и протянул отцу сложенную и запечатанную бумагу. — Через десять дней ваша дочь вейра Лилла Иральда обязана явиться во дворец Общественных собраний на отбор невест для правителя. Вы получили извещение, поэтому неисполнение предписаний будет приравнено к государственному преступлению. Всего доброго!

Все мы замерли там, где кого застала мрачная весть. Дробные шаги простучали по ступеням крыльца, заржал конь, зацокали по камням мостовой копыта. Треснуло полено в камине, и воцарилась напряженная тишина.

— Нет!!! — разорвал ее отчаянный крик.

2

— Отец, ты же лекарь, — рыдала Лилла, закрыв лицо руками. — Неужели ты не можешь написать сообщение, что я хромая, глухая или слепая? Или что вообще умерла?

— Ты же знаешь, что нет. Это проверят, и за обман я в лучшем случае лишусь возможности практиковать. В худшем — попаду в тюрьму.

Он стоял у окна и смотрел в темноту. Таким беспомощным я его еще никогда не видела. Мать ходила по комнате из угла в угол, нервно кусая кружево платка. Я молчала — обо мне все забыли. Как обычно...

— Но я не хочу! — Лилла вскочила и подбежала к отцу. — Мы с Фелисом можем уехать. Прямо этой ночью. В Фианту. Или в Илару. Или даже в Полуденные земли. Вернемся потом, когда все будет позади.

— Подумай о нас! — хмуро посмотрела на нее мать. — О нас с отцом и о сестре. Сбежишь после получения извещения и поставишь себя вне закона. И никогда уже не сможешь вернуться. А заодно преступниками станем и мы. А еще подумай вот о чем. В Полуночных землях не одна сотня девушек, которым в этом году исполнилось или исполнится восемнадцать. С чего ты взяла, что невестой Черного ворона выберут именно тебя? Разве ты самая красивая в обеих странах?

— Нет. Зато я самая невезучая, мама! — по щекам Лиллы снова потекли слезы. — Илана младше меня всего на один час. Но мне исполнится восемнадцать в конце этого года, а ей — в начале следующего. Ей повезло, а мне нет.

— Это моя вина, Лилла, — мать глубоко вздохнула. — Если б я рожала дома, отец записал бы, что вы обе появились после наступления нового года. Но я поехала в Ликур навестить вашу бабушку, и роды начались в пути. А повитуха, которую позвали на постоялом дворе, отметила время точно. И с этим уже ничего не поделаешь.

— Послушайте... — на меня никто не обратил внимания, и я повторила громче: — Послушайте, я могу пойти на отбор вместо Лил. Надену самое некрасивое платье, волосы зачешу гладко, лицо ореховым отваром вымою. Никто ничего не узнает. А даже если вдруг и выберут... У Лиллы есть жених, а я никому не нужна.

По правде, я надеялась — слабой, крохотной надеждой, похожей на бледный росток снежника, — что родители скажут: нет, Илана, ты нужна нам не меньше Лиллы. Если уж ей это выпало, значит, она и должна идти. Сама, не перекладывая на твои плечи.

Но нет... Мать с отцом переглянулись, и я прекрасно поняла, что сомневаются они лишь в том, удастся ли мне выдать себя за сестру. Да, лицом и фигурой мы были похожи, как две капли воды. Но вряд ли кто-то спутал бы нас, настолько мы отличались друг от друга характером и поведением. Тем, что шло изнутри, делая нас, близнецов, такими разными.

— Лан... — Лилла подошла ко мне, обняла. — Спасибо, дорогая. Но ты не волнуйся, тебя все равно не выберут. И ты вернешься к нам.

Разве я не знаю, Лил? Даже если б ты была совершенно уверена, что я стану невестой Черного ворона, сказала бы то же самое. А может, даже и попросила бы меня пойти на отбор, если б я не предложила сама. Я уже пожалела, что сделала это. Неужели и правда подумала, будто Лилла станет возражать, а родители отговаривать? Но теперь отказываться было поздно.

— Ничего не случится, Илана, — похоже, мать пыталась убедить в этом не меня, а себя. — К сожалению, на отбор надо явиться в самом лучшем виде. Никто не позволит прийти в некрасивом платье, отправят переодеться. Но тебе достаточно хмуро молчать, как ты делаешь обычно, и вряд ли кто-то взглянет с интересом.

Глупенькая Илана! Ждала хотя бы полслова благодарности, но жертву приняли как должное. И правда, что в этом такого? Ведь мне все равно ничего не грозит — никому даже в голову не пришло, что может быть иначе. И захотелось вдруг — всего на мгновение, но захотелось, — чтобы меня действительно выбрали невестой Черного ворона. Чтобы никогда больше не возвращаться в дом, где никому не нужна, где считают ни на что не годной.

Слезы Лиллы мгновенно высохли, на щеки вернулся румянец.

— Я дам тебе свое платье, Лан. То самое, синее, с открытыми плечами. Которое надевала на летний бал. И причешу, чтобы было похоже на меня. Никто не догадается. А

веселиться там вряд ли кто-то будет, так что тебе не придется сильно притворяться.

Она поцеловала меня в щеку, улыбнулась — как всегда очаровательно, словно и не рыдала только что.

— Пойдем спать, Лан. Вот увидишь, через десять дней мы будем смеяться над этим и жалеть бедняжек, которые отправятся в замок.

В спальне уже ждала Даммара. Перестав быть няней, она стала нашей общей служанкой. Помогла переодеться в ночные рубашки и ушла, пожелав спокойной ночи.

— Знаешь, Лан, что сделал Фелис, когда мы гуляли утром в лесу?

Лилла села на мою кровать и зашептала на ухо, рассказывая о его нескромных ласках. Как будто ничего не произошло. Как будто я предложила не заменить ее на отборе невест для правителя, а сходить за покупками на рынок.

Я с трудом удержалась, чтобы не оттолкнуть ее. Пожалуй, даже чтобы не ударить. За всю жизнь было немало моментов, когда я обижалась на нее, сердилась, тайком плакала. Но сейчас... почти ненавидела ее. И себя — за свое глупое предложение.

— Давай спать, Лил, — сказала, не узнав свой голос, в котором дрожало едва скрытое раздражение. — У меня разболелась голова.

— Конечно, дорогая! — прошептала она, как садовая птичка. — Спокойной ночи!

Быстро прочитав молитву высшим силам, оберегающую спящих, Лилла легла и отвернулась к стене. И, судя по ровному дыханию, сразу заснула. А вот мне не спалось. Недоброе предчувствие теснило грудь.

Конечно, я могла утром сказать, что передумала. Но... прекрасно понимала: этого мне не простили бы. Даже если бы Лиллу не выбрали невестой Черного ворона. А уж если бы выбрали — и подавно.

3

Все делали вид, что ничего не происходит. Илана просто наденет красивое платье и съездит во дворец Общественных собраний, где проходят городские балы и заседания Тайного совета. Посмотрит на людей, покажет себя. Вернется домой.

О том, что я могу и не вернуться, похоже, никто не думал. А если и думали... Ну что ж, лучше Илана, чем Лилла. Только Фелис обронил мимоходом: «Спасибо, Илана, за то, что предложила заменить Лил».

И вот тут-то мне в голову и пришла запоздалая мысль. О том, как жестоко я ошиблась. Ведь если бы Лиллу выбрали невестой, кто знает, возможно, Фелис со временем обратил бы внимание на меня — мы же так похожи, пусть внешне.

Но хотела бы я счастья такой ценой? И было бы это счастьем — стать всего лишь вынужденной заменой сестры?

— Оно идет тебе больше, чем мне, — с легкой досадой заметила Лилла, когда я примеряла ее сине-лиловое бальное платье. — Даже делает не такой унылой.

Я чувствовала себя неловко, поскольку никогда не носила платья, выставляющие напоказ спину, руки, плечи и часть груди. Для летнего бала мне сшили наряд из плотной тускло-зеленой ткани с рукавами по локоть и скромным вырезом, прикрытым белым кружевом. Лилла не пропустила ни одного танца, вызвав недовольство жениха. Меня приглашали в основном пожилые мужчины, которым не хватило партнерш.

По заведенному обычаю в конце танца кавалер целовал даме руку и одаривал какой-нибудь приятной фразой, отдавая должное ее красоте, уму или другим достоинствам. Мне запомнились слова одного из них, прозвучавшие довольно обидно:

«Вы прекрасны, вейра Илана, но рядом со своей сестрой выглядите снежником».

Да, обидно, но... справедливо. Лилла была пышной огненной магной, самым ярким

цветком середины лета. Я — бледно-голубым, почти прозрачным снежником, который расцветает, едва начинают таять сугробы. Но была ли я им сама по себе — или только рядом с Лиллой?

В день отбора Даммара разбудила меня на рассвете и проводила в туалетную комнату, где ждала благоухающая цветами эрты ванна. Забравшись в нее, я не опустилась в воду, а повернулась к большому зеркалу на стене, разглядывая себя. Так я смотрела на обнаженную сестру. Завидуя ей — и забывая, что сама выгляжу точно так же. Что у меня такая же высокая грудь и тонкая талия, плавная линия бедер и длинные стройные ноги. Такие же пышные волосы цвета спелого каштана и изящные черты лица.

Почему-то теперь вспомнилась именно первая часть фразы моего бального кавалера:

«Вы прекрасны, вейра Илана...»

Если б я была одна, если б не это вечное сравнение с сестрой...

Мне предстояло приехать во дворец во всем блеске. И не только потому, что так предписывало извещение, которое принес вестовой. Ведь если на отбор явится привычная, знакомая всем Илана, разве кто-то поверит, что это Лилла? Я должна была стать ею. Такой же яркой и привлекательной. Но если скромная, скучная Илана вряд ли обратила бы на себя внимание Ворона, то Лилла — очень даже могла. Да, мать сказала правду, в Полуночных землях хватало красивых девушек, но в моей сестре было то, что притягивало взгляды, заставляло мужские сердца биться быстрее.

Пожалуй, только сейчас, рассматривая себя в зеркале, я по-настоящему поняла, что натворила. Это была не просто ошибка. Вполне вероятно, я подписала себе приговор...

— Поторопись, Илана! Надо еще высушить волосы, — голос Даммары вернул меня к действительности, и я села, чтобы она вымыла мне голову.

Затем служанка помогла мне выйти из ванны, набросила мягкую простыню и намазала душистым маслом, втирая его в кожу с такой силой, что я вскрикивала от боли.

— Потерпи, — сурово говорила Даммара. — Масло должно впитаться. Ты же не хочешь быть жирной и скользкой?

Я бы не отказалась. Быть жирной, скользкой, страшной. Но кто бы мне разрешил?

Пока я принимала ванну, Лилла проснулась и сидела, зевая, на краю кровати. Я надела белье, чулки, позволила Даммаре обернуть меня ситой — жесткой полосой из нескольких простеганных слоев ткани, которую носили под бальными платьями, чтобы сделать силуэт более изящным и приподнять грудь.

В утренних накидках мы вышли в столовую, где нас уже ждали. Отец всегда вставал на рассвете, но обычно мы завтракали гораздо позже. Сегодня стол накрыли рано из-за меня, однако кусок не лез мне в горло. От волнения подташнивало, как в детстве, когда я с трудом могла заставить себя есть, если предстояло что-то важное.

После завтрака Даммара помогла мне надеть платье, а Лилла зачесала волосы в высокую прическу, открывавшую шею.

— Если вдруг меня выберут невестой, ты лишишься бального платья, Лил, — горько усмехнулась я, глядя на свое отражение.

Она хотела ответить, но осеклась и промолчала. Видимо, поняла, что любые ее слова прозвучат фальшиво. Да, бальное платье — не самая большая цена за то, чтобы избежать печальной участи невесты Черного ворона.

Наконец мы с отцом вышли из дома. У ворот нас ждала крытая повозка. Мать и Лилла осторожно обняли меня — чтобы не помять платье и не повредить прическу.

— Все обойдется, Лан, — не слишком уверенно сказала Лилла. — Будем ждать тебя вечером.

Отец за всю дорогу не проронил ни слова. Я смотрела в окно на дома и прохожих, но чувствовала, как время от времени он бросает на меня косой взгляд. Отец ни разу не сказал, как мать и Лилла, что все будет хорошо, что вечером я вернусь домой. Показалось вдруг, будто он сожалеет, что не остановил меня. Не запретил пойти на отбор вместо сестры. Но теперь это уже не имело никакого значения.

Лошади встали: перед нами растянулась длинная вереница других повозок. В отборе участвовало около трех сотен девушек, и каждую на входе должны были отметить в списке. Прошло не меньше часа, пока мы добрались до дворцового крыльца. Отец вышел, подал мне руку. Мы поднялись по широким ступеням и остановились перед герольдом с длинным свитком.

— Вейра Лилла Иральда, — назвал меня отец.

— Проходите и поднимайтесь в синий зал, — герольд кивнул и сделал грифелем пометку в списке.

Белая каменная лестница с резными перилами вела на второй этаж. Точно так же мы поднимались по ней месяц назад: отец, мать и мы с Лиллой. Теперь он вел под руку меня одну.

Выпрямить спину. Уверенно расправить плечи. Вздернуть подбородок вверх.

Я — самая привлекательная девушка всех Полуночных земель. Я — Лилла Иральда!

4

Мы вошли в синий зал, далеко не самый большой, и увидели всего несколько десятков девушек — разряженных по последней моде и мрачных, как будто их привели на казнь. Отец заметил знакомого законника, дочь которого тоже участвовала в отборе, и тот объяснил: все организовано так, чтобы не было большого скопления народу. Всем девушкам назначено разное время в течение дня, поэтому своей очереди ждут не так уж и долго. Зато потом все должны будут оставаться во дворце до самого вечера, пока не объявят имена несчастных, ставших избраницами правителя.

Во дворце Общественных собраний я была до этого на двух зимних и двух летних балах. Для высшего сословия городские балы проводили четыре раза в год, зимой и летом на них приглашали и членов среднего сословия.

Вообще Полуночные земли во многом отличались от соседних странах, где, к примеру, было всего два сословия: высшее и низшее. В Фианте лекари и законники обычно относились к высшим, а цеховые начальники — к низшим. Однако в Ликуре и Тандоре сословные границы не были такими строгими, как там. На одну ступень любой мог подняться с помощью брака или по распоряжению правителя за особые заслуги. Наша мать происходила из низшего сословия, а Лилла могла рассчитывать на обращение «зола», став женой Фелиса.

Похоже, отбор проходил быстро: каждые несколько минут герольд в темно-красной одежде вызывал очередную девушку и уводил ее в зал Тайного совета. Одновременно в другую дверь, со стороны лестницы, входили в сопровождении отцов или братьев все новые и новые — хмурые, едва сдерживающие слезы.

Я отошла к зеркалу поправить волосы, и тут ко мне подбежала высокая блондинка в темно-голубом платье, почти таком же открытым, как у меня.

— Здравствуй, Лил! — она слегка коснулась губами моей щеки. — Прекрасно выглядишь. Хотя, конечно, нам всем лучше было бы выглядеть ужасно.

— Здравствуй! — я постаралась улыбнуться, но получилось слишком уж натянуто. К тому же я понятия не имела, кто это. У Лиллы были свои подруги, с которыми она меня не знакомила. — Сестра посоветовала умыться ореховым отваром, чтобы стянуло кожу. Но мать не разрешила. Сказала, что за это могут и наказать.

— Да, это так, могут, — кивнула моя собеседница. — Твоя сестра, наверно, страшно рада, что ей повезло родиться уже в следующем году. Хотя она могла бы прийти на отбор даже голой и с радужной птицей на голове, на нее все равно никто бы и не взглянул. Мой отец

как-то пригласил ее на балу танцевать. Сказал потом, что никогда не видел такой скучной и унылой девицы.

Мне захотелось вцепиться ногтями ей в лицо, но нельзя было выдать себя.

— Знаешь, — я снова улыбнулась, и, кажется, на этот раз получилось лучше, — а ведь она ничем не хуже меня. И если бы была посмелее и чаще смеялась, еще неизвестно, на кого обращали бы больше внимания.

— Вот как? — покачала головой блондинка. — Наверно, на тебя так действует эта тяжелая обстановка. Обычно ты отзываешься о ней совсем иначе.

Спасибо, Лилла, подумала я. Даже не хочу знать, как именно ты обо мне говоришь. Впрочем, что в этом такого странного? Пожалуй, намного больше меня удивило бы обратное.

— Наверно, скоро моя очередь, — девушка подошла ближе к зеркалу. — Уже почти все прошли, которые были здесь до меня. Ой, прыщ! Может, расковырять его, чтобы стало пострашнее? Или тоже скажут, что специально?

В этот момент герольд объявил:

— Зола Кьяра Эрга!

— Ну все, я пошла, — вздохнула она. — Встретимся позже. Найди меня, вместе поищем других девочек. Не так страшно будет ждать.

— Желаю, чтобы не выбрали! — крикнула я ей вслед.

— И тебе того же, — через плечо ответила Кьяра.

Вернувшись к отцу, сидевшему у окна на мягкой скамеечке, я зашептала ему на ухо:

— Отец, я не знаю подруг Лиллы, а после отбора мне придется как-то с ними разговаривать. Эта девушка, Кьяра Эрга, не догадалась, что я не она, но мы всего-то парой фраз перебросились. А как быть с другими? До вечера еще далеко.

— Не бойся, Ла... Лил. Просто улыбайся, отвечай на вопросы. Если вдруг станет совсем тяжело, скажи, что надо поговорить с отцом. Я же буду там с тобой.

Он выглядел постаревшим: бледное лицо, прорезавшиеся глубже морщины, запавшие глаза. Неужели переживает? Обычно отец не так сильно, как мать, показывал, что предпочитает Лиллу, но и ласки я от него никогда не видела. Он всегда был таким строгим, суровым, сдержанным. Поцелуй в щеку на ночь — это все, что нам от него перепало.

Девушки, бывшие в зале до меня, одна за другой уходили с герольдом, а новые появлялись одна за другой.

А вдруг обо мне забыли? Пропустили в списке? Может, удастся пробраться туда, где ждут решения Ворона? Затеряться в толпе, сделать вид, что тоже побывала в зале Совета? Но отец... он же побоится наказания, не позволит мне этого.

В этот момент герольд в очередной раз вошел в зал и объявил:

— Вейра Лилла Иральда!

Хоть я и ждала, все равно на мгновение замешкалась, услышав имя сестры. Отец крепко сжал мою руку:

— Иди, дорогая. Я надеюсь, ты вернешься к нам.

Я шла за герольдом по извилистым коридорам, пока мы не оказались у входа в зал Совета, где мне еще не доводилось бывать.

— Проходите по ковру к трону, — дал он мне последние наставления, которые повторял, наверно, каждой девушке, как говорящая радужная птица. — Останавливайтесь перед

правителем, кланяетесь ему, называете себя. Как только он делает знак, выходите с другой стороны и идете к большому бальному залу. И ждете там со всеми.

Он открыл передо мной дверь, и я вошла в просторный зал, освещенный так ярко, что после сумрака коридора ослепило глаза.

5

Наверно, у меня было очень глупое выражение лица, когда я шла, часто моргая, по зеленой ковровой дорожке, похожей на полоску лужайки. Вдоль двух длинных стен сидели в мягких креслах члены Тайного совета в красных накидках и белых завитых париках. От них веяло смертельной скукой, но, похоже, присутствовать при отборе невест вменялось им в обязанность.

У одной из коротких стен на возвышении стоял позолоченный трон под балдахином. Остановившись перед ним, я поклонилась, назвала себя именем Лиллы и... уставилась на Ворона, словно завороченная.

«Не смотри на него!» — завопил внутренний голос, но я не смогла отвести взгляд.

До этого мне ни разу не доводилось его видеть. Ворон не присутствовал на городских балах, хотя девушки шептались, что он наблюдает за танцующими с галереи большого зала. Когда-то Лилла предположила, что он может быть дряхлым стариком, но ошиблась. Судя по фигуре и очертаниям лица под маской, правитель пребывал в самом расцвете лет. В густых темных волосах я не смогла разглядеть ни сединок. Черная бархатная маска закрывала большую часть лица, спускаясь от бровей до кончика носа и наискось пряча щеки до углов челюсти. На свободе оставались лишь лоб, высокий и открытый, четко очерченный рот и твердый, чисто выбритый подбородок. Темно-синие глаза в прорезях маски смотрели в упор, не мигая.

Что я испытывала в этот момент? В первую очередь страх. Изо всех сил я взмолилась высшим силам, упрасывая избавить от участи стать его невестой, попасть в ужасный черный замок. Но... под этим страхом таилось сожаление. Легкое, невесомое, как прозрачная лиловая шаль, прикрывающая мои плечи. Если высшие силы снизойдут к моей молитве, я никогда не узнаю, как он выглядит без маски. Не узнаю, кто он и откуда.

Я не сомневалась, что это тайное становится явным для трех невест. Именно поэтому их и не выпускают больше из замка. Чтобы никому не рассказали.

Нет, я не хотела такой судьбы. Не хотела ничего о нем знать.

Пожалуйста, высшие силы, будьте мне защитой, уберегите от злой доли!

Ворон подал знак: едва заметное движение рукой в сторону двери, противоположной той, в которую я заходила. Еще раз быстро поклонившись, я повернулась и пошла по зеленой дорожке. Его взгляд жег спину под шалью, словно слишком близко подошла к камину или уснула на полуденном солнце.

Оказавшись в коридоре, я остановилась, чтобы отдышаться. Сердце колотилось так, будто пришлось долго бежать. Во рту пересохло, в ушах стоял противный звон, и я испугалась, что потеряю сознание — то ли от волнения, то ли от слишком тугий ситы, которая не позволяла вздохнуть полной грудью. Наверно, я провела там не одну минуту, потому что из зала вышла следующая девушка — маленькая и худенькая, в таком ярко-желтом платье, что рот наполнился кислой слюной.

— Вам нехорошо? — спросила она — Пойдемте вместе. Я здесь ничего не знаю.

— Вы не бывали на городских балах? — я с трудом перевела дыхание.

— Я из Ликура. Впервые в Тандоре. Всегда хотела здесь побывать, но, конечно, не при таких мрачных обстоятельствах.

Захотелось сказать, что ей ничего не грозит, но именно так — очень обидно! — утешали дома меня. Да и потом... кто знает, какие женщины нравятся Черному ворону.

Мы дошли до конца коридора и оказались в огромном двухсветном зале с галереей напротив верхнего ряда окон. Во время балов в нем помещалась не одна сотня гостей, но сейчас всем здесь было бы слишком тесно, поэтому сопровождавшие девушек мужчины разошлись по другим гостиным. Я нашла отца, моя новая знакомая по имени Ленора — старшего брата, а затем мы с ней вернулись в зал.

Девушки собирались стайками, делились впечатлениями. Приезжие из Ликура держались отдельно, и Ленора отправилась к ним. Я бы предпочла оказаться среди тех, кто не знал ни Лиллу, ни Илану, но это вызвало бы удивление подруг Лиллы. Вот только где их искать?

В толпе я заметила тощую длинноносую Адеру Лейту, которая иногда бывала у нас дома, но тут появилась Кьяра, схватила за руку и потащила к группе девушек, окруживших столик с закусками и напитками. Некоторых я видела, но ни одну не знала по имени.

— Здравствуй, Лил! — наперебой загомонили они, и я ответила всем сразу, радуясь, что не надо обращаться к каждой по отдельности.

— Нет, как хотите, но он ужасный, — вполголоса сказала одна из них, возобновляя прерванный моим появлением разговор. — У него же нос, как вороний клюв.

Я хотела возразить, что маска скрывает его лицо почти полностью и на клюв нос совсем не похож, но решила, что лучше промолчать.

— А подбородок! — добавила другая, с плоской грудью и торчащими передними зубами. — Отвратительный подбородок. Как будто топором вырубил из полена.

— Он весь ужасный, — с набитым ртом добавила третья, симпатичная толстушка, таскавшая с подноса печенье одно за другим. — От него мурашки по коже. А вы что скажете?

Я молча пожала плечами, а Кьяра с досадой махнула рукой.

— Девочки, неужели вы не понимаете, что этот отбор — просто обычай. На самом деле Ворон давно выбрал себе невест. Нет, не невест, а одну невесту. Которая и станет его женой. Но принято, чтобы их было трое. Значит, так и будет.

Девушки озадаченно замолчали, переглядываясь. Потом толстушка, которую подруги называли Миртой, спросила, сдвинув брови:

— А как же те, из Ликура? Ну ладно мы, за нами он может наблюдать и на балах, и когда птицей летает по Тандору. А они? Я точно знаю, что одна из его прошлых невест была из Ликура.

— А что мешает ему долететь туда? — усмехнулась Кьяра, убрав за ухо белокурую прядь. — Разве это так далеко? Всего один день пути верхом.

Время тянулось невыносимо медленно. Народу в зале становилось все больше и больше. От жары и духоты кружилась голова, темнело в глазах, и я уже радовалась, что платье Лиллы такое открытое.

— Ну скорей бы, — простонала Мирта, обмахиваясь опустевшим подносом. — Сил больше нет ждать.

Будто в ответ на ее слова в двери зала начали заходить мужчины. Стало так тесно, что пришлось выстроиться рядами, вплотную друг к другу. Все замерли, когда в сопровождении герольда вошел Ворон. Черный с синеватым блеском парадный костюм подчеркивал стройность его фигуры и величественную осанку.

— Правитель Ликура и Тандора, именуемых также Полуночными землями, объявляет свою волю, — выступил вперед герольд. — Слушайте и не говорите, что не слышали...

6

Тишина стала осязаемой — тяжелой, плотной. Казалось, весь зал перестал дышать, чтобы через мгновение выдохнуть с облегчением. Облегчение и радость ждали всех —

кроме шестерых. Трех невест и их близких.

— Правитель выбрал своими невестами трех девушек. Зола Веда Астера из Ликура.

По залу пробежал шум, какой бывает перед началом грозы, когда после томительного затишья ветер сгибает вершины деревьев. Все принялись оглядываться, пытаюсь увидеть ту, которой так не повезло. Веда стояла недалеко от нас — я угадала ее по тому, как побледнела эта черноволосая девушка в синем платье и с каким ужасом прижала ладони ко рту. Чопорного вида мужчина рядом с ней невозмутимо пожал плечами.

— Зола Кьяра Эрга из Тандора, — продолжил герольд.

Кьяру я со своего места рассмотреть не могла, но тонкий то ли вскрик, то ли стон указал направление. Шум на мгновение усилился, и снова зал замер. Наверняка все — кроме четверых, которым уже было безразлично, — объединились в молитве высшим силам.

— Вейра Лилла Иральда из Тандора.

Я закрыла глаза, погружаясь в бушующее море, которое никогда не видела, но о котором читала в книгах. Зал ревел, не в силах сдерживать радость, и никому не было дела до трех неудачниц.

Ледяная рука сжала мои пальцы. Отец обнял меня, его щека коснулась моей. Слезы! Он плакал!

— Отец... — прошептала я.

Если б он хотя бы иногда показывал, что любит меня, что я ему дорога... Разве предложила б я заменить Лиллу? Но тогда наверняка Ворон выбрал бы ее. Да нет, если Кьяра права, он давно ее уже выбрал.

Меня словно ледяным огнем обожгло. Ведь мне придется жить вместе с Кьярой, которая хорошо знает мою сестру. Да и Ворон — не поймет ли он еще быстрее, что его обманули? Наверно, это пугало меня гораздо больше, чем то, что я никогда не вернусь домой. И даже больше, чем то, что я, возможно, стану женой человека, которого совершенно не знаю. Загадочного, страшного... Да и человека ли?

Ворон слегка наклонил голову и вышел. Герольд взмахнул рукой, и гул стих, как по волшебству.

— Правитель благодарит всех девушек, принявших участие в отборе. Невесты и их родные сейчас пойдут со мной. Остальные могут расходиться. По мере того как к крыльцу начнут подъезжать повозки, вас будут приглашать.

Людское море расступилось, позволяя нам с отцом выйти вперед, туда, где ждал герольд.

— Следуйте за мной! — приказал он, когда к нам присоединились Кьяра и Веда со своими отцами.

Мы снова шли длинными, плохо освещенными коридорами, пока не оказались в небольшой гостиной с мягкими диванами и креслами вдоль стен.

— Ожидайте здесь. К вам придут.

Сказав это, герольд удалился, и мы остались одни. Кьяра упала на диван, уткнулась в подушку и дала волю слезам. Ее отец сел рядом и молча гладил ее по волосам. Веда с застывшим, ничего не выражающим лицом стояла, прислонившись к стене, а ее отец смотрел в окно. Мы с моим сели на другой диван, и он снова взял меня за руку.

Внутри бился все тот же клубок ледяного огня, в котором сгорали обида, жалость и сожаление.

Отец, почему ты показал свои чувства ко мне только сейчас, когда теряешь навсегда? Я была рядом — изо дня в день, без малого восемнадцать лет, но так и не дождалась твоей любви и ласки.

Но эта боль, невыносимо острая сначала, притуплялась с каждой минутой. Словно

раскаленный металл, остывая, покрывался ледяной коркой. И вот уже все внутри меня превратилось в глыбу льда. Да, я больше не вернусь домой. Никогда не увижу мать, сестру... отца... Может, это и к лучшему. Я не была нужна им столько лет и вряд ли стану нужнее теперь, когда меня больше не будет с ними.

Почему-то мне казалось, что к нам выйдет сам Черный ворон, но в гостиную вошел один из членов Совета — грузный пожилой мужчина в красной накидке и парике.

— Зол Эрг, зол Астер, вейр Иральд, попрощайтесь с дочерьми. Сейчас вас выведут вниз. Ваши повозки ждут в стороне от общей очереди. С вами отправятся дворцовые слуги, чтобы забрать вещи и отвезти в замок. Надеюсь, все исполнили предписания, и им не придется ждать?

Да, об этом тоже говорилось в извещении, доставленном вестовым. На всякий случай вещи должны были быть собраны заранее. Я представила, с какой радостью другие девушки, вернувшись домой, будут смеяться и разбирать свои сундуки. А Лилла... Они с матерью наверняка возблагодарят высшие силы, что из дворца приедут не за ее вещами, а за моими.

Отец Веды не сказал ни слова, лишь дотронулся до ее плеча и пошел к выходу. Мой отец обнял меня крепко и прошептал на ухо:

— Береги себя, Лан. Не забывай нас.

Поцеловав меня, он направился за золотым Астером. И только Кьяра бурно рыдала, вцепившись в своего отца. Тот беспомощно поглядывал на советника, который морщился, наблюдая за этой сценой.

— Зола Эрга, — сказал он наконец. — Прощайтесь уже с отцом и отпустите его.

Мы с Ведой переглянулись, словно почувствовали друг в друге нечто близкое. То, чего были лишены.

Когда отец Кьяры все-таки вышел, без конца оглядываясь на дочь, за ним последовал и советник, оставив нас дожидаться сопровождающих.

— Ну что, подружки, — с ледяным спокойствием сказала Веда, — значит, будем делить общее несчастье. Как думаете, может, нас по цвету платьев подбирали? Или по цвету волос?

Мы действительно все трое были в синих платьях, только разных оттенков и фасонов. Брюнетка Веда, блондинка Кьяра и я — мои волосы меняли цвет в зависимости от освещения, от ярко-рыжего до темно-каштанового.

— У вас в Ликуре все такие глупые? — Кьяра по-детски вытерла глаза ладонью.

— Успокойся, — я дотронулась до ее плеча. — Она права, нам лучше дружить, а не бросаться друг на друга. Несчастье у нас действительно общее.

— Да как сказать, — язвительно усмехнулась Кьяра. — Общее, но только сначала. Потом одна из нас станет... Черной вороной, а другие... вообще неизвестно, что будет с ними.

— Вот именно, неизвестно, — кивнула Веда. — Может быть, только так говорят, что женой станет одна. Может, на самом деле мы все будем его женами. Одновременно. И не через год, а сразу. Например, уже этой ночью.

7

Меня передернуло. От одной только мысли о том, что, возможно, придется лечь в постель с незнакомым мужчиной и он сможет делать со мной все, что угодно, становилось дурно. Даже когда я думала об этом, представляя рядом Фелиса, было неловко и неудобно. Но то, что сказала Веда?!

— У вас так принято? В Ликуре? — глаза Кьяры воинственно засверкали, и она сделала

шаг к Веде.

— Конечно, нет, — ответила та спокойно. — Нигде не принято. Но что происходит за закрытыми дверями, о чем не говорят? Мой дядя, брат отца... вы его видели. Мои родители умерли, и я с детства жила в его доме. Так вот, мой дядя спит со своей женой и с двумя ее сестрами. Уж не знаю, сразу или по очереди.

— Тогда понятно, почему ты так говоришь. Может, и сама в этой мерзости участвовала? Пятой?

— Слава высшим силам, нет. Но, судя по его липким взглядам, он думал об этом. Так что... трудно сказать, что для меня лучше — стать невестой Ворона или остаться дома.

Вот уж правда, как бы ни было плохо, всегда у кого-то может быть еще хуже. А я думала, что моя жизнь ужасна.

Веда сразу понравилась мне своим спокойствием и рассудительностью. Но уж слишком она была холодной. Впрочем, мы только познакомились, да и ситуация вовсе не располагала к дружескому общению. Вероятно, потом мы сможем сойтись с ней поближе. Ведь нам выпало быть вместе всю оставшуюся жизнь.

А вот Кьяра... Догадается ли она, что я не Лилла? А если догадается, захочет ли раскрыть обман? Как поступила бы на ее месте сама Лилла, узнав, что Кьяру заменила сестра-близнец? Скорее всего, выдала бы обеих. Не по какой-то особой честности и стремлению к соблюдению законов, а от досады, что подруга смогла избежать печальной участи с помощью хитрости.

А Ворон? Что сделает он, если все станет явным? Тут оставалось только гадать. Всех нас отправят в тюрьму? Казнят? Или, может, он с помощью магии превратит нас... в летучих мышей или еще каких-нибудь малоприятных тварей?

Все, Илана, обратного пути нет. Лучше не изводить себя такими мыслями, а надеяться, что ничего подобного не произойдет. Что никто ни о чем не догадается. Ведь ты прекрасно знаешь свою сестру, всю ее жизнь, с самого рождения. Да и Кьяра, если подумать, не такая уж и близкая подруга, если даже ни разу не была у нас дома.

И, кстати, надо привыкать в мыслях обращаться к себе как к Лилле. Я — это она. Робкой, застенчивой Иланы больше нет. Никто не будет сравнивать меня с сестрой. Я получила то, чего хотела.

Так вот... Лилла... может быть, Ворон действительно уже выбрал себе жену. А может, и нет. Кто знает, возможно, настоящий отбор еще даже не начался.

Я вдруг вспомнила то странное волнение, которое почувствовала, встретившись с ним взглядом. Ощущение исходящей от него мощной силы. И страх.

Но признайся честно, Лилла, ведь это был не ледяной ужас. Что-то совсем другое, до сих пор незнакомое. Скорее... страх неизвестности. Неизвестности, которая пугает и одновременно притягивает.

— Что ты молчишь, Лил? — повернулась ко мне Кьяра. — Ты тоже думаешь, что он может... вот так — сразу со всеми?

— Нет, — я покачала головой. — Не думаю. Знаете, девочки, я сейчас вообще ни о чем не думаю. Не хочу думать. Но даже если вдруг — что мы можем сделать?

— Ты такая же мерзкая, как и она! — Кьяра дернула подбородком в сторону Веды, которая только усмехнулась. — Но после тех твоих слов о своем женихе и сестре я уже ничему не удивляюсь.

— Это всего лишь шутка, Кьяра, — я рассмеялась так, как обычно делала Лилла: слегка запрокинув голову. Хотя было совсем не до смеха. — Неужели ты поверила?

Я не представляла, о чем говорила сестра, но, судя по всему, это была какая-то непристойность. Например, что Фелис не прочь переспать с нами обеими и она не стала бы возражать.

Когда мы были детьми, часто играли в черные и белые камешки. Не глядя передавали их под столом из рук в руки, а потом раскрывали свои мешочки и считали. У кого больше белых — тот и выиграл. Сколько еще черных камешков я найду в мешочке своей жизни дома?

— Нет, как хотите, а я так не смогу, — Кьяра вскочила и отошла к окну, за которым давно темнела ночь. — Если придется стать его женой и лечь с ним в постель, это одно. Но валяться в такой грязи? Нет, лучше тогда подняться на самую высокую башню и прыгнуть в пропасть.

— Сказать легче, чем сделать, — все так же холодно заметила Веда. — Я вот совсем не уверена, что смогла бы. И знаешь, обычно на такое отваживаются вовсе не те, кто говорят об этом вслух.

Кьяра уже открыла рот, явно собираясь ответить чем-то ядовитым, но тут в зал вошел седой мужчина в черной одежде с синей отделкой. Я не разбиралась в тонкостях дворцовых одеяний, но, судя по цветам, он занимал какую-то государственную должность. Синий был главным на гербе Тандора, черный — Ликура.

— Зола Эрга, зола Астера, вейра Иральда, следуйте за мной, — пригласил он.

Нас вели по той части дворца, где я еще ни разу не бывала. Длинный коридор закончился узкой лестницей, по которой мы спустились на первый этаж. Во дворе ждала запряженная повозка, большая и роскошная.

— Не знаю, как вы, а я до сих пор почему-то ни разу не подумала, что, возможно, стану самой богатой женщиной двух наших стран, — подобрал подол, Веда села на мягкую скамью напротив нас с Кьярой. — Роскошь — хоть какое-то утешение.

— Откуда ты знаешь? — фыркнула Кьяра. — Что в замке роскошь? Кто туда попал, обратно не возвращается. Слуги, например. А торговцы, которые привозят товары, стружают их во дворе и никогда не заходят внутрь. Может, там паутина, грязь и вороний помет. И деревянные лавки вместо кроватей.

— Вот и увидим. А грязь можно заставить убрать. Или даже самой взяться за тряпку. Хоть какое-то развлечение.

Веда определенно нравилась мне все больше, но я не спешила поддакивать. Самым разумным для меня было пока держаться на тонкой грани, не сближаясь слишком ни с одной из них.

Повозка выбралась из города и медленно двигалась к одинокой горе, на вершине которой темнел замок. Полную луну на мгновение закрыл черный силуэт: похоже, наш жених торопился опередить нас, чтобы встретить на пороге.

8

Я ошиблась. Встретил нас вовсе не Ворон.

Часы на башне как раз пробили полночь, когда повозка, поднявшись почти на самую вершину, остановилась.

— Там впереди расщелина, — Кьяра высунулась в окно по пояс. — Пропась. А с другой стороны — подъемный мост. Сейчас он опускается. Да, отсюда не сбежишь. Только если перелететь.

— Зато есть куда прыгать, — усмехнулась Веда. — Мне интереснее другое. Как замок построили в таком месте.

— Он же маг, — я пожала плечами. — Ворон. Позвал на помощь горных пайгримов. Может быть.

В этот момент край моста со стуком опустился, и повозка медленно двинулась через пропасть. На ней рядом с возничим были прикреплены два угольных светильника, чтобы он мог видеть дорогу. Но внизу чернота казалась такой густой и плотной, что от одного взгляда в окно у меня закружилась голова.

Миновав ворота, мы оказались в широком внешнем дворе, освещенном десятком факелов. Возничий открыл дверь и помог нам выйти, после чего снова уселся на козлы и развернулся, чтобы ехать обратно. Едва повозка миновала мост, тот поднялся и плотно встал в проем ворот.

— И что? — спросила Кьяра, испуганно озираясь. — За нами никто не придет?

Но тут из караульной башенки вышел пожилой кряжистый мужчина с вислыми усами. Подойдя к нам, он низко поклонился.

— Приветствую вас в замке правителя. Следуйте за мной.

Летние ночи в Тандоре были теплыми, даже жаркими, но на высоте, да еще среди каменных стен, в открытых платьях сразу стало холодно. Тонкая шаль не спасала, а голые плечи Кьяры покрылись такими мурашками, что было видно даже при самом слабом свете.

Мы подошли к стене, окружавшей первый двор, и караульный открыл перед нами одну створку кованых ворот. За ними оказался еще один широкий двор, уходящий куда-то в темноту: освещено было только высокое крыльцо.

— Приветствую вас, зола Кьяра, зола Веда и вейра Лилла!

Ох, какой же у него был голос! Мягкий, вкрадчивый — словно бархатные кошачьи лапки. Мне нравился голос Фелиса, но в сравнении с тем, что мы услышали, он показался бы визгом металла по стеклу.

— Какой красавчик! — шепнула мне на ухо Кьяра.

Стоявший на крыльце мужчина и правда был сказочно хорош. Густые светлые волосы, темные глаза, губы, наводящие на самые нескромные мысли. А улыбка... от нее внутри разливалось тепло, как от настойки из медовых ягод. Серые штаны обтягивали крепкие икры и узкие бедра. Надетый поверх белой рубашки черный ирм, знак принадлежности к высшему сословию, подчеркивал тонкую талию и широкие плечи. Вряд ли ему исполнилось больше двадцати пяти.

— Позвольте представиться, — сказал он, когда мы вошли в залитый ярким светом холл. — Зол Керт Меар, управляющий замком и помощник правителя. По всем вопросам, связанным с вашей жизнью здесь, надлежит обращаться ко мне.

— Думаю, у нас будет много вопросов, — пленительно улыбнулась Кьяра.

— Рад служить, — Керт поклонился. Не слишком низко. — Уже поздно, я покажу вам ваши комнаты. Каждую из вас ждет личная служанка, ванна и легкий ужин. Правитель встретится с вами завтра утром, когда вы как следует отдохнете. У вас был долгий и трудный день.

— Как жаль, что у нас не носят брачные кольца, как в Иларе и Фианте, — Кьяра еще ближе наклонилась к моему уху. — Надеюсь, он не женат.

— Забудь, — так же тихо ответила я. — Не думаю, что он сам себе враг.

Насчет роскоши права оказалась Веда. Какая там грязь и паутина! Уж на что ослепительным был дворец Общественных собраний, но замок Черного ворона превосходил его во всем. Будь я одна, наверняка шла бы с открытым от восторга и восхищения ртом. Резьба, лепнина, позолота, цветной полированный камень, колонны, статуи! И я буду жить среди всего это великолепия!

Всю жизнь, Ил... Лилла! Не наскучит ли оно — полученное взамен свободы? Одни и те же колонны и статуи до конца дней?

Возможно. Но если уж тюрьма, лучше такая, чем та, которую описала Кьяра. С паутиной и лавками вместо кроватей.

Мои комнаты оказались на втором этаже, в конце длинного коридора. Большая пышно обставленная гостиная, такая же большая спальня, туалетная комната с утопленной в

полу ванной, гардеробная с огромным зеркалом во всю стену и шкапами вдоль трех остальных. Это после нашей общей с сестрой спальни и одной туалетной на весь дом?

Служанка Нетта понравилась мне с первого взгляда. Милая девушка, совсем молоденькая, светловолосая, с задорно вздернутым носом. Когда она улыбалась, виден был немного кривой передний зуб, но это ее нисколько не портило, наоборот, казалось трогательным, как у ребенка.

— Как вы хотите, вейра Лилла, сначала поужинать, а потом принять ванну? Или сначала ванну?

Я озадаченно закусила губу. У нас дома ванну принимали только по утрам, греть воду еще и вечером считалось слишком расточительным. Но, в конце концов, я теперь невеста правителя, а значит, могу делать все, что сочту нужным. Если, конечно, это не запрещено.

— Сначала ванну. Потому ужин. А потом почищу зубы.

— Как скажете, — кивнула Нетта. — Позвольте, я помогу вам.

Когда мы вошли в туалетную, она, наверно, подумала, что я дурочка или приехала из глухой ликурской деревни. У нас был кран, из которого в ванну текла холодная вода, а горячую добавляли из ведер. Здесь из крана текла теплая вода — такого я еще никогда не видела и не смогла скрыть удивления.

— Какая вы красивая, вейра Лилла, — восхищенно ахнула Нетта, полностью избавив меня от одежды.

Я посмотрела на нее с подозрением, но, похоже, она говорила искренне, а не желая добиться моего расположения. Слышала ли я что-то подобное раньше? Пожалуй, нет. Если не считать ту фразу случайного бального кавалера. Вернее, половину фразы.

После ванны я хотела снова надеть свою рубашку — ведь больше ничего пока не было. Но Нетта принесла совершенно новую ночную — из голубого шелка с тонкой вышивкой. И такую же накидку. И мягкие домашние туфли. Я еще никогда не носила таких красивых и удобных вещей.

Да, это был очень длинный и очень странный день, думала я, укладываясь в постель — огромную, мягкую. Под закрытыми веками проносились спутанные обрывки: дорога во дворец, ожидание в синем зале, подруги Лиллы, герольд, объявляющий волю правителя. Бездонная пропасть перед замком. Красавчик Керт с его волшебной улыбкой. И пристальный взгляд синих глаз в прорезях черной маски...

9

Проснулась я от шороха, который показался очень громким: Нетта раздергивала шторы на окнах. Спальню залил яркий солнечный свет.

— Доброе утро, вейра Лилла, — поприветствовала она меня. — Простите, что разбудила. Вы, наверно, хотели бы еще поспать? Но завтрак уже подан. К тому же надо быть готовой, когда правитель позовет вас.

— Хорошо, что разбудила, — я села и протерла глаза. — А мои вещи? Их привезли?

— Да, еще вчера. Я взяла на себя смелость разобрать одежду. Не сердитесь, вейра Лилла, вам не помешало бы заказать что-то более подходящее для невесты правителя.

Я почувствовала себя уязвленной, но Нетта была права. Мои вещи выглядели более чем скромно. Родители не баловали нас обновками, полагая, что девушкам из среднего сословия не подобает быть слишком яркими и модными. И если сестре еще удавалось настоять на более смелом фасоне, то мои платья мало чем отличались от нарядов Даммары. Интересно, что скажут Кьяра и Веда, увидев меня такой? А Ворон?

— Ты права, Нетта, — вздохнула я, наливая в чашку крепкий утренний яарт, цветом напоминающий осенние листья. — Мой отец небогат, и я не могла позволить себе дорогую одежду. А как мне заказать новые платья?

— У вас будет личный портной, вейра Лилла. Только ваш. Я отведу вас к нему. Расскажите, какие платья хотите, он закажет через зола Меара ткань и все, что нужно. А если не знаете, он покажет вам рисунки самых последних новинок, их привозят из Фианты и Илары каждый месяц. Еще у нас есть своя обувная мастерская. И девушки, которые шьют белье. А если что-то надо купить, тоже нужно заказать через управляющего.

— Но я не знаю... сколько можно. Ведь все стоит денег.

— Не волнуйтесь, — Нетта мягко улыбнулась. — Не могу сказать точно, сколько вам положено на расходы в месяц, но, думаю, вы можете ни в чем себе не отказывать. Даже если вдруг... вам просто осторожно намекнут, что нужно подождать следующего месяца. Хотя мне трудно представить такие желания. Это надо, наверно, каждый день заказывать новое платье или туфли.

Ничего себе! Каждый день я, конечно, новые платья заказывать не собиралась, но вот пару-тройку — надо, и как можно скорее.

После ванны я отправилась в гардеробную, открыла шкаф и замерла от удивления: на деревянных распялках висели два лучших платья сестры, а внизу стояли ее туфли. Растроганный всхлип удалось подавить с помощью горькой мысли: она сделала это не ради меня. Только потому, что понимала: если наш обман раскроют, плохо будет всем. И ей — в первую очередь. Поэтому и положила в мой сундук свои вещи.

С помощью Нетты я надела одно из этих платьев, туфли, а когда она расчесывала мне волосы, в дверь постучали.

— Прошу прощения, вейра Лилла, — пройдя через гостиную, в спальню заглянул Керт.

По спине побежали мурашки. Рука дрогнула, и я уронила шпильку, которую собиралась подать Нетте.

Прекрати, Лил! Конечно, Фелиса давно пора выкинуть из головы, но это не значит, что можно влюбиться в управляющего. Ты здесь не для этого.

— Правитель ждет вас у себя, вместе с остальными. Я провожу.

— Вот как? — я все-таки не удержалась от лукавой улыбки. — А кто проводит остальных?

— Их комнаты ближе к приемной правителя, они найдут дорогу сами. А вы можете заблудиться.

Еще раз: прекрати, Лил! Держи себя в руках. Легче потушить искру, чем лесной пожар.

— Скажите, зол Керт, а как зовут правителя? — спросила я, когда мы шли по бесконечным переходам. Без него я действительно вряд ли добралась бы.

— Этого никто не знает, — он покачал головой.

— Но ведь как-то вы к нему обращаетесь.

— Так и обращаемся: правитель. Возможно, вам удастся это узнать. Невестам.

— А скажите вот еще что... — я хотела выяснить о своем денежном содержании, но почему-то неожиданно спросила: — А вы женаты?

— Нет, вейра Лилла, — засмеялся он. — И в обозримом будущем не собираюсь.

— Почему?

— Разве какая-нибудь девушка добровольно согласится заточить себя в этом замке? Вы же знаете, кто попал сюда, сам уже не выходит. Его выносят — на кладбище. Мои родители служили у правителя, я родился здесь и вырос. Но сейчас в замке нет ни одной девушки, на которой я мог бы жениться. Только прислуга из низшего сословия.

Мне стоило остановиться, но я уже не могла. И это было не праздное любопытство, потому что напрямую касалось и меня.

— Зол Керт, через год одна из нас станет женой правителя. А остальные? Что будет с ними?

Я не стала уточнять, что этот вопрос подразумевал судьбу не только двух невест, но и его самого. Смог бы он жениться на одной из них, если б захотел?

Керт посмотрел на меня как-то странно. Словно я спросила о чем-то непристойном.

— Я не знаю, вейра Лилла.

— Что значит, не знаете? — рассердилась я. — Может, из них сделают жаркое для свадебного ужина? Или они просто будут жить в замке, чтобы жене правителя было не так скучно?

— Скорее, второе, чем первое, — ответил он уклончиво. — Через год узнаем точно.

Еще один поворот, и мы наконец оказались на месте. Я подумала, что обратную дорогу вряд ли найду. Придется просить помощи. У него? Или у кого-то из прислуги?

Керт завел меня в просторную комнату, где уже сидели в креслах Веда и Кьяра. Увидев, с кем я пришла, покосились не без ревности.

— Доброе утро, зола Кьяра, зола Веда, — поклонившись им, он вышел.

— Как спалось? — спросила я, присаживаясь на диван у стены и разглядывая приемную.

На одной из стен висел огромный гобелен с вытканной картой Полуночных земель, остальные были обиты бледно-голубым шелком. Кроме нескольких кресел и дивана, обстановку комнаты составляли лишь книжный шкаф, письменный стол со стулом и маленький столик для напитков и закусок. Каминную полку украшали ваза с цветами и несколько безделушек.

— Спасибо, неплохо, — ехидно отозвалась Кьяра. — А вот ты, похоже, не слишком огорчена разлукой с женихом.

Проклятье, как можно было забыть о том, что настоящая Лилла должна страдать по Фелису?!

— Предпочитаю плакать в подушку, а не напоказ, — отрезала я.

Кьяра хотела ответить, но не успела.

— Приветствую вас, мои дорогие! — голос Ворона заставил нас повернуться к двери.

10

Когда во дворце Ворон вышел к собравшимся, я подумала, что он сам объявит свою волю, но это сделал герольд. И тогда у меня промелькнула мысль, что голос у него должен быть хриплым и неприятным, как воронье карканье. Но теперь я вынуждена была признать: самый обыкновенный мужской голос. Возможно, не такой чарующий, как у Керта, но не без приятности.

Если бы Ворон, надев шляпу, стоял к нам спиной, я, наверно, могла бы спутать его с управляющим. Они были одного роста и одинаково сложены. И даже в очень похожей одежде — если, конечно, сильно не приглядываться. На самом деле ирм Ворона был не из бархата, а из тисненой кожи, белая рубашка из шелка, а заправленные в высокие сапоги штаны — из тонко выделанной замши. Маска все так же скрывала его лицо.

Может быть, он прячет под ней какое-то уродство? Иначе зачем она ему в замке, где вокруг верные слуги, которые никогда не выйдут дальше внешнего двора? Или он скрывает лицо лишь от нас троих — пока мы не привыкнем к нему настолько, чтобы он мог нам открыться?

Вскочив со своих мест, мы замерли в поклоне. И, наверно, слишком откровенно разглядывали жениха — все трое. Насмешливая улыбка тронула его губы, глаза блеснули, и я снова почувствовала, как внутри все слабеет и дрожит. Это была та самая завораживающая, отнимающая способность сопротивляться сила, которая заставляет

мелкого зверька замирать перед змеей, добровольно соглашаясь на участь быть сожженным.

Он прошел через комнату, сел на стул у стола, сделал нам знак садиться. Слуга в голубой одежде поставил на маленький столик кувшин с каким-то напитком и блюдо со сладостями. Наверняка это был всего лишь жест любезности: Ворон не мог не понимать, что мы вряд ли набросимся при нем на угощение.

— Кьяра, Веда, Лилла, позвольте поприветствовать вас в моем замке, — начал он, переводя взгляд с одной на другую. — Надеюсь, вас устроили со всеми удобствами. Если вам чего-то не хватает, обращайтесь к золу Меару.

— Нам не хватает самой малости, правитель!

Мы с Ведой удивленно уставились на Кьяру — ее щеки пылали румянцем, голос дрожал от подступивших слез.

— Чего же, Кьяра?

— Дома. Близких. Свободы любить того, кого захочешь. Нас никто не спрашивал, хотим ли мы быть вашими невестами. У Лиллы был жених. Но ведь вам все равно, не так ли?

Ворон долго смотрел на нее в упор, пока та, не выдержав, не отвела взгляд.

— Я ценю отвагу, Кьяра, — сказал он спокойно. — Даже когда она граничит... с безрассудством. Да, ты права, мне все равно. Жених? — он повернулся ко мне. — Я знаю, Лилла. Но так ли уж ты любила его, если оказалась здесь? Не убежала с ним в Фианту, к примеру?

— Но этим я поставила бы вне закона и себя, и всю свою семью, — мой голос сорвался, и я впилась ногтями в ладони, чтобы не расплакаться.

— Значит, ты принесла себя в жертву...

Ворон смотрел на меня, не мигая. Синее пламя его взгляда обжигало. По спине побежала струйка пота. Я снова подумала, что он обо всем знает. О том, что я не Лилла.

— У человека всегда есть выбор. Согласиться или отказаться. Жить или умереть. Из двух неприятностей выбирают меньшую. Семья для тебя оказалась важнее жениха, правда, Лилла? Поэтому я и спрашиваю, так уж ли сильно ты его любила?

— Не знаю... — я, как и Кьяра, не смогла вынести его испытующий взгляд и опустила голову.

Сейчас я говорила вовсе не о любви Лиллы к Фелису. Ведь той было наплевать на семью. Если б я не предложила заменить ее, они сбежали бы в Фианту или Илару той же ночью. Если, конечно, на это согласился бы Фелис. А вот я... Чем были мои чувства к нему? Любовью? Или первым, еще неясным влечением, помноженным на зависть к сестре, которую — как обычно! — предпочли мне?

Да, я мечтала о нем, засыпая. Но в мечтах никогда не уходила дальше его нежного взгляда и слов: «Я люблю вас, Илана». Ну, может быть, еще поцелуя. Только сейчас я осознала по-настоящему, что эти грезы были не более чем желанием девочки получить такую же игрушку, как у сестры. Нет, не такую же — ту же самую!

— Возможно, я кажусь вам жестоким, — Ворон снова обвел нас взглядом. — И вы сейчас ненавидите меня за то, что оказались здесь против своей воли. Это не ново. Но скажу вам прямо. За тысячу лет у меня было десять жен. Каждую из них я любил. По-своему. И каждая из них любила меня. Может быть, недостаточно для того, чтобы... — он остановился, не закончив фразу. — Как бы там ни было, ни одна из них не стала моей насильно.

— Неудивительно, — вздохнула Веда. — Ведь вы маг.

— Да, Веда, — усмехнулся Ворон. — Я достаточно сильный маг, чтобы завоевать любую страну, особенно если правитель слаб и думает только о своем благополучии. Я могу с

помощью ночных духов построить замок в горах. Мне открыты пусть не мысли других людей, но их истинные чувства. Однако я не владею любовной магией. Если одна из вас полюбит меня, это будет ее собственный выбор.

— А если нет?

— Значит, это случится впервые.

— И что тогда? — вмешалась Кьяра.

— Не могу сказать, — он пожал плечами. — Потому что не знаю. Давайте проживем этот год. Вам нечего бояться, Веда. Вы не станете моими женами прямо сейчас, все трое. Только одна из вас. И только по своей доброй воле. Не смущайся, я знаю, о чем вы говорили. Во дворце даже стены могут слышать.

— Какая может быть добрая воля, когда мы — в неволе? — с горечью спросила она. — Вы так уверены, что другие ваши жены вас любили? Или это был выбор от безысходности? Лучше, наверно, быть женой тюремщика, чем простой заключенной.

— Возможно, — Ворон не стал спорить. — Иногда у любви бывают очень странные причины. Могу сказать только одно. Я не родился таким. И моя сила — в моей слабости. Именно поэтому ни одна из вас не покинет этот замок. Никогда. А сейчас мне пора. Встретимся за ужином.

Глаз не смог уловить его превращения. Воздух словно пошел рябью, и в одно мгновение вместо человека на стуле очутился ворон. Он взмахнул крыльями, на лету слегка ухватил клювом прядь волос Кьяры и оказался у окна. Створка подалась под его нажимом.

Мы остались одни.

11

— Вы вообще поняли, о чем он говорил? — Кьяра убрала за ухо прядь, растрепанную Вороном. — Его сила в его же слабости — это он о чем?

— Не представляю, — покачала головой Веда. — Но было такое ощущение, как будто он видит меня насквозь. И то, что я ела на завтрак, и мои мысли.

— Он сказал, что мысли читать не может, — возразила я. — Только чувства.

— Похоже, это правда, — Кьяра посмотрела на меня с ехидной улыбкой. — Что, угадал насчет Фелиса? Не так уж сильно ты его любишь?

— Он отказался уехать со мной в Илару, чтобы пожениться раньше, — я не глядя взяла с подноса какой-то засахаренный фрукт. — Неужели согласился бы убежать сейчас? Ведь это и его сделало бы преступником. Ничего, думаю, он быстро утешится. Например, с Иланой.

— Значит, правда поглядывал на вас обеих?

— Без меня она сразу станет посмелее, — фрукт оказался слишком сладким, но я все-таки его проглотила. — Ведь ее больше не с кем будет сравнивать. Но Ворон... он правда думает, что хотя бы одна из нас за этот год его полюбит?

— Особенно когда рядом такой красавчик Керт, — засмеялась Веда, но тут же оборвала себя и добавила в полголоса: — Нам надо следить за своими словами. Если уж во дворце ему стало известно о нашем разговоре, то здесь и подавно будут передавать каждое слово. А может, это тоже магия. Надеюсь, нас выпустят погулять, хотя бы во двор, там и поговорим.

— Чем тут вообще заниматься? Чтобы не умереть со скуки? Если даже разговаривать можно лишь с оглядкой.

— Гулять в саду. И в роще — но только летом, зимой туда не пробраться.

Керт стоял в дверях точно так же, как совсем недавно Ворон.

— И все? — выпятила губу Кьяра. — Да, очень весело.

— Здесь есть большая библиотека.

— Вы серьезно, зол Керт? Никогда не могла понять, что за удовольствие в чтении пыльных книг. Если только никак не уснуть — обычно хватает пары страниц, чтобы глаза сами начали закрываться.

— А чем вы занимались дома, зола Кьяра? — в его бархатном голосе проскользнула насмешка, но вряд ли Кьяра ее заметила.

— Ну... — она задумалась. — Вышивала. Гуляла в саду. Каталась верхом. Встречалась с подружками. Еще немного играла на нерге и пела. Ах, да, ездила с родителями в гости и на балы, но не слишком часто.

— Все это вы можете делать и здесь. Ну, кроме прогулок верхом и поездок в гости. Подруга вам, правда, только одна осталась, но, думаю, вы и с золой Ведой подружитесь. Напишите список того, что вам нужно для рукоделия, все привезут. И вообще обо всем, что потребуется, говорите мне. В замке есть музыкальный зал — можно играть на разных инструментах, петь. И танцевать. Партнеров, правда, не так уж и много, но зато искусные в этом деле.

— Например, вы? — Веда бросила на него взгляд из-под ресниц.

— Например, я, зола Веда.

— Все это, конечно, хорошо, — вмешалась я. — Но меня больше интересует не это, а то, о чем правитель умолчал. Что станет с теми двумя, которые не подойдут на роль жены.

— Вейра Лилла, вы об этом меня уже спрашивали, и я ответил, что не знаю. Не скрываю, а именно не знаю.

Веда и Кьяра уставились на меня с таким возмущением, как будто узнали о нашем с ним тайном свидании.

— Зол Керт, в это трудно поверить, — Кьяра вскочила с кресла и подошла к нему поближе.

— Когда был последний отбор, даже мои мать и отец еще не родились. Они приехали в замок двадцать шесть лет назад, незадолго до моего рождения. На тот момент правитель уже давно был вдовцом. Двух других, разумеется, тоже не было. Что стало с ними? Это такая же загадка для меня, как и для вас. И кстати... никто не собирается специально подслушивать ваши разговоры и передавать их правителю — если я, конечно, верно понял ваши слова, зола Веда. Во дворце вы просто слишком громко говорили, чтобы вас никто не услышал.

Мне срочно нужно было остаться одной. Обычно я обдумывала события дня, когда ложилась спать, но вчера так устала, что уснула почти мгновенно. Ждать до вечера — слишком долго. Нужна была веская причина, чтобы ускользнуть от остальных.

— Зол Керт, служанка сказала, что у меня будет свой портной, я бы хотела с ним встретиться. Прямо сейчас. Вы не могли бы проводить к нему?

— Конечно, вейра Лилла, — он посторонился, пропуская меня в дверь. — Зола Веда, зола Кьяра, вы можете подождать здесь. Я вернусь и покажу вам замок. Если у вас нет других намерений.

Я тут же пожалела о своей просьбе, зато повеселели Веда и Кьяра, успевшие по-кошачьи выпустить когти.

— А кто покажет замок мне? — капризно поинтересовалась я, когда мы с Кертом поднялись на второй этаж и пошли крытой галереей. — Здесь нужно брать клубок ниток и привязывать его к колонне, чтобы не заблудиться.

— Ничего, скоро вы все узнаете и запомните, — он улыбнулся так, что сердце забилося вдвое быстрее. — Я могу провести вас по замку после обеда.

— Разве у вас нет других дел?

— Конечно, есть. Но я все успею.

— Скажите, а ваши родители?.. — я не знала, о чем говорить, но и молчать было как-то неловко.

— Отец умер два года назад, и я занял его должность. А мать вы увидите сегодня за ужином. Завтрак и обед подают в комнаты, ужин — в общей трапезной. Там вы познакомитесь со всеми, кто живет в замке.

Керт ввел меня в просторное помещение, заваленное свертками тканей и всевозможными швейными принадлежностями. За столом, листая большой альбом, сидел сухонький старичок с седой бородой.

— Это ваш портной, Грис Март, — представил его Керт.

Я вытаращила глаза от удивления. На последнем балу женщины с сожалением шептались, что больше ни у кого не будет платьев от Марта — лучшего портного Тандора. Тогда я подумала, что он умер, но мне было все равно — ведь мы не могли позволить себе подобную роскошь. И вот теперь он будет шить только для меня. Невероятно!

Когда Керт ушел, Март начал снимать мерки, потом задал множество вопросов о том, какие фасоны, цвета и ткани я предпочитаю, показал рисунки самых модных платьев.

— Сегодня я нарисую ваши будущие наряды, вейра Лилла, — пообещал он на прощание. — И если вам понравится, закажу все необходимое. Думаю, через несколько дней вы уже будете примерять обновки.

— Благодарю, Март, — я улыбнулась, словно ребенок, вволю наевшийся сладостей. — Скажите, а как мне выйти в сад?

Он подробно объяснил, и я легко нашла дорогу. Пройдя через уже знакомый двор, обнаружила в стене ворота, а за ними... как будто попала в волшебную сказку.

12

Мне казалось, что дома у нас красивый сад. Пусть небольшой, но все равно красивый. И рядом с дворцом был очень милый парк, куда разрешалось выходить во время бала. Но это сад меня по-настоящему поразил. Сколько же труда было вложено в эти великолепные, радующие глаз клумбы, искусно подстриженные кусты и деревья, ровные песчаные дорожки, фонтаны и беседки. Труда — или магии? Пожалуй, и того, и другого.

Я забыла о времени, старательно изучая его. Шла, шла, следуя поворотам дорожек, пока вдруг не оказалась в уединенном уголке, вид которого заставил замереть на месте.

Пышные кусты цветущей эрты, скамейка под ними. Как будто сюда перенесли часть сада, где я провела немало часов за чтением, рукоделием или просто в мечтах. Только добавили маленький фонтанчик: вода переливалась из верхней чаши в нижнюю. Мне всегда нравился такой тихий плеск воды, похожий на шум дождя.

Я сорвала кисть белых цветов, села на скамейку и поняла, что... ничего не понимаю.

Выходит, Кьяра права? Ворон давно уже выбрал себе невест? Может, он обратил внимание на Лиллу в тот самый момент, когда увидел нас детьми, в саду под кустом эрты. Наблюдал за ней все эти десять лет. Именно за Лиллой, не за мной. Потому что не мог не узнать: в отборе может участвовать только она.

Но ведь это был мой любимый уголок! Он не различал нас? В это я точно не могла поверить. Тогда что?

Оставалось единственное предположение. Ворон догадался, что я Илана, а не Лилла, и создал этот уголок с помощью магии специально для меня. Ночью или сегодня утром.

Выходит, ему все равно, кто из нас стал его невестой?

Я поднесла к лицу кисть эрты, и прохладный запах успокоил мои мятущиеся мысли.

Наверняка все намного проще. И кажется сложным лишь потому, что я не знаю причин. Так всегда бывает с загадками. Ломаешь голову, а потом удивляешься: как можно было не догадаться сразу?

Почему-то показалось, что сейчас рядом промелькнет тень и на ограду опустится черный ворон. Но вместо ограды здесь была каменная стена, а в ней — едва заметная за кустами калитка из металлических прутьев. Я встала, подошла поближе. Она легко подалась под рукой.

За стеной оказалась узкая тропинка. С одной стены отвесная скала, с другой — обрыв. Но пройти вполне возможно, если, конечно, тропа не завалена снегом. Не об этом ли говорил Керт — что рядом есть роща, где можно гулять, но зимой туда не пробраться? Чуть ниже вдалеке действительно виднелись деревья, а за ними — другая гора. Видимо, тупик.

Тут я вспомнила, что после обеда Керт пообещал показать мне замок. Главное, чтобы об этом не узнали Кьяра с Ведой. Забавно, кто бы мог подумать, что между нами возникнет соперничество не из-за жениха, а из-за управляющего.

Но, вообще-то, это было глупо. Если не сказать опасно. Удастся ли нам держать свой интерес на том уровне, когда это не вызывает никаких подозрений, а следовательно, и неприятных последствий?

Надо было возвращаться, я провела с портным и в саду слишком много времени. Вот только не заблужусь ли снова?

Но опасения мои оказались напрасными. Я легко нашла лестницу на второй этаж, а там мне подсказала дорогу приятная пожилая женщина в черном платье. Имени своего она не назвала, а спросить я постеснялась. Объяснив, где надо свернуть, моя спасительница скрылась в одной из комнат. Последовав ее указаниям, я уже через несколько минут оказалась у цели.

— Я начала волноваться, вейра Лилла, — Нетта сняла салфетку с подноса, красовавшегося на столе в гостиной. — Обед уже подан. Хорошо, что холодный, иначе остыл бы.

Я знала, что во многих богатых домах Тандора постепенно переходили к обычаю Фианты и других соседних земель: подавать горячий плотный обед, а ужин, напротив, делать легким. В замке, надо думать, все шло по заведенному порядку: плотный завтрак, легкий холодный обед и обильный горячий ужин. Мне нравились новые веяния: после сытной еды было тяжело засыпать, я старалась есть на ночь меньше.

На подносе обнаружился холодный суп, разделанная запеченная птица, сырые овощи, зелень и хлеб. Мне не хотелось есть, но я попробовала всего понемногу. В первую очередь для того, чтобы не проголодаться к ужину слишком сильно, наброситься на угощение и объесться до икоты.

Едва я успела вытереть губы салфеткой, в дверь постучали.

— Вы готовы осмотреть замок, вейра Лилла? — с улыбкой спросил Керт.

Проклятье, да не улыбайся ты мне так! Я вовсе не хочу в тебя влюбиться. Мне нужно только одно — чтобы было кому оценить мои новые платья и потанцевать со мной. Пусть тебя забирают Кьяра с Ведой.

Нет, как это пусть забирают? Еще чего!

Так чего же я хочу на самом деле? Чтобы этот красавец влюбился в меня? Но тогда я останусь без подруг, которые станут моими врагами. Да и Керту могут грозить серьезные неприятности. К тому же влюбиться самой — слишком опасно. А чужая неразделенная любовь — слишком тягостно.

Пожалуйста, высшие силы, пусть это будет всего лишь легкий интерес с обеих сторон, не более того. Небольшое яркое пятно в мрачной картине моей жизни в замке.

— Как прошла ваша встреча с Мартом? — спросил Керт, когда мы вышли в коридор.

— Прекрасно. Никак не ожидала встретить его здесь.

— Неужели правитель покупится для своих невест? — рассмеялся он. — Зола Веда получила в свое распоряжение лучшего портного Ликура, а золе Кьяре достался Эллин Бриг — вам знакомо это имя?

— Несчастные женщины Тандора, — я не смогла удержаться, чтобы не рассмеяться вместе с ним. — Их лишили двух самых известных портных. Но скажите, как они согласились поселиться здесь? Ведь им тоже не позволят выйти отсюда, я правильно поняла? Или их согласия не спрашивали? Как и нашего?

— Нет, вейра Лилла, они согласились добровольно. Служить правителю — большая честь. К тому же Март и Ивер, портной из Ликура, одинокие вдовцы, а Бриг взял с собой семью.

— Мне не понять, зол Керт, в чем смысл этого? Ладно мы, но почему служащие не могут выйти отсюда? Этот замок — как могила, кто попал, уже никогда не вернется. Какие тайны он хранит? Что здесь происходит такого, о чем никто не должен знать? Я не понимаю, и это пугает меня больше всего.

13

— Вы правда думаете, что я отвечу? — Керт посмотрел на меня, чуть прищурившись.

— Нет, конечно, — горько усмехнулась я. — Скорее, это вопли в пустоту. Но ведь мы тоже отсюда никогда не выйдем. Какой смысл скрывать от нас? У меня вообще голова кругом идет, потому что все так запутано и выглядит таким бессмысленным. Я сидела в саду и думала о том, что все загадки кажутся сложными, пока не узнаешь ответ. Наверняка во всем есть смысл. Но пока я его не вижу.

— И как вам понравился сад, вейра Лилла?

— Вы мастер уходить от ответа, меняя тему разговора, зол Керт.

— Другие девушки задавали мне те же самые вопросы. Скажу вам то же, что и им, — я зацепилась за его взгляд и почувствовала, как дрогнули колени. — Все, что нужно знать, вы узнаете либо сами, постепенно, либо задав вопросы правителю. И все-таки, что вы думаете о нашем саде?

— Он прекрасен. В жизни не видела такого красивого. Но скажите... тот уголок, где калитка, когда он появился? В смысле, когда появились эрта, скамейка и фонтан?

— Вы имеете в виду калитку, через которую можно выйти на тропу к роще? — Керт задумался. — Не знаю точно. Мне кажется, там всегда все было так, как сейчас. Во всяком случае, подростком я любил сидеть там с книгой. Есть в этом месте что-то... волнующее.

Не сходи с ума, Лилла. Похоже на сад у нас дома? Эрта, скамейка... кстати, совсем другая, не как у нас. Да и эрта растет везде. Наверно, это просто совпадение, а я придумала неизвестно что.

— Да, там очень приятно. И напоминает сад у нас дома.

— И как вы нашли дорогу обратно?

Керт свернул на уже знакомую галерею, и я чуть замешкалась, любуясь видом на горы, от которого захватывало дух.

— Мне помогла какая-то пожилая женщина. Очень милая, — ответила я, нагнав его.

— Со временем вы со всеми познакомитесь. И все тут узнаете. Это ведь ваш первый день в замке.

— Мне кажется, что прошло уже не меньше недели. А еще — что я сплю. Проснусь, и все будет как прежде.

— Вы задали столько вопросов, вейра Лилла. Позвольте, и я задам вам один? Но если не хотите, можете не отвечать. Вы сильно страдаете из-за того, что вас разлучили с женихом?

— Мне кажется, все это было в какой-то другой жизни, — хоть и не сразу, но я все же ответила. Потому что поняла: притворяться и убедительно изображать страдания не смогу. А мои собственные мечты о Фелисе вдруг показались такими глупыми. Так что я не соврала — все это действительно было словно не со мной. — Но кто вам рассказал о моем женихе? Правитель?

— Нет, ваши подруги. Пока я показывал им замок утром.

— Как это мило — когда тебя обсуждают за глаза, — я покачала головой. — Подруги? Веду я вчера увидела впервые. А Кьяра вовсе не была такой уж близкой подругой. Мы просто знакомы, иногда встречались. Она даже домой к нам ни разу не приходила. Если они и станут моими подругами, то только от безысходности. Потому что других нет.

— Ну что ж. По крайней мере, на меня вы можете рассчитывать. Как на друга.

Да пропади ты пропадом, Керт! Держись от меня подальше. Не хочу я с тобой дружить. Потому что точно знаю, ничего хорошего из этой дружбы не выйдет.

— Спасибо, зол Керт. Буду знать.

Замок казался огромным и снаружи, но внутри, похоже, был и вовсе бесконечным.

— Никогда я тут ничего не запомню, — приуныла я, оказавшись в очередном коридоре. — Это невозможно.

— Всем так кажется сначала. И все спустя какое-то время привыкают. А пока вы можете обратиться к любому, кого встретите. Если нужно вернуться в свои комнаты, спрашивайте, как попасть в Белый коридор на втором этаже южного крыла.

Я только глаза закатила и повторила про себя несколько раз его последние слова, чтобы запомнить.

Музыкальный зал сильного впечатления на меня не произвел: все равно я ни на чем не играла, да и голос был недостаточно сильным, чтобы хорошо петь. Зато рядом оказалась мастерская художника — пустая. С огромными окнами, выходящими на юг, — она должна была быть залита светом большую часть дня.

— А можно я буду приходить сюда? — спросила я робко. — Порисовать?

— Вы рисуете, вейра Лилла? — удивился Керт. — Конечно, можно. Все равно художника в замке пока нет. Только скажите мне, что вам нужно. Завтра же все доставят.

Художника пока нет... Наверно, его привезут, чтобы он написал свадебный портрет. И он тоже останется в замке навсегда. Еще один узник — ради совершенно ненужной прихоти.

Библиотека оказалась пугающе великолепной. У нас дома книг было немного, в основном лекарские отца. И всего одна полка наших с Лиллой. Она читать не очень любила, но иногда приносила мне что-то взятое на время у подруг. В основном стихи и истории о любви, красивые и печальные. Две любимые, зачитанные до дыр, я взяла с собой в замок.

Итак, я нашла себе уже три места, где могла с удовольствием проводить время: сад, мастерскую художника и библиотеку. Что до общества Кьяры и Веды... У меня не было близких подруг, только несколько приятельниц, с которыми встречались не так уж и часто. Хватало сестры, да и одиночество не пугало: наедине с собой скучно никогда не было.

Керт показал мне большую часть замка — за исключением жилых и служебных помещений. И я устала так, словно обошла пешком целый город, улицу за улицей.

— До встречи за ужином, — сказал он, проводив меня до двери.

В спальне я скинула туфли и прилегла на кровать, чтобы хоть немного отдохнуть. Но не прошло и десяти минут, как раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнула я, поднимаясь со вздохом.

В гостиной ждал Март.

— Прошу прощения, вейра Лилла, я взял на себя смелость принести вам рисунки. Чтобы уже сегодня сделать заказ.

Мы сели за стол, и он показал мне наброски двух повседневных и двух вечерних платьев, подробно объясняя, какие предполагает взять ткани и что использовать для отделки. Я была в детском восторге. Да и вообще сразу почувствовала к нему расположение. Вскоре мы болтали с ним, как старые знакомые.

— Жаль, что я не шил вам платья раньше, — сказал Март, собирая свои рисунки. — Это такое редкое удовольствие — шить на женщину, сложенную без малейшего изъяна. Надеюсь, вы не будете стесняться иногда представлять передо мной в нижнем белье? Портной — как лекарь. К тому же я старик.

— Скажите, Март, — осмелилась спросить я, — как давно вы уже в замке?

— Скоро два месяца. Правитель предложил служить ему и приехать заранее, до отбора невест.

— Я все-таки никак не могу понять, что заставляет людей соглашаться на его предложение. Деньги? Страх? Добровольно заточить себя в этой тюрьме...

— Все не так, как вам кажется, вейра Лилла, — ответил он с доброй улыбкой.

14

— Я вас не понимаю, Март.

— Почему вы так уверены, что мы в тюрьме?

— Но... — растерялась я. — Все знают, что тот, кто однажды попал в замок, уже никогда из него не уходит. Только на кладбище. И управляющий так сказал. И сам правитель — что мы останемся здесь навсегда.

— Да, это так, — Март пригладил бороду. — Отсюда никто не уходит. Но только потому, что никто не хочет уходить. И в этом нет никакой тайны. Каждый из нас, поступающих на службу в замок, подписывает договор. От управляющего до последней судомойки. Мы работаем здесь три года, никуда не отлучаясь. А потом можем вернуться домой. Или остаться. Пока еще никто не уходил.

— Но почему? И почему об этом никому не известно?

— Почему люди остаются здесь, я вам не отвечу. Не сердитесь, вейра Лилла, вы все равно не поверите, пока не поймете сами. А почему об этом не знают за пределами замка? Потому что условия договора запрещено разглашать. Вот все и уверены, что отсюда обратной дороги нет.

— Не обижайтесь, Март, но мне правда сложно в это поверить, — от растерянности я взъерошила волосы, и шпильки посыпались дождем. — Я могу допустить, что здесь удобно жить, роскошно, на всем готовом. Но неужели за три года люди так привыкают к золотой клетке, что потом не хотят вернуться в свой дом, повидаться с родными и друзьями? Даже просто выйти в город, посмотреть на других людей? Вот вы, Март. Три года вы будете шить платья мне. И их не увидит никто, кроме обитателей замка. А раньше все смотрели и говорили: «Какое красивое, надо и мне заказать у Марта».

— Детка! — он рассмеялся и погладил меня по руке. — Я никогда не был тщеславным. Мне нравится шить, нравится, если женщина довольна. Увидят другие — хорошо, нет — ну и не надо. Что касается родных, правитель предлагает работу или одиноком, или разрешает взять с собой семью. А друзья, город... Я уже через месяц понял, что не хочу возвращаться. Посмотрим, что через год скажете вы — если не станете супругой

правителя.

— Подождите! — я вскочила. — Вы хотите сказать, что другие две невесты смогут вернуться домой, если захотят? Но нам никто этого не говорил. Наоборот, правитель сегодня утром сказал, что все мы останемся здесь. Я подумала, это связано с какими-то тайнами. И была уверена, что отсюда нельзя выйти именно по этой причине. Чтобы никто ничего не узнал за пределами замка.

— Я не могу утверждать наверняка, вейра Лилла, ведь с вами, невестами, все по-другому, — Март задумался. — Вы-то как раз попали сюда против своей воли. Тайны... У правителя определенно есть какие-то тайны. Например, почему он всегда носит маску. Никто не знает его имени и откуда он появился. Но если нам, живущим в замке, это не известно, как мы можем кому-то рассказать? Вероятно, вам он как раз и откроется. И поэтому вы все останетесь здесь. Простите, моя дорогая. Скоро ужин, вам надо привести себя в порядок. А мне — сделать заказ всего необходимого, чтобы завтра утром его отправили в город.

Он вышел, и я без сил опустилась в кресло. Если после слов Керта об уголке в саду мне показалось, будто схожу с ума, то теперь ощущение было таким, что уже сошла, окончательно и бесповоротно.

Через три года люди могут уйти — но не уходят. Почему? Конечно, до города путь неблизкий, но при желании можно было бы съездить туда, например, с торговцами, а потом вернуться обратно. Значит, нет его — этого желания? Так хорошо здесь, что никуда больше не тянет, ничто не нужно, и никто не нужен? Что же это за место зачарованное?

Зачарованное? Может, и правда, дело в магии? А поскольку никто не возвращается, снаружи все думают, что это просто невозможно.

Допустим, одной загадкой стало меньше. Керт сказал: все, что нам надо знать, мы узнаем постепенно.

Кстати, о Керте. Он родился здесь, в замке. Неужели не хотелось хотя бы из любопытства побывать в городе или еще где-нибудь? Впрочем, вероятно, и бывал, откуда мне знать.

Я попыталась как можно точнее вспомнить его слова.

«Вы же знаете, кто попал сюда, сам уже не выходит. Его выносят — на кладбище».

Я поняла это «не выходит» буквально: за ворота. Но, скорее всего, он имел в виду, что никто не возвращается к прежней жизни. А у него никакой другой жизни и не было.

Что-то еще... Ах, да!

«Разве какая-нибудь девушка добровольно согласится заточить себя в этом замке?»

Почему нет, если ей изначально позволено будет навещать родных? Скорее всего, он и не пробовал искать себе невесту. Возможно, у него есть какая-нибудь возлюбленная из прислуги.

Мои мысли прервал стук в дверь.

— Прошу прощения, вейра Лилла, — поклонилась, войдя, Нетта. — Пора готовиться к ужину. Какое платье вы наденете?

— У меня пока нет выбора, — смущенно ответила я. — Только то, в котором вчера приехала. Но скоро появятся новые.

— Вы уже встретились с Мартом, да? Он очень милый, все его здесь полюбили. И, говорят, он замечательный портной.

— Еще бы! Один из самых лучших во всех Полуночных землях. Скажи, Нетта, ты давно в замке?

— Почти три года. Раньше занималась уборкой, теперь вот ваша личная служанка.

— И ты не хочешь вернуться домой? — я посмотрела на нее испытующе.

— Домой? — она удивленно вскинула тонкие светлые брови. — Да у меня и дома-то нет. Я жила с отцом, мачехой и тремя их детьми. Делала всю самую грязную работу. Теперь мой дом здесь. Знаете, почти все сначала думают: когда пройдут три года, поеду навестить родных, повидаюсь с друзьями. А потом понимают, что это все стало таким далеким и ненужным.

— А письма? Можно писать родным?

— Можно. Но никто не пишет. Да и зачем? Если я напишу, что у меня все хорошо и я не хочу возвращаться, разве кто-то поверит? Ведь люди уверены, что отсюда нельзя уйти.

Все действительно оказалось совсем не так, как я думала. И настолько просто, что в это было сложно поверить. Но они явно не обманывали — ни Март, ни Нетта. С обитателями замка все стало более-менее понятно. Но вот с нами...

Что ж, не будем торопиться. Все обязательно выяснится.

15

— Ох, как же не люблю ситу, — простонала я, когда Нетта, туго затянув полосу, с усилием застегнула крючки. — Раньше надевала ее только на балы. А балов в моей жизни было всего четыре. Пятый раз — вчера на отбор. А теперь придется мучиться каждый вечер.

— Да, — сочувственно кивнула служанка. — Наверно, это очень неудобно. Она же так давит. Ни вдохнуть глубоко, ни повернуться, ни поесть толком.

— Скажи, Нетта, — я застыла с поднятыми руками, пока она натягивала и расправляла на мне платье. — Ты говорила, что раньше убирала в замке. Откуда же ты знаешь, как прислуживать знатной женщине? Это ведь не так просто.

— Нас учила золла Меара, мать управляющего. Меня, Иду и Шену. Она сама из высшего сословия и все знает. Вы увидите ее за ужином. Там собираются все. Слуги, конечно, отдельно.

— Боюсь, я снова заблужусь. Зол Керт показывал мне трапезную, но у меня в голове все перепуталось. Я вообще плохо запоминаю дорогу. Сестра всегда смеялась надо мной.

— Придется проводить вас, вейра Лилла, — улыбнулась Нетта. — Я, конечно, не такой приятный спутник, как зол Меар, но дорогу знаю.

Я рассмеялась.

Ах ты, лисичка зубастая!

Хотя я только познакомилась с Неттой, она нравилась мне намного больше подруг по несчастью. Возможно, я ошибалась, однако Кьяра показалась пустой и развязной, а Веда хоть и умной, но слишком уж холодной. Их общество не особенно меня привлекало. Впрочем, вряд ли получилось бы встречаться с ними только за ужином.

— Он такой красавчик, — добавила она, — по нему многие девушки вздыхают. Но нам до него... как до неба.

— Неужели у него нет?.. — я запнулась, не зная, каким словом обозначить те вольные отношения, которые зачастую складывались между представителями высшего и низшего сословий. В законный брак они перейти не могли, но мужчина и женщина жили вместе, и у них даже появлялись дети.

— Возлюбленной? — подсказала Нетта. — Даже не знаю. Их часто видят с Андрой, девушкой из швейной мастерской. Но что между ними? Она не из тех, кто делится с другими.

Очень даже хорошо. Прекрасно! Кьяру и Веду это наверняка только подзадорит, но не меня. Что скрывать, сердце дрогнуло, когда я увидела его вчера. И все же позволить себе сейчас какие-то чувства казалось... непорядочным, что ли? Да, я стала невестой правителя против своей воли. И сам он сказал, что женится лишь на той, которая полюбит его. Возможно, это послужило бы оправданием, но снова влюбиться в мужчину, принадлежащего другой? Нет, спасибо.

Кстати, вот и ответ — почему он не собирается жениться в ближайшем будущем.

Нетта быстро и ловко причесала меня, подкрасила губы и ресницы. Это тоже стало новостью — я знала, многие женщины используют всякие средства, чтобы сделать лицо ярче или подчеркнуть в нем что-то, но у нас дома ничего такого не водилось. А когда сестра купила краску для губ, мама заставила ее выбросить.

У дверей трапезной Нетта поклонилась и исчезла. Я остановилась на пороге, не решаясь войти, но Керт заметил меня и подвел к Кьяре и Веде.

— Я уже беспокоился, что ваша подруга снова заблудилась, — сказал он им, глядя на меня так, словно у нас была какая-то общая тайна.

Девушки покосились ревниво, и я подумала, не делает ли Керт это специально, сталкивая нас между собой. Вот только зачем?

Огромная, пышно украшенная трапезная была разделена надвое узорчатой драпировкой, за которой виднелись накрытые к ужину столы. Ближняя к входу половина с мягкими скамьями и креслами вдоль стен, видимо, предназначалась для танцев: на небольшом балконе я заметила музыкантов.

К нам начали по очереди подходить собравшиеся в зале. Керт представлял их, но очень скоро мне стало ясно, что всех сразу запомнить не смогу. Как я поняла, с правителем ужинали лишь служащие высшего ранга и члены их семей, а сколько же вообще народу жило в замке? Наверно, как в целом городе.

— Зола Эльда Меара, моя мать.

Пожилая женщина улыбнулась мне как старой знакомой, и я с удивлением узнала в ней ту, что подсказала дорогу к моим комнатам. В вечернем лиловом платье и с высокой прической она выглядела совсем иначе.

В дверях появился герольд в таком же костюме, как и дворцовые, только темно-синем с золотом. Собравшиеся мгновенно стихли и расступились, образовав проход, а драпировка раздвинулась словно сама собой.

— Правитель Ликура и Тандора, именуемых также Полуночными землями! — торжественно объявил герольд и отступил в сторону.

В зал стремительно вошел — словно влетел — Ворон. Все как один замерли в поклоне. На мгновение остановившись рядом с нами, он едва заметно кивнул и проследовал к столам, где сел на свое место в центре. За ним потянулись и остальные, лишь мы втроем стояли растерянно, не зная, куда идти.

— Я покажу ваши места, — пришел на помощь Керт.

На дворцовых балах подавали только закуски и напитки, но я знала: короткий стол является главным, а из длинных самый почетный тот, который по центру. Для чуть менее важных особ — правый, для остальных — левый.

— Ваши места за столом правителя, — пояснил Керт. — Но пока вы невесты, сидеть будете согласно положению.

Почетное место справа от Ворона, разумеется, досталось Кьяре: тандорцы считались выше ликурцев. С другой стороны от нее оказался Керт — моя пара за столом. Веда сидела слева от Ворона, ее парой стал главный распорядитель, имя которого я не запомнила. Хоть мне и не доводилось бывать на подобных собраниях, правила поведения я знала из книг. Следуя им, беседовать за столом полагалось только со своей парой — соседом слева, и это меня не слишком обрадовало. Впрочем, похожий на плешивую

крысу сосед справа привлекал еще меньше.

Ворон пожелал собравшимся приятной трапезы, заиграла музыка, все принялись за еду. И только мне кусок не лез в горло.

16

Как я вчера целый день, с утра до ночи, провела в этих ужасных тисках?

Сита давила на ребра и живот так, что темнело в глазах. Какое там есть, я вдохнуть толком не могла. А ведь на балах в ней танцевала. Конечно, можно было предположить, что поправилась за последний месяц, если б только вчера не чувствовала себя в ней вполне сносно. Не слишком удобно, конечно, но терпимо.

Чтобы не привлекать внимания и не вызывать пересуды, я все-таки положила на тарелку немного жареного мяса с овощами и время от времени делала вид, что отправляю кусочек в рот. Даже от одного вкуса начинало мутить. Очень хотелось пить, но я понимала, что и глотка воды не смогу сделать — запросится обратно.

А ведь надо было еще мило улыбаться и поддерживать беседу с Кертом. Он трещал, как радужная птица, и мне захотелось воткнуть вилку ему... в руку, что ли. Чтобы замолчал. Но это ладно, впереди были танцы! Сказать, что мне нехорошо, и уйти? Не хватало только так опозориться в первый же вечер!

К концу ужина я задумалась о том, как бы выйти якобы по естественной надобности и снять эту проклятую ситу. Но чтобы добраться до крючков, надо было расстегнуть платье на спине, а потом, что еще хуже, застегнуть. Сама это сделать я вряд ли смогла бы. Попросить Кьяру или Веду помочь?

Пока я размышляла, момент был упущен. Музыка заиграла громче, и Ворон поднялся, подав руку Кьяре. По правилам, первую гинеру каждый танцевал со своей парой, соблюдая порядок, в котором сидели за столом. А поскольку Керт по положению был выше распорядителя, мы с ним оказались вторыми. Танцевал он действительно прекрасно, но оценить этого я не смогла. И единственное, о чем мечтала, — как бы не упасть в обморок.

В середине танца круги смещались, и соседние пары менялись партнерами. Я оказалась в паре с Вороном. Глаза в прорезях маски блеснули, когда он приблизился ко мне и взял за руку.

— Вейра Лилла, вы такая бледная. Вам дурно?

— Все в порядке, правитель, не беспокойтесь, — с трудом пробормотала я.

— Вы весь вечер ничего не ели.

Он сидел через два человека от меня, но обратил внимание. А Керт, который был рядом, не заметил!

— Я обычно не ем вечером, чтобы лучше спать. У нас дома всегда подавали очень легкий ужин.

Каждое слово давалось мне с трудом. После резкого поворота в глазах снова потемнело, на лбу выступил ледяной пот. Невольно я сильнее стиснула правую руку Ворона. Он коротко взглянул на меня, остановился и поднял левую. Музыка тотчас стихла.

— Вейра Лилла нездорова, — сказал он во всеуслышание. — Я отведу ее в комнату и вернусь. Продолжайте.

Зал удивленно загудел, все уставились на нас, но Ворон не стал ждать и потащил меня к выходу. Снова заиграла музыка, танец продолжился.

До коридора я еще кое-как добрела, а там чуть не упала. Ворон поддержал меня, его рука коснулась моей спины.

— Вот оно что! — сердито усмехнулся он. — Служанка слишком туго затянула вам ситу.

Повернитесь и стойте спокойно.

Расстегнув крючки платья сзади, Ворон приказал:

— Выдохните как можно сильнее.

Я постаралась выжать из себя воздух без остатка, и он, на мгновение стянув ситу еще туже — перед глазами заплясали огненные круги, — быстро освободил меня от нее. Потом застегнул платье и свернул ленту.

— Пойдите немного, отдышитесь. Я провожу вас. Прошу прощения, вейра Лилла, это моя ошибка. Я надеялся, зола Меара научит девушек всему, что должна знать личная служанка. Хотя стоило поискать в городе опытную прислугу. Завтра же этим займутся, а пока не найдут, отдам вам ее собственную служанку. Потерпит.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась я. — Мне очень нравится Нетта. Она всему научится, я уверена. К тому же другая девушка — для нее тоже все здесь будет новым. А мне нужно, чтобы кто-то помог все узнать и запомнить.

— Ну что ж... — подумав, кивнул Ворон. — Пусть будет по-вашему.

Из-за угла показался юноша в голубой одежде слуги и подошел к нам, повинуясь властному жесту.

— Немедленно найди Нетту, служанку вейры Лиллы. Пусть идет в ее комнаты.

Как только парень скрылся, Ворон подал мне руку, за которую я с готовностью уцепилась. Страх исчез — словно по волшебству. Неловкость, смущение — да, но точно не страх. Мы медленно пошли по коридорам, и я уже узнавала что-то знакомое: здесь статуя, там большая синяя ваза из полированного камня, а сейчас будет лестница. А когда очутились в Белом коридоре, я уже чувствовала себя намного лучше и даже осмелела настолько, что решилась задать вопрос.

— Могу я спросить, правитель? Как мы можем к вам обращаться?

— Все так и зовут меня — правитель, — он пожал плечами.

— Но мы же ваши невесты. Может, позвольте нам узнать ваше имя?

— У меня нет имени, — после долгого молчания ответил Ворон. — То, которое дали при рождении, я давно забыл.

— Этого не может быть! — не поверила я.

— Я постарался забыть его. Того человека уже нет. Я — ворон. И если вас... Лилла, — он подчеркнуто опустил сословное именование, — не устраивает обращение «правитель», можете звать меня Вороном. Когда мы одни, разумеется. К тому же так зовут меня все... за глаза.

— Но кто вы? Человек, который может становиться вороном? Или ворон, который может становиться человеком?

— Об этом мы поговорим позднее, если позволите, — он открыл передо мной дверь комнаты.

Нетта, сидящая на стуле в гостиной, испуганно вскочила, увидев его, и замерла в низком поклоне.

— Благодарю свою госпожу, — Ворон бросил ей свернутую ситу. — Она за тебя заступилась. Я собирался отправить тебя обратно к тряпкам и щеткам. Спокойной ночи... вейра Лилла.

— Спокойной ночи... правитель, — пробормотала я, когда дверь за ним уже закрылась.

17

— Вейра Лилла, чем я провинилась? — по щекам Нетты покатались слезы.

— Успокойся, — я подошла и погладила ее по волосам. — Это не твоя вина. Ты затянула мне ситу так сильно, что я чуть не потеряла сознание во время ужина. Но я же не предупредила тебя, на какой ряд крючков застегивать.

— Да, я подумала, надо на крайний. Если б вы сказали, что туго...

— Нетта, я сама понятия не имела, на какой ряд ее застегивали раньше. А туго всегда. Сначала кажется, что вообще не вдохнуть, потом становится легче. А поскольку надевать эту гадость придется каждый вечер, мы с тобой попробуем другие ряды, выберем такой, чтобы и подтягивало, и можно было дышать и есть. Но только завтра. А пока вот что... Ванну я сейчас принимать не буду. Помоги мне раздеться и лечь. А сама раздобудь какой-нибудь еды. Я и за обедом толком не ела, а за ужином вообще ни крошки. Просто умираю от голода.

Всхлипнув запоздало еще пару раз, Нетта быстро избавила меня от одежды. Под грудью и чуть ниже талии тело опоясывали два багровых рубца, оставленные жесткими краями ситы. Посмотрев на них, Нетта снова всхлипнула.

— Все, хватит! — прикрикнула я слегка. — Это не шрамы, пройдет. Давай рубашку. И бегом на кухню!

Нетта выскочила за дверь, а я блаженно вытянулась на постели.

Первый день в замке подошел к концу. И он оказался не менее странным, чем предыдущий. Полный тайн, загадок, размышлений и предположений. Новых знакомств и новых впечатлений. Моя жизнь, определенно, изменилась в тот момент, когда я предложила заменить на отборе сестру — надеюсь, что мое предложение не примут.

То, что произошло за ужином... Керг, в которого утром я почти готова была влюбиться, упал в моих глазах. Вовсе не потому, что сделал что-то не так. Нет, потому, что не сделал.

Но Ворон... Произошедшее словно мановением крыла стерло страх и неприязнь к тому, кто насильно вырвал меня из привычной жизни. Что осталось? Любопытство. Смущение. И... волнение. Необычное, незнакомое. Его глаза, то голубые, то темно-синие, смотрели испытующе. Как сказала Веда, насквозь. Но это не было неприятно. Напротив.

Однако это волнение сильно отличалось от того, что я испытывала, встречая Фелиса. И та невольная дрожь, которую вызвала улыбка Керта — все это напоминало рябь на воде от налетевшего ветра. Сейчас... Как будто в темной глубине проплыло что-то огромное, неведомое и магически притягательное...

Наконец Нетта вернулась с подносом всякой снеди, накрытой салфеткой. Как ни хотелось проглотить все, я ограничилась сквашенными сливками с лесными ягодами. А с последними ложками навалилась дремота. Едва хватило сил прополоскать рот. Нетта еще гасила светильники, а я уже погружалась в сон, похожий на мягкую пуховую перину.

Он словно стал продолжением моих мыслей — такой же загадочный и волнующий. Но что это было? Во всяком случае, проснулась я с отчаянно бьющимся сердцем и улыбкой на губах. Солнце заливало спальню: я даже не услышала, как Нетта раздвинула шторы. В туалетной шумела вода, текущая из крана в ванну. Я нашарила на полу мягкие туфли и пошла туда, зевая во весь рот.

После ванны Нетта принесла мне в гостиную завтрак. Я сидела за столом непричесанная, в накидке на голое тело, поджав под себя ноги. И тут в дверь настойчиво постучали.

— Посмотри, кто там, — попросила я Нетту, едва не поперхнувшись.

Отодвинув ее, в комнату вошли Кьяра и Веда. Не спросив разрешения, уселись напротив меня и уставились так, словно я задолжала им денег.

— Ну? Рассказывай, Лил, что это было? Вчера? — приподняв брови, потребовала Веда.

Кьяра бесцеремонно отломала кусок булочки и обмакнула в варенье. И заявила с

брезгливой гримасой, попробовав:

— Кислятина! А ну-ка выйди! — приказала она Нетте.

Та повернулась ко мне с молчаливым вопросом, и я кивнула. Поклонившись, Нетта исчезла за дверью.

— Вы же слышали, — меньше всего мне хотелось обсуждать вчерашнее происшествие с ними. — В трапезной было слишком душно, мне стало нехорошо. Во... правитель довел меня до комнаты. Только и всего.

— Ах, правитель довел меня до комнаты, — передразнила Кьяра. — Как трогательно. Знаешь, Лил, я тебя просто не узнаю. Ты на себя не похожа. Чтобы тебе когда-нибудь было дурно?

— Отстань от меня, Кьяра! — отрезала я, а внутри все похолодело. — Ты сама говорила, будто я не слишком переживаю из-за разлуки с женихом. А теперь удивляешься, что я не смеюсь и не прыгаю, как коза? Да и вообще. Тебе здесь очень весело? Не ты ли позавчера вечером рыдала, прощаясь с отцом?

Румянец мгновенно сбежал с ее щек. Веда покачала головой и успокаивающе дотронулась до моей руки.

— И правда, оставь ее в покое, Кьяра. Нам всем сейчас нелегко, не хватает только бросаться друг на друга. Лилла, мы хотели поиграть в саду в мяч. Пойдешь с нами?

— Мне надо одеться.

По правде, идти с ними не было никакого желания, но я решила, что лучше все же сделать над собой усилие.

— Надевай что-нибудь легкое, — посоветовала Кьяра уже не таким задиристым тоном. — Там очень жарко. Наверно, будет гроза.

Через полчаса я вышла в сад в платье сестры из бледно-зеленого тонкого полотна. Духота давила, цветы пахли одуряюще, и все казалось поникшим, словно вылинявшим. Девушки лениво перебрасывали кожаный мяч через плетеную сетку. Я встала на сторону Веды, но Кьяра возмутилась:

— Так нечестно, вас двое, а я одна.

— Позвольте уравновесить силы?

Веда и Кьяра расцвели улыбками, а я, отвернувшись, поморщилась.

Только тебя тут и не хватало, Керт! Откуда ты только взялся? Или Ворон приставил тебя наблюдать за нами?

Он снял ирм и бросил его траву. Глубокий разрез на рубашке распахнулся, слегка обнажив поросшую золотистыми волосами грудь. Я заметила, как жадно рассматривает его Кьяра, как испарина выступила на лбу Веды.

— Хотела бы я знать, где же наш драгоценный жених? — с ядовитой усмешкой поинтересовалась Кьяра, отбив очередной мяч: играла она лучше всех, несмотря на то, что широкие юбки мешали нам двигаться достаточно быстро.

— Во дворце, занят государственными делами, — спокойно ответил Керт.

— Неужели он правда думает, что кто-то из нас сможет полюбить его, если мы будем видеться только за ужином?

Глаза Веды расширились, рот испуганно приоткрылся. Я проследила ее взгляд и увидела Ворона, сидящего на ветке дерева за спиной Кьяры.

мячом? Он достаточно тяжелый, чтобы убить птицу. Можно вообще убить бессмертного Ворона? А если да, то что ждет за такое... неумышленное убийство правителя? Смертная казнь?

Дурочка, о чем ты думаешь? В этом нет ничего смешного, перестань!

Я прикрыла рот рукой, чтобы спрятать улыбку. Но тут же прибежала другая мысль, еще глупее.

А если Ворон вдруг превратится в человека, прямо сидя на этой ветке? Она довольно тонкая, даже сейчас под ним прогибается. Сломается — и...

Проклятье, Лилла, прекрати немедленно!

Я уткнулась в плечо Веды и расхохоталась. Та отстранилась, посмотрев с недоумением. Все остальные тоже.

Кьяра и Керт обернулись. Кьяра побагровела и одарила меня таким взглядом...

Еще бы, ведь получилось, что я смеялась над ней. Над тем, что она непочтительно отозвалась о Вороне, в то время как он находился у нее за спиной.

Наверно, мы стали одного цвета. Все вышло настолько некрасиво, и я не знала, как объяснить, что не имела в виду ничего подобного. Любые слова прозвучали бы сейчас нелепо.

Я положила мяч на траву и пошла прочь, чувствуя взгляды, которые, казалось, прожигали кожу под платьем. Ноги сами привели меня в уголок с эртой и фонтаном. Опустившись на скамейку, я закрыла руками пылающее лицо.

Сколько прошло времени? Мелкий гравий, которым была посыпана дорожка, шорохом отозвался на мужские шаги — они приближались. Кто-то коснулся моего плеча.

Почему-то я подумала, что Керт пришел утешать меня, и с досадой поморщилась под ладонями.

— Лилла!

Вздрагнув, я убрала руки от лица. Передо мной стоял Ворон.

Слегка нажав на плечо, он не позволил мне вскочить и сел рядом.

— Я... смеялась не над Кьярой, — оправдание прозвучало жалко. Да ведь он его и не требовал.

— Знаю, — на губах Ворона не было улыбки, она пряталась в глазах. — Мне открыты чувства людей. Но не мысли. Могу я узнать, что тебя так развеселило?

— Вдруг представила, что... вы превратились в человека, прямо сидя на ветке, — глядя себе под ноги, призналась я. Хотя о мяче не сказала бы, наверно, даже под страхом смерти.

— Не удержался и полетел вниз. У вас на глазах. Так?

— Не знаю, что на меня нашло. В этом не было ничего смешного. И теперь все думают, что...

— Я — не думаю, — оборвал меня Ворон. — Не переживай.

— Но Кьяра...

— Лилла, признайся, так ли уж важно, что подумает Кьяра? Или Веда? Или Керт?

— Не знаю. Наверно... нет.

— Вот и прекрасно. Иди к ним. Иначе получится еще хуже. Ничего не объясняй, не оправдывайся. Ты не обязана этого делать.

Он хотел встать, но тут я осмелилась задать вопрос, который не давал мне покоя со вчерашнего вечера. Один из множества вопросов.

— Скажите, пра... Ворон. Вчера утром вы обращались к нам по имени и на ты, а ко мне потом — на вы и «вейра Лилла». И сейчас — снова на ты. Мне показалось это странным.

— Обычно я обращаюсь к невестам по имени, когда рядом больше никого нет. Во время танца вокруг были люди. Только и всего. Мне пора, Лилла. Если будет гроза или сильный дождь, вряд я ли смогу вернуться в замок. Придется вам ужинать без меня.

Блеснуло синевой черное оперение — и я осталась одна. Эрта пахла так сильно, что закружилась голова. Совсем как вчера вечером.

«Только и всего»? Когда он расстегнул мне платье, чтобы снять ситу, мы были одни. И потом, когда шли к моим комнатам. Но он все равно обращался ко мне на вы. Вряд ли это имело какое-то значение. Скорее всего, просто продолжил так, как говорил при всех. Еще не привык... то есть отвык. Неужели я подумала, что он как-то этим выделил меня из нас троих?

Да что со мной сегодня такое? Так влияет приближение грозы?

Я встала и пошла обратно на лужайку, где мы играли в мяч. Керта там уже не было, а Кьяра и Веда устроились прямо на траве в тени дерева — того самого, на ветке которого прежде сидел Ворон.

Почувствовав, как губы снова пытаются расползтись в улыбке, я больно ущипнула себя за руку чуть выше локтя. И попросила Кьяру, сев рядом с ней:

— Извини. Я не над тобой смеялась.

— Как будто в первый раз, — дернула плечом та и пояснила Веде: — С ней это и раньше бывало. Начнет хохотать над чем-то, как дурочка, и остановиться не может.

Да, с Лиллой такое и правда случалось, а вот со мной — впервые. Но, возможно, вышло и неплохо. Кьяра ведь уже сказала, что я не похожа на себя — на настоящую Лиллу. Конечно, вряд ли это прозвучала всерьез, но раз, другой, третий — и уже есть о чем задуматься. И ей самой, и Ворону — если это долетит до него.

— Что он сказал? — спросила я, прислонившись к стволу и закрыв глаза. — Ворон?

— Ничего, — вместо Кьяры ответила Веда. — Посидел и улетел. А Керт сказал, что его ждут дела, и тоже ушел. Я же говорила, надо следить за языком.

— Ничего не будет, не переживайте.

— Почему ты так уверена? — фыркнула Кьяра.

На этот вопрос я ответить не могла. Уверенность возникла ниоткуда: ничего плохого с нами здесь не произойдет.

— А что может быть? Он посадит тебя в темный чулан с пауками? Или оставит без сладкого? Но Веда права, не стоит так болтать. Не потому, что за это накажут, а...

— Лил, а ты случайно в него уже не влюбилась? В Ворона? Ну а что? У тебя ведь это быстро. Встретила Фелиса — влюбилась. А раньше? Мирта рассказывала, как ты бегала на свидания к лесничему. Тоже все быстро получилось?

Вот так... чего только не узнаешь от посторонних о собственной сестре-близнеце. За которую себя выдаешь. Лесничий? Серьезно? И, кстати, с чего я вообще взяла, что они с Кьярой были подругами? Разве не бывает такого, когда девушки при встречах улыбаются, целуются-обнимаются, а сами готовы друг другу глаза выцарапать?

— Кьяра, оставь уже Лил в покое, — снова вступилась за меня Веда. — Даже если и так, тебе-то что? Нам же лучше. Пусть забирает его себе.

— А ты, дорогая, на Керта нацелилась? — голос Кьяры взвился в небо. — Зря. Мне служанка сказала, у него есть подружка.

— Да. На которой он не может жениться, — Веда была невозмутима.

— Но и у тебя тоже ничего не выйдет. Неужели ты думаешь, Ворон позволит своей невесте, пусть ненужной, выйти замуж за кого-то другого? Нет, мы останемся здесь — старыми девами. Без надежды даже на тайную любовь какого-нибудь привратника.

Я встала, отряхнула платье.

— Простите, девочки, я пойду к себе. Голова разболелась. Наверно, из-за грозы. Уже тучи собираются.

В спину ударило ядовитое:

— А ты не беременна, Лил? Вчера тебе было дурно, сегодня голова болит. Вот ведь будет смешно!

19

Спасибо, сестричка! Где бы ты ни была, что бы ни делала. Надеюсь, уши у тебя красные, как солнце на закате. Потому что думаю я о тебе не самые приятные вещи.

Только сейчас до меня дошло, почему она делилась со мной своими секретами так избирательно. Лесничий? О нем я не слышала ни слова. Хотя прошлым летом сестра действительно частенько убегала из дома без меня. Говорила, что идет к подругам, которых я не знаю, мне будет с ними неинтересно. А вот о Фелисе рассказывала, но такое, от чего меня бросало в жар. И хотелось ее убить, когда представляла это. Зачем?

Да именно поэтому. Я никогда не говорила, что он мне нравится, но наверняка Лилла поняла это. Сразу поняла. И старалась сделать мне больно.

Но за что? Чем я перед ней провинилась? Может, тем, что слишком похожа на нее? То же лицо, та же фигура. Она не была единственной, неповторимой — и поэтому всеми силами старалась превратить меня в свою бледную тень. И ей это удалось... почти удалось.

Окно спальни было открыто, но ни малейшее дуновение ветерка не касалось тонкой белой занавески. Духота давила, заставляя хватать воздух приоткрытым ртом — как полуживая рыба на прилавке торговца. Я легла на кровать и взяла с ночного столика книгу стихов, которая раскрылась там, где была заложена.

Заложена черным пером, пролежавшим в ней десять лет. Как некий тайный знак судьбы.

Я вовсе не собиралась его хранить. Не задумываясь, зачем это делаю, подобрала, сунула в карман и забыла о нем. И вспомнила, когда Даммара собирала нашу одежду в стирку. Достала и быстро спрятала в книгу, лежавшую рядом. Не хотела, чтобы увидела сестра и начала надо мной смеяться. А потом... рука не поднялась выбросить. Так перо и осталось в книге в качестве закладки.

Был ли это действительно Ворон? Или все-таки самая обычная птица? А что, если спросить его?

Я начала дремать, и тут в дверь постучали.

Кто теперь? Нетта стучала робко, Керт уверенно, Кьяра — бесцеремонно. Этот стук был мне еще незнаком.

— Войдите! — крикнула я и с трудом приподнялась: так не хотелось вставать, жара лишала сил.

Через гостиную в спальню проскользнула Веда. Огляделась, присела в кресло.

— Не разбудила? Решила заглянуть, посмотреть, как тут у тебя. Очень мило.

— А у тебя?

— У меня тоже хорошо. Заходи — увидишь, — предложила она.

— Я бы с удовольствием, но боюсь, что не найду дорогу, — призналась я. — Я здесь как в заколдованном лесу. Выхожу из комнаты и не знаю, как вернуться. Сейчас вот какой-то слуга проводил.

— Ничего, пойдем вместе. А потом доведу тебя обратно. Я как раз хорошо дорогу запоминаю. И здесь уже не боюсь заблудиться. Скажи, Лил...

Веда запнулась, и мне показалось, что сейчас она спросит что-то такое, о чем не говорят с малознакомыми людьми. Например, занималась ли я любовью со своим женихом. Этот вопрос вполне вытекал из последнего предположения Кьяры. Но услышала совсем другое:

— Скажи, как вы вообще дружили с Кьярой? У меня такое чувство, что она тебя ненавидит.

— Мы не дружили, Веда. Были знакомы, иногда где-то встречались, разговаривали.

— Она не слишком хорошо о тебе отзывалось. И меня это удивило. Почему-то сначала я подумала, что вы действительно подруги. Когда ты ушла, она говорила так, словно ты у нее что-то украла.

— Понимаешь... я всегда пользовалась успехом. На меня обращали внимание мужчины, девушки хотели со мной дружить. Самая простая зависть и ревность.

Конечно, я не знала наверняка, но подозрение такое у меня возникло, еще когда мы ждали, чем закончится отбор. А сейчас оно только укрепилось.

— Ясно, — кивнула Веда. — А можно я еще спрошу? Когда вы прощались во дворце с отцами... Извини, я, наверно, о больном. Но тебе не показалось, что бурное горе Кьяры и ее отца было каким-то?..

— Показным? — подсказала я.

— Да, что-то вроде того. Твой отец был очень сдержан, но его горе... вот оно было настоящим.

— Может быть, — я пожала плечами. — Мой отец всегда был сдержанным и скупым на чувства. Если б не отбор, я, наверно, никогда бы не узнала, что он меня любит. Но... некоторые вещи узнаешь слишком поздно. А Кьяра... Я же сказала, мы не были подругами. О ее жизни мне известно очень мало. И отца ее я увидела впервые.

— А еще мне кажется, что на самом деле ты совсем другая, Лилла. Не такая, какой хочешь казаться, — Веда посмотрела на меня внимательно, и по спине побежали мурашки. Как в тот момент, когда Кьяра сказала, что я не похожа на себя. — Я так поняла, у тебя есть сестра?

— Да, Илана. Мы близнецы, — было так странно говорить о себе как о другом человеке, но зато я видела все совсем в ином свете. — Она родилась спустя полчаса после наступления нового года, поэтому не попала на отбор.

— Ей повезло, — усмехнулась Веда.

— Да. Она совсем не такая, как я. Тихая, скромная, робкая. Очень замкнутая, у нее почти нет подруг. Сколько себя помню, мне всегда хотелось отличаться от нее. Но лицом и телом мы похожи, как две капли воды. Значит, надо было стать иной в чем-то другом. И я всегда очень старалась. Иногда мне кажется, что в любом из нас живут несколько разных людей.

— Скорее, каждый из нас носит маску. Как Ворон, — Веда встала и подошла к окну. — У тебя вид на горы. В лунную ночь это должно быть волшебным.

— А у тебя?

— На сад. Сегодня утром я проснулась от пения птиц.

Улыбка пробежала по ее хмурому лицу, и я поняла, что она очень красива. Хотя красота

эта необычная. Может, она и проигрывала яркой привлекательности Кьяры, но было в ней что-то завораживающее.

Не хотела бы я, чтобы Веда стала моей соперницей в любви.

В любви? Но о ком я? Не о Керте же! Неужели о Вороне?

Еще вчера утром это казалось мне невозможным. Но после того, что произошло вечером, и недавнего разговора в саду я уже не была так категорична.

Могла бы я полюбить его?

Кто знает...

Взгляд Веды упал на раскрытую книгу, лежащую на ночном столике. Ее темные тонкие брови взлетели, как две черные птицы.

— Перо Ворона? Неужели?

20

Я уже открыла рот, чтобы пробормотать какие-то жалкие объяснения: перо подобрала еще десять лет назад, так и лежит в книге. Но тут словно толкнуло что-то. Разве Лилла — настоящая Лилла! — стала бы оправдываться? Да и Ворон сказал, что я вовсе не обязана это делать. Значит, не буду.

— Вóрона, — улыбнулась я.

А ты, Веда, теперь думай, какого именно — правителя или обычной птицы. Если тебе больше заняться нечем.

Она посмотрела на меня долгим задумчивым взглядом, но ничего не сказала. И уже позже, когда мы шли к ее комнатам, я подумала, что именно с ней — лучше дружить, а не воевать.

Кьяра — это была открытая вражда. Возможно, раньше они с сестрой прикрывали ее флером благовоспитанности или условностей, но сейчас все это было отброшено. Однако от явного врага примерно знаешь, чего ждать. А вот Веда с ее наблюдательностью и пронизательностью... Она, как и я, привыкла скрывать свои чувства — не зря мне сразу показалось, что мы чем-то похожи. И в этом была опасность. Да, она не знала настоящую Лиллу, как Кьяра, но выводы все равно могла сделать, и не самые приятные.

Веда привела меня в свои комнаты на первом этаже — тоже очень красивые, но совсем другие. Удивительно, в своих я сразу же почувствовала себя как дома. Да нет, даже лучше, чем дома. Из них не хотелось уходить, туда было приятно возвращаться. А комнаты Веды подходили как раз ей. Они казались ее продолжением. И я не сомневалась, что у Кьяры тоже самое.

— Как ты думаешь, кто выбирал, где мы будем жить, занимался обстановкой? — спросила я.

— Не знаю, — пожала плечами Веда. — Наверно, Керт. Не Ворон же.

— Скажи, — я решила, что вполне могу ответить небольшой бестактностью на ее вопросы, — он тебе нравится? Керт? Или ты в саду сказала так, чтобы позлить Кьяру?

— Даже не знаю, — задумалась она. — Мы здесь всего второй день. Сначала он мне действительно понравился. Такой красавчик, такой обходительный. Но... в нем все немного слишком, Лил. Слишком красивый, слишком вежливый. Как будто в крем на пироге переложили сахара. Не удивлюсь, если Кьяра в него влюбится. А ты? Тебе он нравится? Или действительно приглянулся Ворон?

Чем ответила бы ей Лилла? Наверно, как обычно: ни да, ни нет, ни правду, ни ложь.

— Веда, что бы там ни говорили Кьяра и Ворон, мне очень тяжело из-за разлуки с женихом. Хотя я и стараюсь не показывать этого. Если уж не суждено стать женой Фелиса, этому чувству надо дать перегореть. И Керт, и Ворон — оба интересны, каждый

по-своему. Но сейчас я не могу думать о другом мужчине.

— Пообедаешь со мной? — она ловко сменила тему.

— Так жарко, что вообще есть не хочется, — отказалась я. — Пойду прилягу. Наверно, гроза начнется еще до ужина.

А это значит, что Ворон в замок не вернется, промелькнула мысль, от которой я поспешила отмахнуться: не вернется — ну и ладно. Какое мне дело? Но легкий привкус сожаления остался.

Нетта все-таки уговорила меня съесть немного холодного супа, после чего я действительно легла и задремала. И проснулась от первых раскатов грома. В комнате потемнело, занавеску трепал набирающий силу ветер. Обрушился стеной ливень — и сразу стало легче дышать.

Гроза в горах — такого красочного зрелища мне еще не доводилось наблюдать. Лиловые тучи висели низко, задевая вершины, ветвистые молнии срывались с высоты в пропасть, гром множился гулким эхом. Наконец небесная битва закончилась, но обложной дождь продолжался.

На этот раз Нетта застегнула ситу так, что было хоть и тесно, но вполне терпимо. И до трапезной я добралась сама.

— Я слышала, что Ворон в замок не вернулся из-за дождя, — прошипела мне на ухо Кьяра, когда мы шли к столу. — Жаль, не могу поменяться с тобой местами.

— Не все ли равно? — не поняла я. — Ты ведь сидишь рядом с Кертом. И раз у тебя нет пары, он должен будет оказывать внимание нам обеим.

— Ты издеваешься, Лил? — возмущенная гримаса обнажила передние зубы, и она стала похожа на хищного зверя. — Раз Ворона нет, вы с Кертом будете танцевать гинеру первой парой. А я пойду среди последних. С кем-то, кому тоже не хватило пары за столом.

— Неужели это так важно? — вмешалась Веда. — У тебя самое почетное место, и ты будешь танцевать с Вороном первый танец каждый вечер. Это мы должны тебе завидовать.

За ужином Кьяра не позволила Керту сказать мне ни слова. Она без конца обращалась к нему, даже с набитым ртом, и ему приходилось отвечать. Лишь иногда он посматривал на меня так, словно просил прощения. Но я была только рада. Возможно, свою роль сыграли слова Веды о том, что Керт похож на слишком сладкий крем, но каждый раз, когда я встречалась с ним взглядом, появлялось ощущение, будто съела что-то приторное. Как тот засахаренный фрукт, который схватила не глядя с подноса в приемной Ворона.

Мне действительно пришлось танцевать с ним первый танец, да и потом он приглашал меня чаще других. А когда закончился последний, бесконечно длинная сфорта, во время которой партнеры довольно чувственно касаются друг друга, подал мне руку.

— Ах, да, вы же, наверно, не знаете, — рассмеялся Керт в ответ на мой недоумевающий взгляд. — Вчера вы ушли задолго до конца. После сфорты мужчина провожает свою пару, такой у нас здесь обычай.

Пока мы шли людными коридорами, он молчал, но как только спустились на второй этаж и остались одни, повернулся ко мне:

— Прошу прощения, вейра Лилла, что так мало уделял вам внимания за ужином. Я хотел бы разговаривать с вами, но было бы неучтиво оборвать золу Кьяру.

— Ничего страшного, — ответила я равнодушно, желая только одного: поскорее оказаться в своей спальне. В обществе Нетты. Раздеться, принять ванну и лечь спать.

— Я чувствую себя неловко.

— Не стоит.

Наконец мы подошли к моей двери.

— Спокойной ночи, вейра Лилла...

В его словах прозвучало что-то похожее на вопрос, а на лице, когда я быстро ответила тем же и вошла в комнату, промелькнуло разочарование.

Интересно, на что он рассчитывал? Что я приглашу его к себе?!

21

В спальне было душно, Нетта открыла окно. Пока она готовила ванну, я стояла и смотрела на горы.

Дождь прекратился, ветер разогнал тучи, и над вершинами поднялась огромная луна, едва пошедшая на убыль. Мокрые скалы сияли в ее призрачном свете золотом и серебром. Веда была права, это оказалось воистину волшебным зрелищем. Но оно навеяло на меня странную тоску и... жажду любви. Вовсе не той, что я испытывала к Фелису — да и вряд ли это можно было назвать любовью. До слез, до боли захотелось не только любить самой, но и быть любимой. По-настоящему.

— Вейра Лилла, ванна готова, — позвала меня Нетта.

Я вошла в туалетную, сняла накидку и посмотрела на свое отражение в зеркале. И, наверно, впервые попыталась увидеть себя... глазами мужчины. Мои мысли о Фелисе никогда не заходили так далеко, а рассказы сестры заставляли краснеть, всеми силами отгоняя нескромные картины. Но сейчас я позволила себе это. Вот только чьи глаза жадно смотрели на мое обнаженное тело? Уж точно не Фелиса и не Керта.

Ворона?..

Не первый раз сегодня я думала о нем, но стоило всего на мгновение представить, что он здесь, рядом, как меня залило горячей волной и сердце сорвалось в галоп.

— Что с вами? — забеспокоилась Нетта.

— Никак не могу отдышаться после ситы, — через силу улыбнулась я, торопясь забраться в воду. Как будто прячась от воображаемого взгляда.

— Я опять затянула слишком сильно?

— Нет. Не слишком, в самый раз. Но в ней всегда трудно дышать. Она же должна стягивать и скрывать все лишнее.

— У вас нет ничего лишнего, вейра Лилла, — запротестовала Нетта.

— Даже если и так, я не могу не надеть ситу под вечернее платье. Это будет заметно. Ты же не хочешь, чтобы все обсуждали: если на ней нет ситы, может, и нижнего белья тоже нет?

Нетта засмеялась, прикрыв рот ладонью, а за ней и я. Наваждение прошло — но надолго ли?

Ночью мне было не уснуть. Может, потому, что выспалась днем, а может, мешало то, что в книгах называли смятением чувств. Не какие-то определенные мысли — но смутная тревога, беспокойство, волнение. Никак было не устроиться удобно, одеяло давило, подушка казалась горячей и жесткой, простыня липла к ногам.

Я встала и снова подошла к окну. Ночная прохлада остудила лишь пылающее лицо, не более того.

Вдруг мне показалось, что по желтому диску луны промелькнула черная тень. Неужели Ворон? Да нет, наверно, ветер пронес заблудившийся обрывок тучи. Зачем Ворону возвращаться ночью в замок, если утром опять лететь в город?

У окна я стояла, пока не замерзла. Легла и все-таки уснула. В этом сне я снова была девочкой и сидела в саду под кустом цветущей эрты. Такой легкий, светлый, беззаботный сон — если бы только запах не заставлял волноваться, совсем не по-детски, ожидая чего-то незнакомого, пугающего и манящего.

Когда я проснулась, солнце еще не выбралось из-за гор. Казалось, воздух мягко переливается радужными красками, как изнанка речной раковины. Запах из сна не исчез, наоборот, стал сильнее. На подоконнике лежала чуть привядшая кисть. Я взяла ее, поднесла к лицу, пряча в ней улыбку. Умирая, эрта всегда пахла так, словно собирала последние силы.

Будить служанку слишком рано не хотелось, я прилегла и неожиданно для себя заснула снова. Пока она не пришла в обычное время.

— Как пахнет эртой, — заметила Нетта, раздвигая шторы.

— Принесла вчера из сада, — глупо соврала я. — И положила под подушку.

— Странно. Я разбирала постель и не заметила.

Почему-то было неловко сказать, что эрта — подарок Ворона. И потом... разве я знала наверняка? Но не из сна же она появилась. И принести никто не мог. На ночь дверь запиралась на ключ. Один был у меня, второй у Нетты. Не говоря уже о том, что по стене к окну не вскарабкалась бы даже кошка.

Но... еще один ключ мог быть у Керта. Он же управляющий. И мы с ним говорили об эрте в саду, о том уголке. Он еще сказал, что часто сидел там, когда был подростком. И его вчерашняя... любезность...

Но зачем ему это надо? Неужели он настолько безрассуден, чтобы ухаживать за невестой правителя? Или... это проверка? По поручению Ворона?

Настроение — такое солнечное, сияющее — сразу же потускнело, радость сжалась и спряталась, как улитка в домик.

После завтрака я взяла книгу и пошла в сад, хотя и сомневалась, что смогу прочитать даже строчку. После грозы и дождя все вокруг сверкало и благоухало, но меня ничего не радовало. Я брела по дорожкам, глядя под ноги, пока не вышла к беседке, оплетенной мелкой вьющейся магной. И прежде чем увидела тех, кто сидел внутри, узнала голоса.

Ворон и Веда.

Они общипывали большую гроздь винных ягод, разговаривали и смеялись.

Надо же, мне и в голову не приходило, что у нее такой противный смех!

Я хотела повернуться и тихо уйти, но меня заметили.

— Доброе утро, Лилла! — Ворон отдал гроздь Веде и встал.

— Доброе утро... правитель, — пробормотала я, поклонившись.

— Посидишь с нами?

— Нет, спасибо... Не хочу мешать.

Я быстро обогнула беседку и пошла по саду куда глаза глядят. И очутилась... у своего уголка. Как будто все дорожки вели к нему. Села на скамейку, положила книгу рядом.

В конце концов, Лилла, с чего ты взяла, что он должен уделять внимание только тебе? Вы все его невесты. А женой станет одна. Он сказал, что это будет та, которая его полюбит. Ну а вдруг мы все полюбим его? Тогда выбирать будет он. И что делать остальным?

Глаза защищало от подступивших слез. От запаха эрты — любимого, обожаемого! — разболелась голова. Я встала и пошла к калитке в стене.

Вившаяся по скальному уступу тропинка была довольно широкой, по ней легко проехала бы повозка. И все же я старалась идти подальше от края, чтобы не смотреть в пропасть. Издали казалось, что роща совсем рядом, но, как я слышала, глаза в горах часто обманывают. И правда, путь оказался неблизким.

Это было почти ровное плато, густо поросшее хвойником и лиственными деревьями вперемешку. Наверно, осенью роща выглядела очень красиво — багряно-золотое на темно-зеленом фоне. Судя по кострищам на полянах, она служила обитателям замка излюбленным местом прогулок. Я прошла ее насквозь, до самого обрыва. Дальше идти было некуда, только возвращаться.

До скальной тропинки оставалось совсем немного, когда я заметила впереди целующуюся пару.

Да что ж мне сегодня так не везет? Почему я всем только мешаю?

Стараясь ступать как можно тише, я обошла их, но все же обернулась, не в силах сдержать любопытство. И узнала по одежде и фигуре Керта. Девушку он заслонял собой, единственное, что я смогла разглядеть — ее длинные светлые волосы.

22

Хоть я и не видела ее лица, почему-то подумала, что это Кьяра. И поспешила уйти, потому что начал разбирать горький смех.

Дурочка ты, Лилла. Да нет, не дурочка, а самая настоящая дура!

С чего ты вообще взяла, что кому-то интересна — Ворону, Керту?

Для Ворона ты всего лишь одна из трех невест. Не обязательно самая привлекательная. Может, даже самая непривлекательная. А Керт... он просто твоя пара за столом. Танцевал с тобой часто? Но на ужине было не так уж много женщин, тем более молодых. Кроме вас троих, все пожилые или замужем. Проводил, потому что так принято. И все ты придумала, что он хотел зайти к тебе. Захотел — зашел бы. Или хотя бы спросил разрешения. Но зачем ему ты, если есть Кьяра, с которой можно целоваться. А может, и не только. И она еще говорила, что у тебя все быстро?

Эрта? Да какая разница, кто ее принес и положил на подоконник, если это все равно ничего не значит.

Тропа упиралась в ограду. Дальше идти было некуда, только возвращаться в сад. Или в замок. Может, пойти порисовать? Но я так ничего и не заказала для рисования. Видеться сейчас с Кертом совершенно не хотелось. К тому же он все равно... занят.

Я решила пойти в библиотеку и поискать что-нибудь для чтения. Дорогу, конечно, не помнила, но кто-то проводил бы или хотя бы подсказал, куда идти. Однако планам этим помешал Март, которого я встретила на лестнице.

— Хорошо, что вы мне попались, моя дорогая, — обрадовался он. — Как раз хотел послать кого-нибудь за вами. Сегодня утром привезли ткани и отделку, и я уже раскроил одно платье. Вечернее. Но под него нужна особая сита, не с крючками, а со шнуровкой.

— Я слышала о таких, но никогда не видела. А разве ее не видно под платьем — шнуровку?

— Нет, она скрытая. Пойдемте, там ждет девушка из бельевой, наматывает все прямо на вас. Не волнуйтесь, примерите поверх рубашки.

Мы поднялись в его мастерскую, но там никого не было.

— Вот негодница! — проворчал Март. — Или ей не передали, что я ее звал? Подождем немного, если вы не торопитесь. Вот посмотрите, — он указал на раскроенные детали платья. — Сейчас все это, конечно, выглядит не слишком красиво, но через несколько дней вы отправитесь на ужин в наряде, который не постыдилась бы надеть самая знатная женщина Полуночных земель. Да вы ведь и есть самая знатная — невеста правителя.

— Невеста — это не жена, — вздохнула я.

— Открою вам тайну, детка, — лукаво усмехнулся портной. — Только не проговоритесь, хорошо? Слуги заключают пари, кто из вас троих станет супругой правителя.

— Уже сейчас? — не поверила я.

— Да. Сейчас ставки самые дорогие. Чем дальше, тем сильнее они будут дешеветь. Больше всего выигрыша на каждый поставленный дис получит тот, кто сделал ставку еще позавчера. Так вот, вейра Лилла, больше всего ставят на вас. А меньше всего — на золу Кьяру.

— Даже не знаю, приятно мне это или нет. Март, я хотела сходить в библиотеку. Может, мне лучше вернуться позже, когда девушка придет?

Не успела я договорить, как дверь открылась.

— Сколько можно тебя ждать, Андра?

— Простите, Март, я не знала, что вы ждете. Мне только сейчас передали. Я... выходила ненадолго.

Андра? А не она ли подруга Керта?

Я посмотрела на нее внимательнее. Высокая, тоненькая, в узком платье из серого полотна. Длинные белокурые волосы, слегка вьющиеся — как у Кьяры. Так, может, это ее я видела сейчас с Кертом в роще?

У нее было необычное, запоминающееся лицо. Губы такого рисунка, будто постоянно улыбаются, хотя серые глаза, слегка вытянутые к вискам, оставались печальными.

— Ты все взяла для ситы? Будешь делать для вейры Лиллы со шнуровкой. Я вас пока оставляю, чтобы не мешать.

Андра кивнула и достала из черной полотняной сумки сверток стеганой ленты и моток тесьмы. Расстегнув мне на спине платье, она помогла спустить его до бедер и принялась за дело. Ножницы и булавки так и мелькали в ее пальцах.

— Ну вот, — сказала она, закончив. — Сошью и принесу. Надо будет еще раз примерить — вдруг придется что-то подправить.

— Проводи меня до библиотеки, — попросила я, когда Андра привела мое платье в порядок.

Мы шли по коридорам, и я снова разглядывала ее исподтишка. Почему-то она вызывала во мне симпатию и сочувствие. Или даже жалость?

Любит ли она Керта? Наверно. А он ее? Как бы там ни было, они все равно не могут быть вместе. Нет, могут, конечно, но на эту связь всегда будут смотреть косо. Единственный путь для такой пары к законному браку — если женщина выйдет замуж за смертельно больного мужчину из среднего сословия. А потом станет вдовой, и тогда — по разрешению правителя! — ее избранник из высшего сословия сможет на ней жениться. Но если регистрационная палата докажет, что первый брак не был настоящим, его признают недействительным, и за это могут серьезно наказать.

— Скажи, Андра, — спросила я, — ты давно в замке?

— Родилась здесь.

— А в городе не была?

— Была, — кивнула она. — Один раз. Но не понравилось. Слишком шумно, много людей. Здесь лучше.

— Значит, ты знаешь зола Меара с детства? Ведь он тоже родился в замке?

Андра вздрогнула, коротко посмотрела на меня и так же коротко ответила:

— Да.

Высшие силы! Да ведь она боится, что Керт, возможно, женится на одной из нас! Может быть, кто-то из слуг уже рассказал ей, что он моя постоянная пара за столом. И что вчера часто танцевал со мной и даже провожал до дверей комнаты. Как бы дать ей понять, что уж я-то ей точно не соперница?

Точно? Точно не соперница, Лилла? А если женой Ворона станет Веда? Или Кьяра? Мало ли что там думают на этот счет слуги, делая ставки! Что, если Ворон не позволит двум другим покинуть замок, но разрешит выйти замуж за кого-нибудь еще? Главный распорядитель — вдовец, ему за сорок. Мой сосед по столу справа моложе и не женат, зато похож на унылую крысу. В том-то и дело, что мужчины в замке или старые, или страшные, или женатые. Все, кроме Керта. Хотя мне-то как раз можно выйти замуж за кого-нибудь из прислуги. Моего мужа в среднее сословие это не поднимет — опустит меня. Быть невестой правителя — и стать женой... конюха или истопника. Лучше уж тогда остаться одной.

Или... женой Керта?

23

Ну нет, это уж слишком. И истопник, и Керт. Да и вообще — что же меня занесло в такие глубины уныния? Мы здесь всего третий день. Выбрал себе Ворон жену давным-давно или только еще будет выбирать, все равно впереди целый год. И если я буду так переживать из-за каждой мелочи, уже через месяц сойду с ума. А может, и раньше.

Перейди с галопа на шаг, Лилла. Такими глупыми выходками, как сегодня в саду, ты вряд ли добьешься чего-нибудь хорошего.

Андра довела меня до библиотеки, я поблагодарила ее, и она, потупившись, сказала:

— Вейра Лилла, я... желаю вам удачи.

Резко развернувшись, Андра пошла по коридору, а я стояла и с недоумением смотрела ей вслед.

Что это было? Она тоже участвует в этих пари и поставила на меня? Или надеется, что я, став женой Ворона, уже не буду претендовать на Керта?

А может... все проще? Может, она и в самом деле желает мне удачи? Независимо от того, как я это понимаю: выйти замуж за правителя или наоборот — не выйти?

Я привыкла всегда быть в тени сестры и с трудом верила, что могу вызывать у людей интерес и симпатии сама по себе. Потому что нравлюсь им. Так почему бы не попробовать — поверить?

Вдруг захотелось сделать что-то смешное и глупое. Свистнуть в два пальца, как мальчишка-бродяжка. Или, приподняв подол, проскакать по коридору на одной ноге. Улыбаясь во весь рот, я вошла в библиотеку. Лицо сидящего за маленьким столиком библиотекаря вейра Гауна засияло в ответ, словно только меня он и ждал.

— Приветствую вас, вейра Лилла, — проворно вскочив, он низко поклонился. — Чем могу служить?

Я обратила на него внимание в трапезной. Вчера он показался таким серьезным и важным, что стало заранее неловко: ведь я собиралась попросить для чтения вовсе не научный трактат или исторические хроники. Хотелось чего-то легкого, чтобы приятно провести время, не скатываясь в мрачные мысли. Но сейчас библиотекарь выглядел совсем иначе, и я перестала смущаться.

— Девушкам вашего возраста нравится читать о героях, приключениях. О любви, — он подвел меня к большому шкафу. — Я угадал?

Кивнув, я начала доставать книги с полок и жадно откладывать на подоконник одну за другой. Как ребенок в игрушечной лавке, когда ему предлагают выбрать все, что пожелает.

— Вы можете читать здесь, — вейр Гаун показал на мягкий диванчик. — Или взять с собой. Но вы все это не унесете. Сейчас я позову кого-нибудь на помощь.

Он вышел и вскоре вернулся со слугой, которой понес стопку книг в мои комнаты. Я шла за ним и размышляла, с какой начать, когда кто-то вдруг показался из-за угла.

— Не знал, что вы так любите читать, вейра Лилла, — Ворон подошел ближе и обратился к слуге: — Иди, неси книги в комнаты.

Когда-то мы с сестрой поймали в саду маленькую птичку. Я держала ее в ладонях и чувствовала, как она дрожит. А потом отпустила. И сердце мое сейчас было как та птичка.

— Почему ты не осталась с нами утром? — спросил Ворон, когда слуга скрылся из вида.

— Правда не хотела мешать.

— Ты бы не помешала.

В коридоре царил полумрак, но мы стояли рядом со светильником, и я видела, как его губы подрагивают, словно он сдерживает улыбку. Они притягивали взгляд — и губы, и глаза, сейчас совсем темные, синие.

— Возможно, Веда так не подумала бы.

— Разве не важнее, что подумал я? Послушай, Лилла, ты же умная девочка и должна понимать, что я не могу оказывать явное предпочтение ни одной из вас. Вы и так будете ссориться, и мне не следует это усугублять.

— Я понимаю...

Мы смотрели друг другу в глаза, не отрываясь, и все внутри у меня дрожало. Но его слова были как укол тонкой, острой иглой.

Девочка...

Ворон видел нас насквозь не потому... не только потому, что был магом. Он так долго жил на свете. Больше тысячи лет. И будет жить, когда никого из нас не останется в живых. Кто бы из нас ни стал его женой, по любви или нет, но для него она будет всего лишь одной из многих. Не первая — и не последняя.

Я встряхнула головой, пытаясь отогнать эту мысль. Выбившаяся из прически прядь волос упала на лицо, и Ворон отвел ее, на мгновение задержав пальцы на моей щеке.

— Почему вы... не во дворце? — я чувствовала себя совершенно беспомощной.

— Сегодня там обойдутся без меня. Ты еще не поднималась на башню? Не хочешь посмотреть на горы? В ясную погоду можно увидеть даже Фианту.

— Жаль, что я не могу летать, как вы. Не надо было бы подниматься по лестнице.

Это была шутка, но Ворону, похоже, она пришлась не по вкусу: тень улыбки исчезла, губы стали жесткими, взгляд холодным.

— Я многое бы отдал, Лилла, чтобы не уметь летать. Не превращаться в ворона. Не быть бессмертным. Но... не стоит об этом. Пойдем.

Он шел впереди, не оборачиваясь, я за ним. Один коридор, второй, потом мы поднялись на галерею, и Ворон открыл узкую кованую дверь, за которой оказалась винтовая лестница.

— Иди первой. Если вдруг споткнешься, я тебя поймаю. Только подол придерживай.

Лестница была крутой и темной, лишь немного света проникало сквозь крохотные окошки. Сначала я считала обороты, но скоро сбилась. Снизу башня не казалась очень уж высокой, но, видимо, я ошиблась. Ноги уже налились каменной тяжестью, когда наконец мы вышли на площадку, которая опоясывала башню кольцом.

— Какая красота, — восхищенно выдохнула я, держась за перила ограждения.

Да, из моих окон на втором этаже вид на горы был чарующим, но здесь... От великолепия и величия этой картины захватывало дух. Играя на снежных шапках самых высоких вершин, солнце слепило глаза, и я прикрыла их ладонью, вглядываясь вдаль. Мы медленно обошли площадку по кругу.

— Вон там Фианта, — Ворон показал на юг, туда, где едва виднелась скрытая белесой дымкой долина. — Еще южнее Илара, за ней Скарпис, а дальше — Полуденные земли. Ты была где-нибудь, кроме Тандора?

— Только в Ликуре один раз. Моя мать оттуда родом. Мы ездили на похороны бабушки. А в какой стороне ваша родина?

Он долго молчал, и взгляд его словно был направлен внутрь себя. Потом усмехнулся горько и развернул меня к востоку.

— Видишь вон там далеко гору с плоской вершиной? За ней долина, где я родился. Очень, очень давно...

24

Прошел месяц.

Осень в Тандоре, как обычно, наступила быстро. Солнце еще поднималось высоко, и в полуденные часы было жарко, но стоило налететь северному ветру с дождем, и летние платья, пересыпанные сухими лепестками цветов, отправились в сундуки. Всего несколько холодных дней — и на деревьях уже не осталось ни одного зеленого листочка, только хвойники темнели по склонам и в роще, ставшей сказочно красивой.

Мне нравилось гулять там одной, но часто я встречала влюбленные пары, в основном слуг. И каждый раз становилось не по себе. Потому что я мешала им. А еще потому, что была одна.

Когда я поняла, что влюблена в Ворона? Вряд ли мне удалось бы ответить точно. Но то волнение, которое я впервые почувствовала еще во время отбора, встретившись с ним глазами, — оно было как семена, наконец давшие всходы. Я думала о нем все чаще и чаще, каждый день ждала его возвращения из города, а если вдруг он оставался во дворце, вечер казался безнадежно испорченным — пустым и тоскливым. И тогда танцы, разговоры, навязчивое внимание Керта за столом только раздражали. Хотелось поскорее вернуться в свою спальню, остаться одной и смотреть на горы, втайне надеясь, что увижу в темном небе черный силуэт. Хотелось вспоминать его слова, взгляды. Мечтать о нем...

Да, страх ушел сразу, как только я его увидела. Ну... или почти сразу. Следом — гнев за то, что он насильно вырвал из родного дома, разлучил с родными. Пожалуй, в первый же вечер, когда он увел меня из трапезной. Потом был разговор в саду, гроза. Кисть эрты на подоконнике — я так и не узнала, кто оставил ее там. Ворон? Или пробравшийся тайком в комнату Керта? Моя внезапная вспышка ревности, когда я увидела Ворона вдвоем с Ведой... И все же поворотным моментом стали его слова: «Я многое бы отдал, Лилла, чтобы не уметь летать. Не превращаться в ворона. Не быть бессмертным». И тот обращенный в себя взгляд, когда я спросила, где его родные края.

Почему-то раньше мне не приходило в голову, что не по своей воле он стал таким, какой есть. Возможно, это было заклятье, колдовство. Настолько сильное, что он — маг! — не мог его преодолеть. Мне хотелось узнать о нем больше. О том, что с ним произошло. Конечно, я ничем не могла помочь, но, может, хотя бы немного разделить его беду?

Увы, за эти недели мне не представилось возможности поговорить с ним, о чем-то спросить. Мы ни разу больше не оставались наедине — с тех пор как смотрели с башни на горы. Даже когда в конце вечера он приглашал меня танцевать сфорту и потом провожал до комнат, кто-то — как назло! — оказывался рядом. Втроем или вчетвером с другими девушками мы оказывались часто — в саду или где-то в замке. И тогда Ворон действительно не выделял никого из нас. Проводил ли он время вдвоем с Ведой или Кьярой, я не знала. Они не говорили, а я не спрашивала.

То, что дружбы у нас не выйдет, стало ясно в первые же дни. Правда, с Ведой мы сделали еще несколько попыток сблизиться, но ничего не получилось. Не было между нами того взаимного расположения или притяжения, без которых невозможно стать друзьями. Что послужило тому причиной — ее сдержанность, закрытость, холодность? Или, может быть... ревность?

Мне пришлось признать, что утро, когда я увидела их с Вороном вдвоем в беседке, разорвало тоненькую ниточку, которая только-только начала завязываться между мной и Ведой. Да, наверно, это было глупо. Ведь он не принадлежал мне, и у меня не было никаких оснований думать, что Веда интересна ему больше. Но я ничего не могла с собой поделать. Кьяра не казалась мне опасной соперницей. Трудно было поверить, что Ворон — с его-то пронизательностью и мудростью прожитых лет! — заинтересуется такой пустой и вздорной девушкой. Хотя... может, я недооценивала ее?

Я все время задавала себе вопрос: выбрал ли Ворон кого-то из нас заранее или выбирает только сейчас? Эта неопределенность давила и выматывала. Будь я равнодушна к нему, она не мучила бы так сильно. Ведь он сам сказал: женится на той, которая полюбит его. На самом деле это означало обратное: его женой не станет та, которая не полюбит.

Но вот я влюблена в него и, вероятно, готова полюбить по-настоящему. И какое это имеет значение, если окажется, что ему нужна другая? И что та, другая, тоже любит его?

Второй день бушевала буря. Ветер выл в ущельях, как стаи голодных волков, лил дождь, за окном уже с самого утра было так темно, как будто сразу наступил вечер. Ворон не вернулся из города вчера, и сегодня его тоже никто не ждал. Трудно сказать, кого из нас троих это огорчало сильнее. А Кьяру еще и злило.

Разумеется, до нее доходили слухи, что в глазах обитателей замка она меньше всех подходит правителю в качестве жены. Но хотя бы за столом по вечерам Кьяра могла чувствовать себя самой важной особой. Однако в отсутствие Ворона она оставалась без пары и начинала вешаться на Керта, что наверняка не прибавляло ей симпатий окружающих.

Пока собравшиеся в трапезной ожидали приглашения к столу, я подошла к окну. Ветер почти стих, дождь едва моросил, но я понимала, что Ворон все равно не вернется. А ведь осень еще только начиналась, и впереди были долгие недели ненастья, когда дождь мог лить по несколько дней подряд. От этой мысли стало совсем тоскливо.

Однако стоило нам сесть за стол, слугам — начать разносить блюда с кушаньями, а Кьяре — заговорить с Кертом, как вошедший внезапно герольд объявил о появлении правителя. Удивленный гул пронесся по залу, все поднялись со своих мест.

— Приятной трапезы! — пожелал Ворон, садясь между Кьярой и Ведой, и в этот момент я поймала его взгляд. Похожий на точку в конце фразы...

25

Почему я так подумала? Наверно, потому, что в глубине души весь месяц сидел страх: кто-то узнает или догадается, что я не Лилла, а Илана. А этот его взгляд — он был таким коротким, холодным, ничего не выражающим. Действительно похожим на точку — на конец всему. Конец надеждам... Но если раньше я боялась за себя, за сестру и родителей, то теперь вперед вышло другое.

Да, за такой обман, скорее всего, мы все попадем в тюрьму. Но даже это не так страшно, как то, что я больше никогда не увижу Ворона. Хотя... наверно, это лучше, чем остаться в замке и видеть его мужем Веды. Или Кьяры.

И снова, как в первый вечер, кусок не лез мне в рот. Но я делала вид, будто ем, старательно улыбалась, отвечала Керту, который интересовался, что я рисую и что читаю. И косилась влево, пытаюсь делать это незаметно. Но Керт и Кьяра заслоняли от меня Ворона. К тому моменту, когда начались танцы, я извелась сильнее, чем за эти два дня.

Надо сказать, что ежедневные продолжения ужинов вовсе не напоминали балы. Длились танцы не слишком долго и большим разнообразием не отличались. Гинера, сфорта и еще несколько, придуманных задолго до моего рождения. Иногда вместо танцев устраивали что-то другое. Например, разыгрывали сцены, в которых мог принять участие любой желающий. Или слушали музыку и пение. Однажды Веда пела под игру Кьяры на шестиструнной керали. И тут мне оставалось только пожалеть, что не умею ни того, ни другого.

Первую гинеру мы танцевали, как всегда, с Кертом, второй парой. Установленный порядок соблюдался неизменно. Кьяра, шедшая впереди, сияла, а вот лицо Ворона выглядело довольно мрачным — насколько, конечно, об этом позволяла судить маска. Но, во всяком случае, губы его были плотно сжаты, в глазах — ни тени улыбки. И мне, как никогда сильно, захотелось наконец увидеть его без маски.

Я часто пыталась представить себе, как Ворон может выглядеть без нее. И даже сделала несколько набросков, которые тут же разорвала и сожгла в камине. Испугалась, что они случайно попадут кому-нибудь на глаза. А еще — все сильнее мучило любопытство, зачем он ее носит. Кьяра призналась нам с Ведой, что спросила его об этом, но он не ответил, заговорил о чем-то другом.

После перехода, когда шеренги сдвинулись, я оказалась в паре с Вороном. Интересно, почувствовал ли он, взяв мою руку, как дрожат пальцы? Я снова пыталась поймать его взгляд, но Ворон смотрел... словно сквозь меня. О чем он думал? О том, когда объявить всем, что Лилла... вернее, Илана Иральда обманщица, — прямо сейчас или подождать до завтра? Я была почти уверена, что дело именно в этом, что он обо всем узнал.

Танец закончился, Ворон поцеловал мою руку, пробормотал требуемую обычаем любезность, и я отошла к окну. Прислонилась к холодному стеклу лбом, пытаюсь остудить его, но спрятаться в нише за драпировкой не удалось: ко мне спешил библиотекарь вейр Гаун. Женщин на ужинах всегда было меньше, чем мужчин, и никому не удавалось отсидеться. Я переходила от одного партнера к следующему, неотрывно наблюдая за Вороном. После обязательной для всех гинеры он больше не танцевал. Сидел на своем месте, иногда с кем-то разговаривал. Подошедшему Керту ответил на вопрос кратко, покачав головой.

Время тянулось страшно медленно — как пытка. Я отсчитывала танцы: еще два, еще один. Хотелось поскорее вернуться к себе и дать уже волю слезам. Оставалась последняя сфорта, и я попросила высшие силы, чтобы они послали мне партнером какого-нибудь безобидного старичка, который не будет докучать беседами, а молча потанцует, проводит до комнат и пожелает спокойной ночи.

— Позвольте, вейра Лилла?

Передо мной стояли Керт и... Ворон. Сразу двое. Обычно в таком случае выбор оставался за женщиной, но Керт поклонился Ворону, затем мне и отошел.

Сфорта отличалась от прочих целомудренных танцев тем, что партнеры не только держались за руки, но и касались других частей тела: плеч, талии, вскользь бедер и живота. И даже на мгновения прижимались друг к другу, насколько это позволяли сделать широкие юбки. Я слышала, что в богатые дома сфорта пришла из деревень, где ее танцевало низшее сословие.

Мне не нравился этот танец. Не нравилось, что мужчины жадно касаются моего тела. Особенно Керт — когда он стоял за мной, его рука обхватывала талию, а пальцы сжимали бедро. Но Ворон... он приглашал меня на сфорт трижды, и каждый раз после этого я не могла уснуть, не в силах сладить с отчаянно бьющимся сердцем и... нескромными мыслями.

Мои познания в том, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они остаются наедине, в самой тесной близости, были довольно скудными и исчерпывались рассказами сестры. Сначала она пересказывала мне то, что узнавала от Даммары и подружек, потом делилась собственным опытом. Если верить ей, они с Фелисом не решились пойти до конца, опасаясь беременности. Но рассказы о тех вольностях, которые они себе позволяли, неизменно заставляли меня краснеть. Стоило только представить, что мужчина будет делать это со мной, тут же бросало в жар и в холод.

Но если раньше подобное пугало, сейчас... это был совсем другой страх. Страх магически притягательной, манящей неизвестности. Разумеется, я не могла не думать о том, что все это случится, если Ворон станет моим мужем. И, наверно, больше боялась, что... этого может не произойти.

Впрочем, самым чувственным и волнующим до сих пор были вовсе не танцы. То короткое мгновение, когда он коснулся моей щеки, убирая упавшие на лицо волосы... Стоило вспомнить об этом, и тут же по всему телу разливалась теплая волна, в которой странным образом прятался знобящий холодок. Как сладость и горечь живут рядом во вкусе змеиных ягод, созревающих на болотах в пору первых заморозков.

И еще другое... когда я попыталась посмотреть на свое отражение его глазами. Как будто Ворон на самом деле стоял рядом...

Я вспомнила об этом в тот момент, когда после быстрого поворота на миг оказалась в его объятиях и наши взгляды встретились.

Как будто все вокруг исчезло и время остановилось.

Как бы мне хотелось, чтобы на самом деле было так. Но... музыка смолкла — танец закончился.

— Вы прекрасны, вейра Лилла, — прошептал Ворон, наклонившись и коснувшись губами моих пальцев.

Мы шли по коридорам в молчании, хотя на этот раз рядом никого не было: жилые комнаты большей частью располагались в другом крыле замка. Оказавшись у своей двери, я прислонилась к стене и повернулась к Ворону. Кто бы знал, как мне хотелось, чтобы он поцеловал меня!

— Могу я попросить вас? — как ни пыталась я собрать в кулак всю свою волю, голос предательски дрогнул.

— О чем? — его глаза блеснули. Или просто качнулось от сквозняка пламя светильника?

— Я хотела бы... увидеть ваше лицо. Без маски.

Его губы сложились в горькую усмешку.

— Ну что ж... Сними ее, Лилла.

26

Я оглянулась по сторонам, снова посмотрела на Ворона — не шутит ли. Но он был серьезен. Только горечи стало еще больше — и в рисунке губ, и во взгляде. Мурашки снова побежали по спине, но уже совсем другие: настоящего страха и тревоги, без всякой чувственности.

Я пожалела, что сказала об этом, но деваться было некуда. У маски не оказалось завязок, она плотной лентой обхватывала голову. Протянув руку, я коснулась щеки, попыталась поддеть край бархатной ткани, чтобы сдвинуть ее, но...

Маска словно приросла к коже.

Мне показалось, что я вижу кошмарный сон. И Ворон представился вдруг каким-то чудовищем из сказки. Но лишь на мгновение.

Мои пальцы задержались на его щеке. Он слегка прижал их своими, а потом снял и — как после танца — прикоснулся к ним губами.

— Вот так, Лилла...

— Но... — я совершенно растерялась и снова почувствовала себя беспомощной. — Я правильно поняла, что это заклятье?

— Помнишь, в первый вечер, когда я увел тебя из трапезной, ты спросила, кто я на самом деле — ворон или человек? Я тогда ответил, что мы поговорим позже. Время еще

не пришло.

— Скажите... — видимо, мое отчаяние разросло до таких размеров, что я вдруг перестала бояться. — Снять с вас маску сможет только жена? Вы ведь уже выбрали, кто это будет? Вы с самого начала знали, правда? Еще до отбора?

— Спокойной ночи... Лилла.

Он развернулся и пошел по коридору. А я, заливаясь слезами, влетела в комнату и захлопнула дверь.

— Что-то случилось? — Нетта испуганно вскочила со стула, уронив вышивку. Обычно она приходила к моему возвращению, готовила ванну и ждала, чтобы помочь раздеться.

Я только головой покачала и повернулась к ней спиной. Расстегивая крючки на платье, Нетта спросила мягко:

— Опять зол Меар? Или... правитель? Все будет хорошо, вейра Лилла, я уверена!

Не выдержав, я повернулась, обняла ее и разрыдалась на плече, выпустив на волю все напряжение, страх и тревогу, которые терзали меня не одну неделю. И разочарование сегодняшнего вечера. Я чувствовала искреннее беспокойство Нетты, ее желание хоть чем-то помочь. То, чего не могла ждать от Веды и Кьяры. Уж лучше моей подругой будет служанка. Но даже с ней я не готова была поделиться тем, что мучило меня.

— Иди, Нетта, ложись спать, — сказала я, забравшись в ванну. — Я сама все сделаю. Мне хочется побыть одной.

Она посмотрела на меня с сомнением, но все же повесила на крючок рядом с ванной мягкую простыню и вышла. Я лежала в теплой воде, закрыв глаза, и пыталась собрать себя по кускам — как разбитую тарелку.

Лилла, ничего не произошло. Как ты ничего о нем не знала, так ничего и не знаешь. Ну, кроме того, что маску с него не снять. И сам он этого сделать не может — иначе не предложил бы мне, взял бы и снял. Интересно, а как же он бреется и моется? Или использует для этого магию?

О чем я думаю вообще? Что за глупости?

Что, если я угадала и маску действительно может снять только жена? Но эти мои вопросы... Ворон ушел, чтобы не отвечать на них. Что это означало? Ведь если он еще не выбрал жену, мог так и сказать — что в этом такого? А если выбрал, но не ответил... Наверняка это означало, что его избраница не я.

Слезы снова потекли по щекам, когда я в очередной раз задумалась о судьбе тех двоих, которым... не повезет? Или наоборот — повезет?

Вода остыла, из крана текла чуть теплая, пришлось вылезать. Обычно после ванны Нетта растирала меня всякими снадобьями, придирчиво оглядывала, не надо ли подправить брови, подпилить ногти или удалить лишние волосы, и мы болтали о всяких милых женских пустяках. Но сейчас мне ничего не хотелось. Даже посмотреть на себя в зеркало. Я кое-как вытерлась простыней, бросила ее в угол и натянула ночную рубашку. Волосы расчесывать не стала, вытащила из прически шпильки и заплела косу.

Вернувшись в спальню, я подошла к окну. Снова зарядил прекратившийся было дождь — мелкий, унылый. Горы без луны прятались в темноте, и я видела только свое смутное отражение.

Что-то стукнуло в стекло, я вздрогнула и толкнула створку. Ворон тяжело опустился на подоконник, топорща мокрые перья. В клюве он держал такую же мокрую, увядшую кисть эрты — на ней осталось лишь несколько почти осыпавшихся цветков. И как ему удалось ее разыскать? Эрта нравилась мне, кроме всего, еще и потому, что цвела с ранней весны до осени, но после холодных дождей с ветром кусты в саду полностью облетели.

Я взяла кисть, поднесла к лицу — даже сейчас запах кружил голову. Запоздало поняла,

что стою перед ним в одной тонкой полупрозрачной рубашке, но почему-то это совсем не смущало. Словно во сне, страшном и восхитительном, я дотронулась до его перьев, провела по ним рукой.

Если бы сейчас он превратился в человека и остался со мной...

Мысль эта была такой мучительно сладкой, что где-то в самой глубине родился стон, который мне с трудом удалось подавить, не позволить ему сорваться с губ. Но в этот момент Ворон развернул крылья, взлетел и мгновенно растворился в темноте.

Я вытянула руку вперед, за окно, и она тут же стала мокрой от мелких капель дождя. Провела ладонью по лицу, пытаюсь охладить его, закрыла створку и легла на кровать.

Теперь уже не оставалось сомнений, что и в первый раз эрту принес Ворон, а вовсе не Керт. Да и зачем Керту это делать? Хоть он и оказывал мне явные знаки внимания, но был то ли слишком труслив, то ли, напротив, благоразумен и ни разу не перешел за опасную черту, чему я была только рада. А может, и правда, проверял нас по поручению Ворона, но мне не хотелось так думать.

Коснувшись цветов губами, я закрыла глаза и прошептала:

— Я люблю тебя...

27

После завтрака я пошла в мастерскую. Хотя дождь кончился, грязно-серые тучи висели над самым замком, обещая пролиться снова. Света для рисования не хватало, но я не знала, чем себя занять. В саду было сыро и холодно, в рошу идти тем более не хотелось. Книги вдруг перестали радовать. Там у героев все шло либо хорошо, и я отчаянно им завидовала, либо наоборот — так плохо, что от тоски хотелось выть по-волчьи.

Мне нужно было как-то выплеснуть то, что кипело внутри. Может, не рассказать об этом, но выпустить наружу чувства. Рисование помогало, но не слишком. Я никогда не училась, у нас дома и бумаги-то лишней не было. Отец отдавал мне свои ненужные записи, и я рисовала черным грифелем на свободных местах. Или на доске, которую можно было вытирать тряпкой. В замке мне разрешалось заказывать все необходимое: бумагу, цветные грифели и мелки, холст, краски, кисти. Но все равно не хватало мастерства, руки не слушались, и я никак не могла изобразить то, что видела мысленным взором.

Казалось, музыкой легче выразить то, что на душе. Девочек в Полуночных землях учили, в отличие от мальчиков, не в школах, а дома. Не только читать, считать и писать, но и пению, музыке, танцам, хорошим манерам. И если в чтении и письме я намного превосходила сестру, то музыка никак не давалась. Наш учитель постоянно ставил ее мне в пример и без конца делал ядовитые замечания: не грызи нергу, не пускай в нее слюни, дыши носом, а не ушами. От этого я еще больше терялась, путала пальцы на отверстиях, сбивала дыхание. С кералью получалось даже хуже: пальцы путались в струнах, сползали, цеплялись за них ногтями.

С пением все обстояло чуть лучше: мне достался неплохой слух, я легко запоминала мелодии и слова. Однако голос был слабым — то ли от природы, то ли от стеснения. Если мы пели с сестрой дуэтом, все слышали только ее. Я думала о том, чтобы попросить кого-то из музыкантов поучить меня игре и правильному пению, но отказалась от этой мысли. Кьяра проводила в музыкальном зале много времени, и она наверняка знала, как играет и поет настоящая Лилла. Не хватало только, чтобы ее принесло туда в тот момент, когда я буду хрипло дуть в нергу или извлекать из керали звуки, похожие на дребезжание стекла.

Именно об этом я думала, усевшись на широкий подоконник и пытаюсь нарисовать горы в лунную ночь на прикрепленном к доске листе бумаги. И словно в продолжение моих мыслей открылась дверь, впустив Кьяру.

— Не помешаю? — поинтересовалась она и вошла, не дождавшись ответа. — Послушай, Лил, а почему ты не приходишь в музыкальный зал? Ты же хорошо играешь и поешь. И за ужином не захотела с нами выступить.

— Мне это никогда не нравилось, Кьяра, — рука с грифелем дрогнула, но я постаралась говорить равнодушно. — Просто хотелось позлить Илану — у нее как раз не получалось. Зато она хорошо рисовала, а я нет. Не хватало только, чтобы сравнивали в ее пользу.

— Да, Лил, разве ты вынесла бы это? — поддела она. — Зато теперь можешь рисовать в свое удовольствие, не опасаясь, что будут с кем-то сравнивать, мы с Ведой совсем не умеем.

— Именно так. Поэтому и не хочу играть и петь с вами — у вас получается лучше. Ты пришла об этом спросить — почему я не играю?

— Нет, — Кьяра вздохнула и села в кресло, предназначенное, видимо, для модели. — Не знаю, чем заняться. Не люблю осень — все серое, мрачное. Гулять холодно, вышивать не хочется, играть одной — тоже. А Веда с Вороном в библиотеке. Вот я и решила тебя найти. Не помешаю, если посижу немного с тобой?

— Нет, конечно, — улыбнулась я, сражаясь с желанием выкинуть ее в окно — под ним как раз была пропасть.

— Кажется, он всерьез увлечен Ведой, — Кьяра внимательно разглядывала свои ногти, выкрашенные в цвета осенних листьев. — Ворон. Часто вижу их вдвоем. Да и за столом все время на нее посматривает. Правда, танцевать редко приглашает, да это и понятно — она такая неуклюжая. Керт говорил, что постоянно наступает ему на ноги. Наверно, их в Ликуре толком не учат танцевать. Ой, надеюсь, я тебя не слишком огорчила? Мне показалось, ты тоже к нему равнодушна. И такая расстроенная в последнее время.

— Я расстроена совсем из-за другого, Кьяра, — грифель сломался о бумагу с сухим треском. — Прилетела новость, что Фелис не слишком-то огорчен и всю ухаживает за Иланой. Я, конечно, предполагала, что такое может случиться, но не думала, что так скоро.

— Да, обидно, — притворно вздохнула она. — А как ты узнала? Пишешь домой?

— Нет. Ни разу не писала. Один из торговцев, которые привозят сюда товары, знает слугу из нашего дома. Торговец сказал привратнику, тот — моей Нетте, она мне.

Это, конечно, было бесовестное вранье — насчет торговца. Но в остальном я не сомневалась: Фелис встречается с мнимой Иланой и через несколько месяцев, после нового года, на ней женится.

— Сочувствую. А почему ты не пишешь? Ведь это не запрещено?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Не хочется. Да и о чем писать? «У меня все хорошо. Правитель вряд ли на мне женится, но я все равно останусь в замке»? Прежняя жизнь закончилась. А ты пишешь?

— Нет. Сначала собиралась написать отцу, но каждый день откладывала, откладывала. Пока не поняла, что не сделаю этого никогда. Ты права, Лил, все закончилось. И надо привыкать к новой жизни. Она с прежней никак не пересекается. Так значит... Ворон тебе не интересен?

Мне была отвратительна ее настойчивость — так же, как была отвратительна и она сама. Но мне не стоило ей этого показывать. Лилла точно бы так не сделала. Она поступила бы по-другому.

— Ну как тебе сказать, Кьяра? — я сделала вид, что задумалась. — Он мне не противен, но не более того. А тебе нравится? Или все-таки больше по душе Керт? Жаль, ты его не привлекаешь.

Керт действительно ее недолюбливал. Явно этого не показывал, но в сравнении с тем вниманием, которое доставалось от него мне и даже Веде, было очень заметно.

Стрела попала в цель: Кьяра покраснела, потом побледнела и встала.

— Извини, я вспомнила, надо идти. Договорилась встретиться со своим портным.

Она вышла, хлопнув дверью, а я медленно разорвала свой рисунок на узкие полоски. А потом каждую — на мелкие клочки. И бросила в камин. Эта судьба постигла уже не один набросок, но до сих пор только потому, что они мне не нравились. Или — как с предполагаемыми портретами Ворона — я не хотела, чтобы их кто-то увидел. Но впервые от ярости. Глубоко сожалея, что не могу то же сделать с самой Кьярой. А заодно и с Ведой.

Правду ли сказала Кьяра — о Вороне и Веде? Или просто чтобы досадить? Я хотела это знать. И... не хотела.

28

Удивительно, но весь мой гнев ушел в этот ни в чем не повинный рисунок — разорванный в клочья и сожженный в камине. Я открыла окно и снова села на подоконник. Дно пропасти терялось в туманной мгле, и казалось, что замок парит в сером небе, словно летучий остров из старинной песни.

Я ответила Кьяре так, как это сделала бы Лилла, — но мне не нравилось быть Лиллой. Как ни пыталась я вжиться в ее образ, сколько бы ни называла себя ее именем, все равно оставалась Иланой. Может, здесь я стала немного другой Иланой — но все же не Лиллой. И каждый раз, когда приходилось вести себя так, чтобы никто не заподозрил подмены, мне было неприятно.

Кьяра скучала. Она специально пришла задеть, огорчить меня. Мой интерес к Ворону, разумеется, не остался незамеченным. Веда... Это могло быть правдой. Или нет. Но Кьяра использовала — и метко. А я не сомневалась, что сама она увлечена Кертом. И ответила ударом на удар.

Чем больше я думала о происходящем в замке, тем меньше понимала. Казалось, все противоречило здравому смыслу. В городе есть дворец — зачем Ворону еще замок в горах, куда не так просто добраться, если нет крыльев? Ведь большую часть дня он проводит в городе. Почему каждый, кто нанимается на службу в замок, подписывает договор о том, что в течение трех лет не покинет его? Как выяснилось, тут нет никаких страшных тайн. Почему никто не возвращается обратно, не пишет писем? Это же не запрещено.

Но все это были мелочи. Главной загадкой по-прежнему оставался сам отбор. Даже не то, что происходит потом с невестами, оказавшимися лишними. Не давало покоя другое.

Ворон сказал, что всегда женился на той, которая любила его. Раньше я могла в этом сомневаться, теперь верила — безоговорочно. Но он должен был понимать, что полюбить его могут и две невесты, и все три. Это было слишком жестоко — заставлять тех, кому не повезло, жить в замке и наблюдать за счастьем соперницы. А каково ей самой — находиться рядом с теми, кто завидует и ненавидит?

Ему все равно, как он сказал в первое утро Кьяре? Или существует какая-то неизвестная нам причина? Но почему не рассказать нам все как есть? Почему мы должны догадываться и узнавать обо всем сами?

Сплошное почему...

Я спрыгнула с подоконника и принялась ходить по мастерской взад-вперед, пытаюсь выстроить мысли в цепочку.

Вчера вечером я спросила Ворона, выбрал ли он жену заранее. Он не ответил и ушел. А потом прилетел ко мне — в дождь, с эртой, которую искал ночью в саду. Что это значило? Что он выбрал Веду, а эрта была таким «прости»? Или то, что он все же мой? Или... вообще ничего не значило?

Если он сделал выбор — может ли его изменить? А если нет — что я должна делать? Плыть по течению или бороться за него с Ведой? Но как? Я не представляла, как можно сражаться с соперницей за мужчину. Когда Фелис обратил внимание на Лиллу, мне и в голову не пришло попытаться это изменить.

Я вышла из мастерской и остановилась в коридоре. Пойти в библиотеку? Но не будет ли это слишком... жалким? Впрочем, Кьяра могла и соврать. Да и вообще они, наверно,

давно оттуда уже ушли.

Хорошо. Я дойду до поворота, считая шаги. Если получится четное количество — пойду в библиотеку. Нечетное — нет.

Двадцать три шага. Ну что ж...

Я свернула в коридор, который, как мне казалось, должен был привести к лестнице, но вскоре поняла, что заблудилась. За месяц я понемногу начала запоминать, где что находится, однако стоило чуть отойти от привычных путей, и сразу словно оказывалась в заколдованном лесу из сказки: куда ни пойдешь, попадешь в незнакомое место. Можно было вернуться назад, но я упорно шла по узкой открытой галерее, ежась от холодного ветра. Миновала площадку, откуда вверх уходила каменная лестница, еще один темный коридор — и неожиданно увидела резную дверь библиотеки.

Она открылась, и навстречу мне вышли Веда и Ворон.

— Лилла! — улыбнулся он. — Доброго дня. Жаль, что ты не пришла раньше. Мы с Ведой говорили об одной книге, интересно было бы узнать твое мнение.

Не веря своим ушам, я перевела взгляд на Веду, но ее лицо, как всегда, выглядело холодным и непроницаемым.

— Доброго дня, правитель. Я шла в свои комнаты из мастерской и снова заблудилась.

— Даже завидую. Для тебя по-прежнему здесь все в новинку, а я знаю каждый закоулок, как собственный карман. Проводить?

Я снова покосилась на Веду. Без какого-либо торжества или чего-то в этом роде. Просто хотелось увидеть, как она отреагирует. Но Веда все с тем же невозмутимым лицом поклонилась Ворону и пошла по коридору. А я взяла его под руку, и мы направились в сторону галереи.

— Я пришел в библиотеку за нужной книгой и заметил на столе вейра Гауна ту, которую слуга нес в твою комнату. Она была верхней в той стопке. Стало любопытно, полистал.

— Она о принце, невесту которого похитили пайгримы. Он долго искал ее, а когда нашел, оказалось, что она уже стала женой одного из них. И не захотела возвращаться.

— Я просмотрел несколько страниц, но тут пришла Веда, сказала, что читала ее. И что книга очень глупая. И мы с ней обсудили это.

— Она действительно глупая. Книга. Хотя бы уже потому, что в ней ничего не сказано о том, почему девушка стала женой пайгрима. Может, спасала свою жизнь. Или ее сделали невестой принца против воли, — на этих словах я заметила, как дрогнул уголок его рта. — Или пайгрим, при всем своем безобразии, оказался добр и умен. Но я не думала, что вам интересны такие книги.

— А почему мне не могут быть интересны книги о любви? — усмехнулся он. — Нет плохих тем. Есть плохие сочинители и плохие книги. А насчет невесты — думаю, ты права. Не так важен сам поступок, как его причины. Не правда ли?

О чем он? Неужели о моем обмане?

Но ни ответить, ни додумать мысль я не успела. Мы вышли на галерею, и Ворон остановился.

— Лилла... надеюсь, я не напугал тебя ночью?

Я покачала головой.

— Нет. Спасибо... тебе... за эрту.

Это «тебе» вырвалось само собой — так, как чувствовала. И тут же я испугалась своей дерзости, заметив, как расширились глаза Ворона в прорезях маски. Но в следующее мгновение его губы прикоснулись к моим...

Как же я хотела этого — а вышло так неожиданно. И это было... необыкновенно!

В мечтах о Фелисе я не заходила дальше поцелуя, но те придуманные поцелуи были... никакими. Как будто я сама поцеловала свое отражение в зеркале. Мне просто хотелось, чтобы это случилось, но я даже представить себе не могла, насколько это может быть приятно и волнующе.

Ворон касался моих губ легко, нежно, едва притрагиваясь к ним. Как будто гладил их пером своего крыла. Тепло его дыхания, сводящий с ума запах кожи... Я словно падала в пропасть, летела, купалась в лучах солнца, вдруг выбравшегося из-за туч. Его глаза были так близко, их сияние опаляло огнем. Опустив веки, я подалась навстречу — раскрываясь, подчиняясь, отдавая себя в его власть без остатка.

Я не знаю, как надо. Помогите мне, научите, я хочу быть вашей...

Он прижимал меня к себе все крепче, его руки были тяжелыми, горячими, и этот жар проникал сквозь платье, сквозь кожу — вглубь, и все мое существо отзывалось таким же теплом. Я чувствовала напряжение его плоти — и да, понимала, что это означает. Иногда во время сфорты мужчины сжимали меня в объятиях сильнее, чем полагалось, и тогда я с трудом сдерживала дрожь отвращения, краснея от смущения. Но сейчас... внутри все дрожало от того сладкого страха, который отступает перед ожиданием, нетерпением.

Его губы настойчиво раздвинули мои, язык тонко и остро обвел их по контуру, скользнул между ними, лаская изнутри. И я начала отвечать — робко, неумело. И снова все вокруг исчезло — как вчера во время танца...

— Прости, Лилла, — Ворон провел пальцами по моей щеке. — Мне пора. Сегодня я не вернусь. Может, и завтра тоже. На южных границах Ликюра беспокойно. Полечу в Фианту, встречу с правителем. Не хотелось бы, чтобы началась война.

— Но... с тобой ничего не случится? — испугалась я.

«С тобой»... Я словно перекатывала на языке сладкую ягоду, растягивая удовольствие от ее вкуса.

— Не волнуйся, Лилла. Я все-таки маг. Хотя... мне приятно, что ты волнуешься.

— Я буду ждать... тебя.

Он еще раз поцеловал меня — едва прикоснувшись, превратился в ворона и улетел. Я смотрела ему вслед, пока черная точка не скрылась в пелене тумана. А потом прислонилась к стене, запрокинув голову и закрыв глаза. Сердце отчаянно колотилось, никак не желая успокаиваться. Несмотря на довольно легкое платье, я не чувствовала ни холода, ни промозглой сырости: меня по-прежнему заливало лихорадочным жаром.

— Вам чем-то помочь, вейра Лилла?

Я вздрогнула и открыла глаза. Рядом стоял юноша в голубой одежде слуги, совсем мальчик, лет четырнадцати. И смотрел так обожающе, что стало не по себе.

— Я, кажется, опять заблудилась. Проводи меня, пожалуйста. В Белый коридор южного крыла.

— Знаю, — кивнул он. — Идите за мной.

— Как тебя зовут? — спросила я, когда мы спустились по лестнице.

— Эрис Милл.

— Скажи, Эрис, а почему здесь все обращаются к нам, невестам правителя, по имени?

Я давно хотела об этом кого-нибудь спросить, но все время забывала. Это было серьезным нарушением правил. Даже внутри одного сословия называть друг друга по имени, с добавлением сословного обозначения или без, могли только родственники и

близкие знакомые. Между средним и высшим разницы в обращении не было, но низшие называли средних и высших только на вы и по фамилии. Хотя, конечно, бывали и исключения. Например, Даммара звала нас сестрой по имени и на ты, поскольку была нашей кормилицей. К низшим обращались, в зависимости от возраста, либо на вы и по фамилии, либо на ты и по имени.

— Я не знаю, — смутился мальчик. — Но, говорят, так было всегда. Простите мою дерзость, вейра Лилла, но мы, слуги, может, не все, но очень многие, хотели бы, чтобы женой правителя стали вы. Вас все любят.

— Правда? — улыбнулась я. — Благодарю, Эрис. Если бы это зависело от меня...

— А разве не от вас? — удивился он.

Тут мы подошли к моей двери, он поклонился и ушел. А я, оказавшись в спальне, бросилась на постель.

В детстве я часто болела, с жаром и лихорадкой, и вот сейчас — это было так похоже. Лицо горело, на лбу выступила испарина, мысли путались. Я дотянулась до ночного столика, вытащила из книги перо и, закрыв глаза, провела им по губам. Но нет... совсем не то... не так!

Я вспоминала, как все произошло, снова и снова пытаюсь мысленно пережить каждое мгновение. Смотрела в потолок и улыбалась, как дурочка. Наверно, любая женщина и даже девушка чуть поопытнее посмеялись бы надо мной. Сестра — точно. Но... это был мой первый поцелуй, и он оказался... волшебным.

А потом за светлой волной чистой, ничем не замутненной радости нахлынула другая — темная.

Меня ли одну так целовал Ворон? А вдруг и Веду тоже? Или даже Кьяру? С чего я взяла, что ему может понравиться только одна из нас? Почему не все? Ну да, женится на одной, но до тех пор... Ведь он не сказал мне ничего, кроме того, что не вернется два дня, а может, и больше. Хотя каких слов я ждала? Признания в любви? Того, что именно я буду его женой?

Положив перо на книгу, я встала, подошла к окну.

Прекрати, Лилла, так и с ума можно сойти. Почему бы не поверить, что он любит тебя?

Да потому, что если вдруг это окажется неправдой, будет еще больнее.

Но... как сказал тот мальчишка Эрис в ответ на мои слова о том, что не все зависит от меня от меня? «А разве не от вас?»

Интересно, а поцеловал бы меня Ворон, если б я не обратилась к нему на ты?

Привычный осторожный стук в дверь — чтобы не потревожить. Нетта.

— Вейра Лилла, вы здесь. Прикажете подавать обед?

Я кивнула, она бросила на меня беглый взгляд, и рот ее приоткрылся от удивления. Или беспокойства?

— С вами... все хорошо? Вы на себя не похожи.

Каждый раз от подобных слов я вздрагивала. Независимо от того, кто их говорил и что имел в виду. Ворон — мне все больше казалось, что он знает мою тайну. И эти слова: «не так важен сам поступок, как его причины»... Может, в этом таился намек, что я должна признаться? Ведь я — для всех! — сделала это ради сестры, у которой был жених. Но если я ошиблась, если он ничего не знает...

Нет, я не могла так рисковать, поставив под удар всю семью.

— Все в порядке, Нетта. Немного болит голова. Женские дела.

— Слуги вовсю шепчутся, что может начаться война с Фиантой, — сказал нам с Ведой Керт, когда мы перед ужином ждали приглашения к столу. — Узнают все новости от торговцев.

Под ирмом у него была новая рубашка, не белая, а чуть зеленоватая, придававшая лицу оттенок плесени.

— Сочувствую, Веда, — влезла Кьяра. — Ты же с юга Ликура, не так ли? Если что, твоей семье придется плохо.

— Мне дела нет, — отрезала та и отошла в сторону.

— Ты не знаешь, Лил, с чего она вдруг такая злая? — Кьяра сладко улыбнулась. — Ты случайно не помешала их свиданию с Во... с правителем?

Керт посмотрел на нас, насмешливо вскинув брови, и заговорил с распорядителем золотом Лаусом. Я могла бы ответить Кьяре чем-то ядовитым, но стало противно. Молча пожала плечами и взяла под руку Веду.

— Можно тебя на минуту?

Там война, здесь война...

Это не было обдуманном решением, но я вдруг решила, что так будет лучше. Мы встали в нише окна, там, где нас не могли услышать.

— Я, кажется, догадываюсь, что ты хочешь спросить, — холодно усмехнулась Веда. — Или сказать. Насчет Ворона, так?

— Давай в открытую. Я...

— Ты в него влюблена, — перебила она. — Этого только слепой еще не заметил. Хорошо, давай в открытую. Меня он как мужчина не интересуется. Но я сделаю все, чтобы стать его женой. Понятно?

— Вполне, — кивнула я и быстро отвернулась, чтобы она не заметила мою улыбку.

Особо радоваться, конечно, было нечему. Веда — я не сомневалась! — пойдет на все, лишь бы добиться своего. Хладнокровно, расчетливо. Но если она сказала правду о том, что Ворон ей не интересен, у меня появилось огромное преимущество. Я действительно была влюблена в него. А он — по его словам — не мог читать мысли, но понимал истинные чувства людей.

— А что вы думаете о возможности войны, вейра Лилла? — спросил меня Керт за столом, воспользовавшись тем, что Кьяра сосредоточилась на извлечении мелких костей из рыбы.

Война... это было чем-то таким далеким, незнакомым. То, о чем мы знали только по древним хроникам и легендам. Когда-то, очень-очень давно, соседние государства без конца воевали, захватывали друг друга, снова освобождались. Но потом войны прекратились, словно сами собой. Последней стал захват Вороном Ликура и Тандора. Но это и войной-то трудно было назвать. Он пришел с небольшой армией, за несколько дней разгромил немногочисленные силы сначала одного государства, а потом и второго. И объявил себя правителем.

— Не знаю, что и сказать, зол Керт. Но... что хорошего в войне? Надеюсь, правитель все уладит, и ее не будет.

— Если и будет, он все равно победит, — Керт соорудил пренебрежительную гримасу. — У Фианты и войска-то нет, одна дворцовая охрана. А у Илары, с которой она в союзе, только пограничные отряды. Рассказывают, что тарис Айгер сам командовал ими до того, как стал правителем. Но даже если они объединятся, это не поможет.

— Да, наш правитель маг. Но ведь не единственный в мире, не так ли? — не согласилась я. — Слышала, в Полуденных землях есть целый орден магов. Что, если правитель Фианты обратится к ним за помощью? Скажите, а из-за чего может начаться война?

Должна же быть какая-то причина?

— Как обычно — пограничные земли. Рубежи Тандора проходят по горам, они почти неприступны. А вот Ликур открыт, и там участились набеги на приграничные деревни. А когда наш Тайный совет отправил с послом протест, ответом было, что эти земли всегда принадлежали Фианте. И вот наш правитель отправился туда.

— Вы говорили об Айгере из Илары? Правителе? — Кьяра разделалась с рыбой и снова вступила в разговор. — О нем чего только не рассказывают. Я слышала, он выгнал свою жену в Фианту, чтобы та не мешала ему спать с ее матерью. И не отдал ей сына. А потом исчезла и его теща. Может, ее убили? А тарис женился на какой-то чужестранке из Полуденных земель.

— Что за глупости?! — оборвал ее Керт. — Тарис Айгер любил солу Юнию в молодости, но она вышла за другого. А он потом женился на ее дочери, соли Эйре. Но та вместе с матерью организовала против него заговор. Им грозила казнь, однако тарис Айгер их помиловал. Разорвал брак и отправил бывшую жену в Фианту. А соли Юнии разрешил остаться, потому что она спасла его сына — дала ему свою кровь. Не знаю, что с ней стало, но сейчас тарис Айгер снова женат, и у него, кроме старшего сына, еще двое детей от второй жены. И он очень достойный человек.

— Откуда вы так осведомлены? — фыркнула уязвлено Кьяра.

— Моя мать, — Керт покосился на центральный стол, за которым важно восседала зола Меара, — родом из Илары. Она была придворной дамой матери тариса Айгера. И новости оттуда получает до сих пор. Можете сами у нее спросить. Не думал, что вы склонны разносить сплетни, зола Кьяра.

Та побагровела и отвернулась.

— Признаюсь вам, вейра Лилла, я всегда восхищался тарисом Айгером. Конечно, я его никогда не видел и знаю только по рассказам матери, но подростком мечтал быть таким, как он. И наш правитель отзывается о нем с большим уважением. Думаю, ему меньше всего хотелось бы воевать против Илары.

— Будем надеяться, что удастся все решить миром, — улыбнулась я.

Керт, так резко осадивший Кьяру, показался мне симпатичнее, чем обычно. К тому же разговор с ним отвлекал от собственных мыслей, бурливших, словно суп в кастрюле под крышкой. Какие-то слухи о правителе Илары до нас доходили и раньше, но меня они интересовали так мало, что я и имя-то его вспомнила с трудом.

Уходя из зала после сфорты под руку с Кертом, я поймала поочередно два взгляда. Плавающий ненавистью — Кьяры. И ледяной, враждебный — Веды.

31

Время тянулось невыносимо. День, второй, третий — Ворон не возвращался. И никаких новостей из города. Торговцы привозили товары и заказы, но рассказать ничего интересного не могли. Даже те, которые были поставщиками дворца и всегда все знали.

Тайный совет ждал возвращения Ворона из Фианты, тем временем отряд разбойников снова напал на южные границы Ликура, разграбив две деревни. Поговаривали о том, что все это делается с ведома и молчаливого одобрения териса Отрана — правителя Фианты.

Это не могло не волновать, но больше я беспокоилась, разумеется, о Вороне. Что с ним? Почему его так долго нет? Я не представляла, означает ли его бессмертие также и неуязвимость? Тогда, с мячом в саду — это была глупая шутка, но сейчас все стало всерьез. Может ли он погибнуть? Например, в облике птицы — не могут ли его достать из лука? Или захватить в плен в человеческом обличье? Насколько простирается сила его магии?

Я не находила себе места, тоскуя с каждым днем все сильнее и сильнее. Тревога заслонила даже другие мысли о нем. Любит ли он меня, стану ли я его женой — все отошло на шаг назад. Лишь бы с ним ничего не случилось.

Ни с Кьярой, ни с Ведой я не разговаривала. Виделись мы только за ужином, но ни разу не перемолвились даже словом. За столом, влезая в нашу с Кертом беседу, Кьяра делала это так, будто меня нет рядом. Да, я думала о том, что они с Ведой могут объединиться против меня, преследуя каждая свои цели, но и эти мысли были слишком бледными, чтобы переживать всерьез.

Однако на четвертый вечер случилось то, что заставило меня по-настоящему испугаться.

Моим партнером по сфорте оказался лекарь вейр Зибер, приятный пожилой мужчина, жена которого заведовала кухонными кладовыми. По пути к моим комнатам я пожаловалась на плохой сон, получила несколько советов и распрощалась с ним. Нетта, как обычно, вышивала в гостиной, ожидая меня.

— Иди спать, — сказала я, когда она помогла мне выбраться из ванны. — Обойдемся сегодня без наведения красоты. Я слишком устала.

Это была правда. Последние ночи сон никак не шел ко мне. От волнения я чувствовала себя изнуренной, как после долгой болезни. После теплой ванны хотелось поскорее лечь в постель — пусть даже не уснуть, но отдохнуть.

— Спокойной ночи, вейра Лилла.

Погасив все светильники, кроме одного, в дальнем углу спальни, Нетта вышла. Ключ с щелчком повернулся в замке: двери на ночь обычно запирали.

Я, как всегда, постояла у окна, вглядываясь в темноту, откинула одеяло и легла. И тут же с визгом вскочила: ноги коснулось что-то холодное и... живое. Встав на хвост, на кровати покачивалась блестящая черная лента. Даже тусклого света хватило, чтобы разглядеть ярко-желтый ошейник: это была стигна, самая ядовитая змея Полуночных земель.

Я замерла. Укус стигны был безусловно смертелен, противоядия не существовало. Но она никогда не нападала на неподвижных людей и животных. Почему — никто не мог сказать точно. Как будто не видела их. Однако стоило жертве шевельнуться, и змея в молниеносном броске вонзала ядовитые зубы.

Уже осень, змеи спят. Впрочем, даже летом она не смогла бы заползти на второй этаж и спрятаться у меня в постели. Кто-то принес ее и положил под одеяло. Да еще так, чтобы не выползла. Кто? Какая теперь разница? Эта тварь отрезала мне все пути к отступлению: я оказалась между кроватью и окном, спиной к ночному столику. Шаг вперед — и она бросится. Сколько можно простоять неподвижно? Позвать на помощь?

— Нетта! — изо всех сил крикнула я, и змея приподнялась еще выше, с шипением приоткрыв пасть.

От напряжения рука дрогнула и задела лежащую на столике книгу. Та раскрылась на заложенной пером странице. И в тот момент, когда змея метнулась ко мне, перо соскользнуло и коснулось ее тела. Страшные зубы сомкнулись на ткани рубашки, не зацепив кожу. Обмякшая стигна не шевелилась. Она была мертва.

С трудом переведя дыхание, я осторожно выбралась из рубашки и отодвинулась подальше. Щелкнул замок, дверь открылась — в спальню вбежала Нетта в расстегнутом платье и с распущенными волосами.

— Вейра Лилла?

Увидев меня голую, а чуть поодаль змею, вцепившуюся в мою рубашку, она закрыла рот руками и прижалась к стене.

— Тише! — прошипела я, не хуже стигны. — Иди закрой дверь. Нет, сначала дай мне во что-нибудь одеться. Накидку хотя бы.

Набросив на плечи утреннюю накидку, я вышла в гостиную и села в кресло — ноги не держали. Нетта, захлебываясь слезами, бросилась передо мной на колени.

— Вейра Лилла, вы же не думаете, что это я? Принесла ее?

— Прекрати! — я жестом заставила ее подняться. — Какая тебе с этого выгода? Снова отправиться мыть полы? К тому же ты первая попала бы под подозрение.

Как же легко я поверила словам мальчишки Эриса, что меня все любят. Он — может быть. И другие. Но точно не все. И не только Кьяра с Ведой с радостью бы от меня избавились. У них есть служанки, у служанок — возлюбленные. Да мало ли кто еще. Например, сделавшие крупные ставки не на меня. А еще есть Керт, который, возможно, затаил обиду на мое невнимание. И подруга Керта...

— Нетта, ты можешь узнать?.. Хотя нет, я сама. Давай-ка подумаем, что с ней делать. Со змеей.

— Вейра Лилла, но ведь она не приползла сюда. Кто-то вам ее подбросил. Я пришла, когда ужин заканчивался, приготовила вам ванну...

— Она была у меня под одеялом. Днем сюда мог зайти кто угодно, дверь открыта. Вот что, теперь будем закрывать на ключ постоянно. Хотя... у зола Меара есть ключ, подходящий ко всем замкам.

— Вы думаете, это он?

— Вряд ли. Не только у него могли быть причины сделать это. У него, пожалуй, меньше всех. Но... прошу тебя. Нет, приказываю: молчи.

Я подошла к окну, посмотрела вниз. В этом месте между крепостной стеной и стеной замка было довольно большое расстояние.

— Сейчас ты возьмешь ее и пойдешь туда, где можно выбросить из окна в пропасть.

— Я?! — Нетта испуганно вытаращила глаза.

— Ты хочешь, чтобы я оделась и пошла сама?

Вернувшись в спальню, я завернула змею в рубашку — все равно ни за что не надела бы ее снова — и протянула сверток Нетте.

— Иди. И постарайся не попасться никому на глаза.

С опаской взяв змею в рубашке, она направилась к двери, но на полпути остановилась.

— Вейра Лилла, но как так вышло, что она бросилась на вас и сдохла? Какие силы вас спасли?

— Понятия не имею. Иди.

Снова повернулся ключ в замке. Я налила воды из кувшина, выпила. Вошла в спальню, взяла с одеяла перо.

Я знала, какие силы избавили меня от смерти. И если раньше не была уверена, Ворон ли побывал в нашем саду десять лет назад, его ли это перо, то теперь знала точно.

32

Какой уж тут сон! Я ходила по спальне взад-вперед, прижав перо к губам, и посматривала искоса на кровать. И понимала, что даже лечь на нее не смогу. Во всяком случае, этой ночью — точно.

Все вдруг стало очень серьезно. Допуская, что Кьяра и Веда могут объединиться против меня, я не предполагала ничего подобного. Думала, что попытаются как-то выставить в неприглядном свете перед Вороном. Например, запустят слух, что у меня любовная связь с кем-то из обитателей замка. По рассказам сестры я знала, что такое часто случается в высшем свете. Подозрения, попытки оправдаться, испорченная репутация... Но вот так — избавиться на самом деле?

Подожди, Лилла, им обеим, конечно, это выгодно, но ведь не только им, надо думать. Да, больше было похоже на Веду, чем на Кьяру. Но откуда Веде взять змею? Осень — это неважно. В конце концов, любую змею можно отогреть и разбудить, только злее будет.

Но кто-то должен был ей помочь. И добыть эту тварь, и принести ее мне в постель.

У меня сразу мелькнула одна мысль, еще когда я разговаривала с Неттой, но проверить ее я могла не раньше утра. Впрочем, кто бы ни пытался меня убить, сейчас больше занимало другое.

Каков будет следующий шаг моих противников, когда они узнают, что попытка не удалась?

Рассказывать никому я не собиралась, потому что не представляла теперь, кто мой друг, а кто враг. Керту — особенно. Только Ворону... если он вернется.

Прекрати, Лилла! Когда вернется!

Дверь открылась. Я вышла в гостиную к Нетте.

— Выбросила?

— Да, вейра Лилла. Пришлось идти в северное крыло, иначе прямо в пропасть было не скинуть.

— Никого не встретила? Здесь, поблизости?

— Нет, — покачала головой Нетта. — Но я шла через первый этаж.

Если подумать, кто-то обязательно должен был ждать, чтобы забрать змею. Кто-то, знающий, как с ней обращаться. Принести и спрятать в постель ее могли сонную, но забрать было намного сложнее. А если не оставить — сразу станет ясно, что со мной случилось. Но я закричала, ко мне прибежала Нетта. Если кто-то караулил, наверняка понял, что план не удался.

Подождите-ка! Лекарь вейр Зибер! Он за этот месяц пригласил меня танцевать раз или два. А тут вдруг так спешил подойти перед началом сфорты, что даже слегка оттолкнул Керта. А когда мы шли по коридорам, очень настойчиво и дотошно расспрашивал о самочувствии. Зачем? Если б я была нездорова, обратилась бы к нему за советом сама.

Отец нередко готовил лечебные снадобья с использованием ядов. И змеиного в том числе. Его брали только у живых змей, и он умел это делать. Я даже видела однажды, как он держал ядовитую змею за шею и сцеживал в банку яд. Это была не стигна, конечно, но отец точно знал, как не пострадать самому. Наверняка этими навыками владели и другие лекари. Вейр Зибер вполне мог держать змей там, где лечил больных.

Предположим, все получилось. Стигна меня ужалила, и я умерла, даже не успев позвать на помощь. Через какое-то время лекарь пришел и забрал змею. А утром Нетта обнаружила мое мертвое тело. Кого позвали? Разумеется, его. Лекаря. И он «вспомнил», как я жаловалась на плохое самочувствие. И уж точно «не обнаружил» крошечный след от укуса.

Но чем я помешала лекарю? Ему самому, наверно, ничем. Если, конечно, он не поставил большую сумму на Веду или Кьяру. Но ведь прошел всего месяц, ему разумнее было подождать. Нет, вряд ли он сделал это по собственному почину. Скорее, для кого-то.

— Нетта! Сходи к вейру Зиберу. Прямо сейчас. Если спит, разбуди, но не думаю, что спит. Скажи, что у меня очень сильно болит голова и что я прошу какое-нибудь лекарство. Да, еще скажи, что у меня часто в последнее время болит голова, что я постоянно жалуюсь тебе на это. Внимательно смотри на его лицо, запоминай, что он будет говорить.

Нетта сдавленно ахнула, но я покачала головой:

— Я ничего пока не знаю. И могу ошибаться. Иди. Нет, стой. Когда выйдешь от него, спрячься где-нибудь рядом и подожди немного. Посмотри, выйдет он из комнаты или нет.

— А если выйдет, проследить, куда пойдет?

— Если сможешь сделать это так, чтобы не заметил, было бы прекрасно.

Нетта не возвращалась долго. Меня начало клонить в сон, хотя я и думала, что не смогу уснуть. Прилегла на диван и задремала.

— Вейра Лилла!

Я открыла глаза и увидела Нетту, опустившуюся рядом с диваном на корточки. На щеках ее пылал румянец.

— Простите, что разбудила, но... Он действительно вышел. Знаете, куда?

— Ну, говори! — поморщилась я.

— Ни за что не догадаетесь. В крыло прислуги. К Андре Майте. Это...

— Я знаю, кто это, — у меня невольно вырвался невеселый смешок. — Почему-то совсем не удивлена. Больше скажу, сразу так и подумала. И что?

— Он побыл у нее немного, несколько минут, потом вернулся к себе. Да, когда я сказала ему, что вы просите средство от головной боли, он... мне показалось, он сильно растерялся.

— Конечно. Наверняка подумал, что ты зовешь его к моему мертвому телу. Теперь мучается в догадках, почему я жива и куда делась змея. И побежал к Андре. Сказать, что ничего не вышло.

— Он дал для вас какое-то снадобье, — Нетта показала на глиняный кувшинчик с крышкой, стоящий на подоконнике. — Смешал при мне и сказал, что надо пить каждый день по одной большой ложке. Но, я думаю, не стоит.

— Разумеется. Вылей и налей простой воды. И иди спать, уже поздно.

Она ушла, а я снова легла на диван, укрывшись покрывалом с кровати.

Кое-что прояснилось. Андра... она показалась мне милой, улыбчивой. Приятной. Удачи пожелала. Да нет, это просто такой рисунок губ, с чуть приподнятыми уголками. Вот и кажется, что приветливо улыбается. А глаза — теперь я вспомнила это отчетливо! — холодные. Как у Веды. И ключ она вполне могла украсть у Керта, чтобы Зибер мог унести змею. В этом коридоре, кроме меня и Нетты, никто не живет. Никто бы и не заметил.

Впрочем, непонятого оставалось много. Например, зачем так сложно и опасно — со змеей, если лекарь просто мог подлить или подсыпать яд в снадобье от головной боли? Может, потому, что я ни разу не просила у него никаких снадобий? А еще более непонятно, зачем Андре избавляться от меня? Ведь если я стану женой Ворона, с моей стороны ей точно ничего не грозит.

Хотя если Керт действительно влюблен в меня и больше на нее не смотрит...

Вот на этой мысли я наконец и уснула.

33

Утро подсказало: спать на диване было не самой лучшей идеей. Ну и что, что змея побывала в постели? Постель от этого ядовитой не стала. И другой змеи в ней не было. Зато от ночи в неудобной позе теперь ломило все тело. Пришлось Нетте приготовить мне ванну с отваром целебных трав и растереть лечебным маслом. Только после этого я стала немного похожа на без пары месяцев восемнадцатилетнюю девушку, а не на дряхлую старуху.

— Скажи, Нетта, — спросила я, когда она помогала мне одеваться. — Что может связывать Андру и Зибера? Он давно служит в замке?

— Очень давно, вейра Лилла. Я точно не знаю, но, кажется, он пришел сюда еще учеником прежнего лекаря. А вот что может их связывать? Но это точно не любовная история.

— А кто родители Андры?

— Отец — старший привратник, а мать, кажется, умерла при родах. Я плохо знаю о том, что было до моего прихода.

Если Андра решилась на такое из-за Керта, то с лекарем у нее точно не сердечные отношения. Но какие? Андра примерно моя ровесница, Зиберу около пятидесяти. Может, она его дочь?

— Не могу сказать, — в ответ на мое предположение Нетта покачала головой. — Но... попытаюсь осторожно разузнать. Вдруг кто вспомнит старые слухи и сплетни. Скажите, вейра Лилла, зачем мы избавились от змеи? Если вы захотите рассказать об этом правителю, поверит ли он вам?

— Нетта, нужно сначала, чтобы он вернулся целым и невредимым, — вздохнула я. — Я очень переживаю, что от него так долго нет вестей.

— Да. Все переживают и волнуются.

— Если я расскажу, он поверит и без змеи. Ему открыты истинные чувства людей, и правду от лжи он точно сможет отличить.

Я сказала это, и... тут же все стало на свои места. Так бывает. Истина рядом, но ее не видишь. Пока что-то не откроет глаза. Иногда — свои же собственные слова.

Ворон знает о моем обмане. Не может не знать. Знает еще с отбора. И дал мне это понять в первое же утро — но я... не поняла. Сколько раз спрашивала себя, сомневалась, хотя все должно было стать ясно сразу же. Я все время лгала, скрывала правду — как он мог этого не почувствовать? Возможно, ждал моего признания? И даже намекал — когда мы говорили о книге? А я побоялась признаться.

Перестань, Лилла, сейчас не это главное. Пусть он вернется, а там будет видно. Сначала надо проверить кое-какие предположения. Все равно пока больше ничего сделать нельзя.

После завтрака я пошла в рабочий кабинет Керта. Он сидел за столом и просматривал какие-то записи.

— Вейра Лилла? — лицо засияло, словно я пришла к нему на любовное свидание. — Рад вас видеть. Вам что-то нужно? Хотите сделать заказ из города?

— Пока нет, зол Меар. У меня к вам просьба. Замок в двери моей комнаты стал плохо открываться. Вы не могли бы проверить его своим ключом? Возможно, дело не в замке, а в наших с Неттой ключах?

— Конечно!

Он вскочил с такой готовностью, что я вздрогнула. До сих пор мне в голову не приходило, что все настолько серьезно. При посторонних Керт держал свой интерес ко мне в рамках приличий, но наедине, похоже, не считал нужным его скрывать. И... кажется, я начала понимать Андру.

Он быстро шел к моим комнатам, то и дело оглядываясь, не отстала ли я. Наконец мы оказались у двери, и Керт полез в кожаную сумку, которую носил на поясе. С недоумением пошарил в ней, вытащил все, что там было, перебрал в ладонях.

— Кажется, мой ключ пропал, вейра Лилла, — сдвинув брови, сказал он. — Неужели где-то выпал? Это скверно.

— А его не могли украсть? — я постаралась придать голосу побольше недоумения, хотя не сомневалась, что это так. И кто именно украл.

— Зачем?

— Чтобы попасть туда, куда не надо.

— Скорее всего, я его просто где-то выронил. Извините, вейра Лилла. Давайте попробую

вашим ключом.

Я достала из кармана свой ключ, который, разумеется, прекрасно открыл дверь.

— Странно, сейчас все в порядке. А еще утром мы с Неттой с трудом справились.

Раздосадованный Керт отправился то ли к себе, то ли на поиски ключа, а я — к Марту.

— Утро доброе, моя голубушка! — старик расплылся в улыбке, не хуже Керта. — Что привело вас ко мне? Новое платье?

— Пока нет, — я улынулась в ответ. — Но мне нужна Андра. Хочу еще одну такую же ситу. Старая все-таки слишком жесткая. Раньше я носила ее редко, а теперь приходится надевать каждый вечер. Новая лучше, но ведь ее надо стирать. А старая сильно натирает.

— Конечно, моя дорогая, — он повернулся к мальчику-подмастерью: — Иди в швейную и позови Андру. Пусть возьмет все для ситы вейры Лиллы.

— Скажите, Март, — я села на скамью у стены, — Андра шьет только ситы?

— Нет, любое белье, но ситы у нее получаются лучше всего. Она делает их для всех дам в замке.

— Значит, для золы Кьяры и золы Веды тоже?

— Не ревнуйте, моя дорогая, — добродушно рассмеялся портной. — Ее мастерства хватит на всех. А платья у вас все равно самые красивые и модные. Даже не сомневайтесь.

— Нисколько не сомневаюсь, — успокоила я его.

— И знаете, это ведь я зову ее сюда, к себе. А зола Кьяра и зола Веда ходили к ней сами. В мастерскую. Я как раз заглянул туда, когда они были там, обе. Знаете, что я вам скажу, дорогая? Вы подумаете, что Грис Март старый сплетник, но вам все же скажу. Я был удивлен, что невесты правителя позволяют себе такие разговоры. Андра снимала мерки с золы Кьяры, а зола Веда сидела рядом и рассказывала, что зол Меар влюблен в вас. И что, возможно, правитель разрешит ему жениться на вас, если сам сделает другой выбор.

Высшие силы, благодарю вас!

Я готова была расцеловать старого болтуна, но вместо этого сделала вид, что страшно возмущена.

— Что?! Выйти замуж за зола Меара?! Ни за что. Уж лучше за вас, Март.

— Деточка, я польщен, — он поцеловал мне руку. — Был бы счастлив, но я старик и вам не ровня. К тому же мне кажется, правитель равнодушен к вам. Все об этом говорят.

Его слова отозвались во мне теплой волной, и я с трудом сдержала улыбку. В этот момент вошла Андра — хмурая, с заплаканными глазами.

— Доброе утро, вейра Лилла, — она поклонилась мне. — Вам надо было всего лишь передать со служанкой свою ситу, и я сделала бы точно такую же. Вряд ли вы сильно растолстели за месяц в замке.

Яда в ее словах было не меньше, чем на зубах стигны. А если бы Андра умела убивать взглядом, я немедленно умерла бы в страшных мучениях.

34

- Пойдем, мой мальчик, — Март повернулся к подмастерью, который сосредоточенно сматывал в клубок тесьму. — Не будем мешать девушкам. Торговцы наверняка уже прибыли. Заберем наши заказы, а заодно узнаем новости.

Кьяра и Веда. Веда и Кьяра... Если б Марта не занесло в швейную мастерскую, если б он

не был таким болтливым, я бы все равно узнала, в чем дело, но усилий приложить пришлось бы намного больше. Я ведь так и подозревала, что не сама Андра додумалась от меня избавиться, кто-то надоумил ее, вложил в голову эту мысль. Поэтому и встретила с ней под самым благовидным предлогом — ради новой ситы. Мне надо было заставить ее проболтаться. Так, чтобы появилась полная определенность.

То, что Керт в меня влюблен, — это теперь не вызывало сомнений. Нет, на людях он вел себя вполне пристойно, не выходя за рамки обычной придворной любезности. Возможно, это и сбilo меня с толку. Но теперь все встало на свои места, как кусочки картинки-головоломки.

Его единственный шанс заполучить меня — только если Ворон выберет в жены Веду или Кьяру. И разрешит ему жениться на мне. Конечно, я могу отказаться, но Керт выше ушей прыгнет, чтобы расположить меня к себе. Он молод, хорош собой, умен, на высокой должности. Да и выбирать особо не из кого. Именно об этом и говорили Кьяра с Ведой, пока Андра занималась своим делом. Нет, не так. Веда говорила Кьяре. При Андре. Прекрасно зная, что между нею и Кертом любовная связь. Это была не случайная болтовня, нет. Веда сама сказала мне: сделаю все, чтобы стать женой Ворона.

Наверняка Керт охладел к Андре, иначе бы слова Веды не заделали бы ее так сильно. Но, по словам Нетты, самой вероятной женой Ворона все считали именно меня. И ставок на меня делали больше, чем на Кьяру и Веду, вместе взятых. А чем больше была вероятность, что Ворон женится на мне, тем меньше вероятность того, что это удастся Керту. Значит, было что-то еще.

— А почему ты так разговариваешь со мной? — я надменно вздернула подбородок, постаравшись вложить в свои слова ледяную холодность Веды и развязную наглость Кьяры. — Кто тебе позволил? Я — невеста правителя и, скорее всего, стану его женой. Мне решать, что и как делать. Звать тебя или не звать. А твое дело — молча выполнять мои приказы.

Мне надо было вывести ее из себя, и я этого добилась. Впрочем, оказалось несложно: после неудачи со змеей она и так не владела собой.

— Вы?! — фыркнула Андра с презрением. — Женой правителя? Простите, вейра Лилла, мне жаль вас разочаровывать, но это точно будете не вы. Он влюблен в золу Веду.

— Это тебе сказал сам Ворон? — я умышленно назвала его так. — Или, может, зола Веда?

— Она носит его кольцо, — насмешливо улыбнулась Андра. — Как знак любви.

Меня словно иглой кольнуло. Неделью назад или чуть больше я действительно обратила внимание на кольцо с синим камнем, которого раньше у Веды не замечала. Неужели правда?

Нет. Если б это была правда, она не затеяла бы такую сложную и опасную игру. Ей это было бы ни к чему.

Продолжая зло улыбаться, Андра закалывала на мне ленту ситы. Кто поручится, что одна из ее булавок не намазана ядом стигны? И что этой булавкой она — случайно! — меня не уколется?

— Вот что! — я отстранила ее руки. — Забирай свои тряпки и иди отсюда. Я в твоих услугах больше не нуждаюсь.

— Как скажете, — она вытащила булавки, собрала все в сумку и вышла, даже не поклонившись.

Жаль, конечно, что у меня не будет второй прекрасной ситы, но ничего не поделаешь. Обойдусь пока одной. И старой, с крючками. А там посмотрим.

Да, Веда, я тебя недооценила... Ловко ты обманула Андру. Сначала убедила якобы случайным разговором, не предназначенным для ее ушей, что Керт влюблен в меня, а потом добила. Я даже знала, как это произошло.

Андра принесла готовую ситу, чтобы примерить и, по необходимости, подогнать, и Веда в разговоре поделилась своей «тайной». Кольцо показала — якобы подаренное Вороном. Впрочем, он мог действительно подарить его Веде, как делал небольшие подарки мне и Кьяре. Даже не сам, передавал через Керта. Без какого-либо особого смысла — просто как невестам. А Андра, похоже, девушка не слишком рассудительная. Даже не подумала, что ее опасная затея может обернуться неудачей. А тем более — что будет с ней, если все откроется. По правде, это волновало меня меньше всего.

Я хотела дождаться Марта, но он все не возвращался. Мысли успели двадцать раз пробежать по кругу, притащив с собой одну новую.

Если кто и знает о том, что происходило в замке раньше, — кроме Ворона, конечно, — это библиотекарь вейр Гаун.

У нас с ним сложились добрые отношения, мы часто разговаривали о книгах, и он никогда не позволял себе пренебрежительно отзываться о том, что я читаю. Гаун, как и Ворон, придерживался убеждения, что нет плохих тем, есть плохие сочинители и плохие книги. Кроме того, он был сыном и внуком прежних библиотекарей и вполне мог что-то слышать от них о старых временах. Хотя бы о том, как жили после свадьбы правителя те две невесты, которые ему не подошли.

Однако вейр Гаун был явно не расположен предаваться воспоминаниям. Он сидел за своим столом, подперев голову руками, мрачнее тучи.

— Приветствую вас, вейра Лилла, — голос его вполне соответствовал виду. — Вы за книгами?

— Нет, я хотела поговорить с вами. Но у вас, кажется, что-то случилось?

— У меня? — вздохнул он. — Да нет. У всех нас. Разве вы не слышали новости, которые принесли торговцы?

— Нет, — показалось, будто в животе все превратилось в кусок льда. — Что произошло?

— Правитель... От него до сих пор нет известий. И в Фианте он не появлялся.

У меня потемнело в глазах, и я без сил опустилась на стул.

35

— Вейра Лилла!

Я открыла глаза и глубоко вздохнула — дурнота отступила.

— Вот, выпейте, — библиотекарь протянул мне стакан воды. — Простите, я не подумал, что это вас так... испугает. Возможно, ничего страшного и не случилось.

— Прошло пять дней, вейр Гаун, как он отправился в Фианту. Но если туда не добрался... Где же он может быть? И что с ним случилось?

Я встала, подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу.

— Скажите... — мне хотелось рыдать в голос, но я собрала все силы в кулак. — Допустим... правитель погиб. Да, он не может умереть своей смертью, но неуязвим ли он?

Молчание было мне ответом.

— Что будет, если он погиб, вейр Гаун? — настаивала я. — К кому перейдет власть?

— По законам Полуночных земель, во время отсутствия правителя Тандором и Ликуром управляет Тайный совет. Он же может назначить нового правителя, если прежний по какой-то причине не в состоянии выполнять свои обязанности.

— Кто это будет?

— Лицо королевской крови. Поскольку у правителя нет наследников, на трон может

претендовать... зол Меар.

— Что?! — я развернулась так стремительно, словно меня подхватила невидимая сила. — Каким образом?

— Его мать родом из Илары. Она в родстве с тарисом Айгером и тарисой Ириной, поскольку принадлежит к королевскому клану Кембро. Стало быть, зол Меар тоже королевской крови.

— Высшие силы... — я в ужасе прижала ладони к щекам. — Но если сейчас начнется война...

— Да, вейра Лилла, — Гаун горестно кивнул, — если начнется война, Фианта и Илара захватят Полуночные земли так же быстро, как когда-то наш правитель захватил Ликур и Тандор. До сих пор мы были под охраной его магии.

— Вейр Гаун, возможно, мой вопрос покажется вам неуместным, но мне важно это знать. Сейчас. Может, вы слышали от отца или деда. Когда раньше правитель женился, что происходило с двумя другими невестами?

— Они оставались в замке, — библиотекарь потер седые виски, как будто у него разболелась голова.

— Это понятно. Но что с ними было? Они могли, к примеру, выйти замуж?

— Моему отцу, будь он жив, исполнилось бы семьдесят лет. Он помнил предыдущую жену правителя и одну из невест. Она была замужем за главным распорядителем. Вторая умерла молодой, от какой-то болезни, еще до его рождения.

— Понятно... Но почему они оставались здесь после того, как правитель выбирал себе жену? Их не отпускали?

— Они не хотели покидать замок. Как и все остальные.

— Но почему? — я чувствовала, что больше не могу сдерживаться, голос зазвенел от слез. — Что это за место такое, откуда никто не хочет уходить? Даже писем не пишут. Это магия Ворона... то есть правителя?

— Нет, вейра Лилла, — Гаун подошел ближе и успокаивающе погладил меня по плечу. — Замок построили горные пайгримы. Это их магия. Все мы вольны уйти, но никто не хочет.

— Тогда почему нам не сказали об этом сразу? Когда мы только сюда приехали?

— А разве вы поверили бы тогда? Вы здесь уже второй месяц. Скажите, вам хочется вернуться домой?

Я с сомнением покачала головой.

— Не знаю, вейр Гаун. У меня есть и другие причины не желать возвращения. И без магии. Наверно, если бы все шло так, как обычно, я бы тоже осталась здесь. Даже если бы не стала женой правителя. Но сейчас тут происходит столько... — я хотела сказать «страшного», но запнулась, — странного. Я не знаю. Ничего не знаю.

Слезы все-таки хлынули у меня по щекам.

— Я провожу вас в ваши комнаты, вейра Лилла, — предложил он. — Вам надо прилечь и отдохнуть. Вы слишком взволнованы. Возможно, стоит пригласить вейра Зиберы, чтобы он дал вам какой-нибудь успокоительный настой?

— Нет! — вскрикнула я так, что библиотекарь вздрогнул. — Простите, мне действительно... нехорошо. Буду вам признательна, если проводите.

Оказавшись у себя в спальне, я принялась ходить по ней взад-вперед, как дикий зверь по клетке.

— Что для вас сделать, вейра Лилла? — заглянула встревоженная Нетта.

— Ничего. Будь у себя. Если понадобится, позвоню.

Ворон, Ворон... Что же с тобой случилось, любимый? Жив ли ты? Где тебя искать?

Я ведь маг, сказал он. Со мной ничего не случится...

Керт может стать правителем Полуночных земель. И тогда получит в придачу меня. Это за управляющего я могла бы отказаться выйти замуж. Но не за правителя.

А не замешан ли он во всем этом заговоре? Разумеется, я не думала, что дело во мне. Я — всего лишь приятное дополнение к власти. Но как все одно к одному складывается! Разбойники, нападающие на Ликур. Терис Отран, заявивший, что эти земли искони принадлежали Фианте. Назревающая война. Ворон, полетевший, чтобы встретиться с ним, и пропавший.

Правда ли то, что он так и не прибыл в Фианту? А вдруг его там держат в плену? Или даже убили? Ведь без него Полуночные земли беззащитны. Керт ближе всех к Ворону — возможно, ему известен какой-то секрет, который он передал терису Отрану. Например, в обмен на обещание сделать его правителем-наместником.

Все наше соперничество с Кьярой и Ведой и даже козни ревливой Андры показались мне глупой возней девчонок, не поделивших куклу. То, что происходило сейчас, было несравнимо важнее — и страшнее. Неизвестность и беспомощность сводили с ума. И то, что выглядело важным еще вчера, вдруг стало ненужным и неинтересным. Например, тайна двух лишних невест оказалась вовсе не тайной. Надо было просто знать, у кого об этом спросить. Керт? Он действительно мог не знать. А мог и соврать по какой-то своей причине. Но это тоже теперь было неважно.

Я изгрызла в лохмотья носовой платок, исходила спальню вдоль и поперек, но потом волнения ночи и этого дня все же одержали надо мной верх. Едва опустившись на постель, я мгновенно провалилась в черный глубокий сон.

36

Никаких танцев вечером, разумеется, не было. Даже музыки за ужином. Мертвая напряженная тишина. Над столами висел сдержанный гул. На свободное место между Кьярой и Кертом поглядывали так, словно там сидел мертвец.

— Я слышала, вы можете претендовать на трон, зол Меар? — наклонилась к нему Кьяра, но тот безразлично поморщился и не ответил.

Захотелось бросить в нее чем-нибудь потяжелее. Например, блюдом с запеченным мясом. Вряд ли я смогла бы сказать, которая из них была мне более неприятна в этот момент: Кьяра, пытавшаяся натянуть на лицо горестную маску, или Веда, зло и угрюмо глядевшая в свою тарелку. Кстати, кольца с синим камнем у нее на руке не было.

Я не могла проглотить ни кусочка, только пила разведенный водой кислый сок снежных ягод. Знобило, как будто начиналась лихорадка, сердце билось мелко и часто, и казалось, что не хватает воздуха. Нет, мне всегда так казалось, стоило надеть под платье ситю, но сейчас особенно. Действительно не помешал бы успокоительный отвар — но только не из рук Зибера.

Ужин закончился, однако обитатели замка не торопились расходиться по своим комнатам. Собирались группами по несколько человек, разговаривали — обсуждали новости.

— Я провожу вас, вейра Лилла, — подошел ко мне Керт.

Его слова не были предложением или просьбой. Это было утверждение, словно он имел полное право. И взгляд, и голос изменились как по злему волшебству. Куда делась любезность — и надежда на ответное внимание?

— Зачем? — я покачала головой. — Ведь мы же с вами не танцевали сфорту.

— Неважно, — Керт протянул мне согнутую в локте руку, но я сделала вид, что не заметила, и пошла к выходу. Он — за мной.

— Послушайте, я прекрасно дойду одна, — обернулась я, выйдя в коридор. — Давно уже запомнила дорогу. Мне вообще не нравится этот глупый обычай провожать даму после сфорты, но сегодня и танцев-то не было. Поэтому сделайте одолжение, оставьте меня в покое.

— Я бы не советовал вам разговаривать со мной в таком тоне, вейра Лилла.

На мгновение мне стало страшно: как быстро превращалось в мрачную реальность то, о чем я думала после разговора в библиотеке с вейром Гауном. Он что, уже почувствовал запах власти?

И тут же что-то вспыхнуло внутри. Необычное, незнакомое. Ледяное пламя ярости.

Сколько можно сомневаться и пугаться каждого шороха? Переживать и плакать по ночам в подушку? Кажется, мне уже нечего терять.

Я молча потянула его за рукав в сторону лестницы, ведущей на балкон музыкантов, сегодня пустующий. Вряд ли кто-то смог бы нас там увидеть или подслушать.

— Давайте начистоту, зол Меар, — повернулась я к нему, когда мы остановились на площадке между двумя маршами. — Я знаю, что вы рассчитываете занять трон, поскольку можете претендовать на это по праву крови. И хочу знать, как все будет, если правитель действительно пропал. Погиб или... не знаю что.

— Вы все узнаете в свое время.

— Нет, сейчас!

Его лицо смутно белело в тусклом мерцании угольного светильника, только глаза ловили отблески. Я смотрела прямо на него, не отрываясь, и он не выдержал, отвел взгляд.

— Хорошо. В отсутствие правителя Полуночными землями управляет Тайный совет, главой которого является зол Лийн Эфрид. Если в течение недели от Ворона не будет никаких новостей, его объявят безвестно пропавшим.

От Ворона! Ни разу не слышала, чтобы Керт осмелился его так называть. И почему я не удивлена?

— И что дальше?

— Совет назначит временного правителя сроком на год. И да, вы правы, вейра Лилла. Им буду я.

— А что случится через год? — настаивала я.

— Все это время мы будем делать вид, что не теряем надежды на возвращение Ворона. Я не смогу отменить ни одно сделанное им распоряжение. Но как только год истечет, вся полнота власти будет принадлежать мне. Все изменится. Все очень сильно изменится.

— И вы не боитесь, что Фианта?..

— Фианта? — Керт расхохотался. — С терисом Отраном мы договоримся, а тарис Айгер не станет вмешиваться. Он слишком честный и порядочный человек, чтобы участвовать в этом. Я охотно отдам Отрану Ликур и признаю власть Фианты над Тандором в обмен на пост правителя-наместника. Ради благой цели — чтобы не допустить войны. Думаю, народ меня поддержит.

— Да, я не ошиблась в вас... — чем сильнее была моя ярость, тем спокойнее и тверже звучал голос. Я не узнавала саму себя. Что со мной вдруг произошло? — Вы подлец и негодяй, Керт.

— Возможно, Лилла, — он крепко, до боли, сжал мою руку. — А чтобы ты окончательно утвердилась в этом мнении, я женюсь на тебе. Как только истечет год моего временного правления и ты перестанешь быть невестой Ворона. Я хочу тебя с того момента, как увидел. И я мог бы взять тебя прямо сейчас, — другая его рука тяжело легла мне на бедро. Он притиснул меня в стене, и я пожалела, что сама привела его в это уединенное

место. — Но нет. Я подожду. Все будет по закону.

— Зачем вам это? — я стяхнула его руку и тоже перешла на ты. — Женись на Кьяре, она от тебя без ума.

— Она глупа, как рыба. Будь моя воля, ни ее, ни Веды не было бы здесь уже завтра. Но придется ждать еще год, чтобы выкинуть их отсюда. Ничего, я терпелив. И всегда добиваюсь своего.

— Мне жаль твою мать, Керт. Она достойная женщина, и не ее вина, что ты вырос таким мерзавцем. Ведь детей с рождения отдают кормилицам и няням. Одного не могу понять, почему Ворон держал тебя при себе. Как не почувствовал твое гнилое нутро. Скажи, а ты случайно не причастен к его исчезновению?

Задав этот вопрос, я не ожидала ответа. И, разумеется, не получила. Усмехнувшись, Керт потащил меня по лестнице вниз. А потом по коридорам — до самой моей комнаты. Ни сказав больше ни слова. Только открыв дверь и втолкнув меня внутрь, улыбнулся насмешливо:

— Спокойной ночи, Лилла. Сладких снов.

37

Разумеется, я знала, что благовоспитанной девушке не пристало ругаться, как какому-нибудь конюху. Но мне не было до этого дела. Сказав закрывшейся двери все, что думала о Керте, Кьяре, Веде и терисе Отране, я поймала ошеломленный взгляд Нетты. Она смотрела на меня, испуганно приоткрыв рот.

— Что? — прищурилась я. Все внутри бурлило и клокотало, разве что пар не шел из ушей и из ноздрей.

— Прошу прощения, вейра Лилла, — наклонила голову Нетта. — Что-то случилось?

— А ты не знаешь?

— О правителе знаю, конечно. Но я подумала, может быть, что-то еще?

— Эта свинья собирается занять трон правителя и жениться на мне, Нетта! Да я задую его в первую брачную ночь. Подушкой. Нет, я его еще до свадьбы отравлю.

— Зол Меар? Жениться на вас? — Нетта вытаращила глаза так, что стала похожа на сову.

— Если бы правитель услышал, что Керт говорил мне, приказал бы повесить его на первом же дереве. Я не сомневаюсь, что он причастен к его исчезновению. Керт — к исчезновению правителя. И, похоже, от радости голову потерял. Рассказал, что собирается сделать, как только его назначат временным вместо него. А потом и постоянным правителем. А еще я уверена, что он не сам все это затеял. Уж слишком глупо себя ведет. Только сделай одолжение, не рассказывай об этом всей прислуге. А то я сейчас тоже веду себя не намного умнее. Просто слишком разозлилась. Не знаю, чем это может для меня обернуться.

— Не сердитесь, вейра Лилла, — Нетта лукаво улыбнулась, — но вы такая красивая, если злитесь. Обычно у вас выражение... как будто испуганное. Но со вчерашней ночи, когда приказали выбросить змею... вы изменились.

Вот так! Как ни пыталась я притворяться Лиллой, а все равно оставалась пугливой, робкой Иланой. Неужели и правда нужны были такие мрачные события, чтобы я стала другой?

— Все изменилось, Нетта. Не только я. Ладно... Ванну не надо, помоги раздеться, и я лягу. Ключ, который от всех дверей, у Керта украли. Хотя... теперь я уже ничего не знаю. Может, это было и вранье. Ну неважно. Ты уйдешь, я закрою дверь и подтащу к ней что-нибудь тяжелое. Чтобы нельзя было открыть из коридора.

— А как же я? Утром?

— Проснусь сама. Отодвину все и позвоню. А если что, стучи... пять раз быстро.

Нетта помогла мне раздеться, расчесала волосы, с опаской откинула одеяло. Да и я заглянула под него не без дрожи. Хотя и понимала, что вряд ли там окажется еще одна стигна. Когда Нетта вышла и в замке повернулся ключ, я с усилием подтащила к двери стол, а потом вдобавок массивное кресло. Знать бы только, от кого надо запираться в первую очередь: от Андры с Зибером, от Веды с Кьярой или от Керта, который мог и передумать относительно своего намерения подождать до свадьбы. И правда, кто ему запретит взять силой любую понравившуюся девушку, пусть даже невесту прежнего правителя.

Впрочем, если он этого захочет, никакие кресла не помогут. Не буду же я сидеть взаперти круглые сутки.

Постояв, как всегда, у окна, я легла в постель и потянулась за книгой, оставленной на ночном столике. Достала перо Ворона, провела им по губам — словно поцеловала его самого.

Как странно... Прошлой ночью оно спасло мне жизнь. Но жив ли сам Ворон?

Я вспоминала все, что происходило между нами за месяц с небольшим. С отбора во дворце — и до нашей последней встречи. Как мы смотрели друг на друга, разговаривали, танцевали. Как я обратилась к нему на ты, и он поцеловал меня...

Постепенно начало затягивать в дремоту. Это было то странное состояние на границе яви и грез, когда что-то уже начинает сниться, но при этом видишь и слышишь все, что происходит рядом. Стук в окно заставил меня вздрогнуть. Я вскочила с кровати, подбежала к окну.

Сколько прошло времени с тех пор, как я смотрела на горы? Угольный светильник не успел остыть и померкнуть, значит, не больше часа. Но за это время начался сильный дождь. Ветер швырял в окно водяные струи. Наверно, их шум я и приняла за стук в стекло.

Разочарование было таким острым, что из глаз полились слезы. Я хотела уже лечь обратно в постель — от окна тянуло холодом, — но стук раздался снова, ясно и отчетливо. Как в ту ночь, когда Ворон принес мне эрту. Приблизив лицо к стеклу, я разглядела в дождевых потоках темное пятно и, не веря своим глазам, распахнула окно.

Странно... дождь лил сплошной стеной, подоконник мгновенно стал мокрым, вода полилась на пол, а Ворон был совершенно сухим. Взмахнув крыльями, он подлетел ко мне, совсем близко, как будто хотел обнять меня ими. И что-то тайное подсказало: ему не удастся превратиться в человека.

Но он жив! Жив!

Я подхватила его на руки, прижала к себе, плача и шепча то, что вряд ли осмелилась бы сказать человеку:

— Я люблю тебя...

Он гладил меня крыльями по лицу, перебирал клювом волосы, а я касалась его перьев. И спрашивала, снова и снова, зная, что он не сможет ответить:

— Что с тобой случилось, любимый? Как тебе помочь?

А потом... он растаял в моих руках, словно туманный призрак, оставив всего одно перо...

Я открыла глаза — задыхаясь, в ледяном поту, с дико бьющимся сердцем. Сжимая в ладони перо Ворона, с которым уснула. Это был всего лишь сон!

Светильник остыл и едва мерцал. За закрытым окном облака набегали на ущербную луну и тут же снова выпускали ее на свободу. Я застонала от отчаяния.

Но его тут же, словно взмахом крыла, стерла мысль, с которой пришли слезы облегчения.

Он жив!

Я знала точно. Этот сон был знаком от него. Может быть, он ранен или в плену и не в состоянии дать знать о себе иначе. Но теперь я не сомневалась: Ворон вернется.

38

Всю неделю, каждый вечер, я ложилась спать, сжимая в руке перо Ворона. Потому что не сомневалась: тот сон... он как-то смог передать его мне. Возможно, именно с помощью пера. Но... каждое утро просыпалась с тяжелым сердцем.

Ничего не происходило. Он больше не снился мне — ни живым, ни мертвым.

И все же моя надежда не становилась меньше. Он жив — и это главное! Он вернется!

Тем временем наглая уверенность Керта с каждым днем все росла. По утрам он отправлялся в город для участия в заседаниях Тайного совета и возвращался только к ужину. Разумеется, не как Ворон — в одиночестве. Нет, с целой свитой слуг и приближенных. Новости большей частью доходили до нас через торговцев, но лучше бы всего этого было не знать.

Тайный совет согласился поддержать Керта в переговорах с терисом Отраном. Все выходило так, как он сказал мне в запале. В течение года Ликур должен был полностью перейти под управление Фианты как северная провинция. Тандор хоть и оставался самостоятельным, однако ни одно решение новый правитель не мог принять без одобрения Отрана. Что касается Илары, тарис Айгер отказался поддержать Керта и разорвал военный союз с Фиантой.

— Сочувствую, Веда, — лицемерно вздохнула Кьяра. — Но, видимо, это судьба ликурцев — всегда кому-то подчиняться.

— А чем лучше Тандор? — мрачно огрызалась та. — Так же сдался приبلудному колдуну за несколько дней. И сейчас будет кланяться Фианте.

Веда проводила дни в мрачных раздумьях. Иногда я сталкивалась с ней во время прогулок по облетевшему, грустному саду. Взгляды, которыми она награждала меня, были похожи на кошачьи лапы с выпущенными когтями.

Да, исчезновение Ворона спутало ей все планы. Словно по злой насмешке судьбы, то, чем она пыталась настроить против меня Андру, вполне могло стать реальностью. Керт женится на мне, вот только сама Веда не станет женой правителя. Именно поэтому я и отказалась от подозрений, что она тоже замешана в заговоре. Да, я не могла поверить, что Керт действует сам. Сначала он показался мне очень даже неглупым молодым человеком, но последние события заставляли думать, что им кто-то руководит. Гораздо более умный и коварный.

Веду я заподозрила потому, что она очень подходила на эту роль по своему складу. К тому же родилась в Ликуре, а все ликурцы мечтали когда-нибудь освободиться от власти Тандора. Не думая, что при этом неминуемо попадут в зависимость от другого соседнего государства — либо Фианты, либо Эллей.

Но нет, это был кто-то иной. Не обязательно живущий в замке. Может, кто-то из членов Тайного совета. Или даже сам Отран — почему нет?

Напряжение стояло в воздухе, как будто собиралась гроза. Все вечера этой недели были одинаковы. Ужины без музыки и танцев. Только глухое гудение, словно под потолком клубился рой насекомых. Я упрямо молчала в ответ на все попытки Керта завести разговор. Точно так же, как он не отвечал на вопросы Кьяры, отбросив все правила вежливости. Как только ужин заканчивался, Керт провожал меня, и я больше не пыталась этому сопротивляться, благо разумно не желая выводить его из себя.

На восьмой день Керт, в лучших одеждах, в сопровождении своей свиты, отправился во дворец — Тайный совет должен был объявить его временным правителем.

— Вы не возьмете нас с собой? — умоляюще спросила Кьяра, когда мы — по его приказу — вышли в холл.

— Нет, — отрезал он. — Не сейчас. Через год. На церемонию коронации.

Мне показалось, он скажет о том, что произойдет сразу же после этой церемонии, но Керт промолчал. Впрочем, его терпения хватило лишь до вечера.

Когда я вошла в трапезную, музыканты сидели на своем балконе и играли что-то веселое, которое, тем не менее, звучало как похоронный гимн. И обитатели замка переговаривались с такими же мрачными лицами.

— Правитель Ликура и Тандора, именуемых также Полуночными землями! — провозгласил герольд, и я вздрогнула: так он объявлял каждый вечер о появлении Ворона.

Керт вошел в зал, и все расступились, угрюмо кланяясь ему. Подойдя к столу, он сел на место Ворона и повернулся к Кьяре, которая, как обычно, хотела сесть справа:

— Зола Кьяра, уступите свое место вейре Лилле.

На мгновение воцарилась мертвая тишина, тут же сменившаяся изумленным гулом. Все смотрели на меня, и было безумно жаль, что не хватит смелости в кровь расцарапать ему лицо.

— Слушайте все! — надменно задрвав подбородок, заявил Керт. — Через год вейра Лилла станет моей женой. Мне не нужны три невесты, чтобы выбрать одну. Впрочем, другие две останутся здесь, поскольку я не могу отменять распоряжения Ворона. Пока не могу, — он протянул мне руку. — Садитесь рядом со мной, дорогая.

Скрипнув зубами, я подчинилась. И как только мне удалось выдержать эту пытку? С одной стороны Керт, через свободное место Кьяра, от которой исходили волны ненависти. Веду я из-за Керта не видела, но могла догадываться, что она испытывает то же самое.

Ночью, лежа в постели, я держала в руках перо и, как только могла, умоляла — Ворона или высшие силы? — подать знак. Что мне делать? Как дожидаться его?

Мне приснилось подземелье — темное, сырое, затхлое. С каменных стен капала вода, под ногами хлюпало, где-то далеко мерцал огонек. И голос Ворона звал меня: «Илана!» Я шла на свет, но он не приближался, наоборот — удалялся, пока не исчез и я не осталась в полной темноте.

Означал ли этот сон что-то происходящее в действительности? Или в нем собрались все мои страхи и тревога? Он был не таким ярким и реальным, как первый, больше походил на обычный ночной кошмар. Но что, если Ворона правда держат в заточении? И он звал меня — да еще настоящим именем?

Я думала об этом, отодвигая от двери стол и кресло — это уже вошло в привычку. Думала, принимая ванну, за завтраком и пока Нетта помогала мне одеваться. За окном светило подслеповатое осеннее солнце, и я решила выйти в сад. Накинула плащ, прошла коридорами второго этажа, спустилась на первый. До холла осталось уже совсем немного, когда одна из дверей приоткрылась, и я услышала тихий шепот:

— Вейра Лилла!

39

— Зола Меара?! — удивилась я.

— Тише! Зайдите ко мне.

Будущая свекровь решила со мной поговорить? Убедить, что мне некуда деваться и я должна относиться к ее прекрасному сыночку поласковее? Жаль, она казалась мне умной и порядочной женщиной. Хотя... для таких разговоров ей не нужно было бы прятаться и шептать.

Я оглянулась. Коридор пуст, все двери закрыты. Пожала плечами и вошла в комнату — пышно обставленную в зеленых тонах гостиную.

— Садитесь, моя дорогая, — она показала на кресло у камина, в котором уютно горел огонь. — Хотите ярту?

— Спасибо, я уже позавтракала.

— Детка... — Эльда села на стул и посмотрела на меня с сочувствием. — Я понимаю, вам трудно доверять мне, я его мать. Но я правда хочу вам помочь. Поймите, мне очень горько, что Керт вырос таким...

— Не вы же его растили, — вздохнула я. — Кормилица, няня, учителя. Все как и у всех.

— Да, но мне все равно больно. И стыдно за него. А еще больше — жаль вас. Ведь вы любите Ворона, да?

— Я знаю, он жив... — я крепко зажмурилась, но из-под век выкатилась предательская слеза.

— Послушайте, Лилла. Жив он или нет, но вам надо бежать отсюда. И чем быстрее, тем лучше. Кто знает, как могут измениться намерения Керта. Вдруг он не захочет ждать целый год?

— Простите, зола Меара, что я говорю об этом, но мне кажется, Керт замешан в исчезновении Ворона. Иначе вряд ли был бы так уверен, что тот не вернется. Он ведет себя, словно точно это знает.

— Возможно, вы и правы. Тогда вам тем более опасно оставаться здесь. Другие девушки не любили вас и раньше, но теперь возненавидят еще больше. И Андра, швея... вы же знаете?..

— Конечно, знаю, — горько усмехнулась я. — Но как мне сделать это? Кто же выпустит меня из замка?

— Вас — разумеется, нет. Даже пытаться не стоит. А вот кого-то из слуг — почему бы нет? Это не запрещено. Но очень редко кто пользуется такой возможностью. Скажите, есть в замке кто-то, кому вы доверяете? Кто смог бы достать вам мужское платье?

Кому я могу доверять? Нетте? Да, пожалуй. Но просить ее раздобыть мужскую одежду? Это может быть опасно для нее. Библиотекарю вейру Гауну? Трудно сказать, я не так хорошо его знаю. Грису Марту! Ну конечно! И костюм он смог бы мне сшить.

— Да, есть такой человек.

— Керту сейчас придется много времени проводить во дворце. Торговцы из города обычно приезжают утром, разгружаются и возвращаются обратно ближе к обеду. Если вы в мужском платье подойдете к обозу и попросите взять вас с собой, они не откажут. Скажете, что никогда не были внизу, хотите посмотреть на город. Вот только волосы... боюсь, их будет не спрятать. Ни под шляпу, ни под шапочку.

— Это не страшно, зола Меара. Если надо, я... обрежу их. Жаль, но вырастут снова. Вот только куда мне идти? Не домой же.

— Нет, конечно. Я дам вам денег. Мне платят содержание как вдове управляющего, но их не на что здесь тратить. Купите коня и все, что нужно, поезжайте в Илару. Я напишу письмо тарису Айгеру. Возможно, он как-то сможет вам помочь. И не только вам. Вы понимаете, о чем я?

— Я не знаю, как вас благодарить, — у меня перехватило дыхание.

— Тогда не благодарите, дорогая. Как только будете готовы, дайте мне знать.

На мгновение пришел страх: что, если это ловушка? Меня поймают, посадят в темное подземелье замка — и так сбудется мой сон. И я ничем не помогу Ворону. А потом Керт помилует меня и женится, не откладывая надолго. Или даже не женится, а сделает своей наложницей.

Или напротив — это то, о чем я молила ночью высшие силы?

— Хорошо, — кивнула я. — Благодарю вас, зола Меара. Но... скажите мне вот что. Ведь если Ворон вернется, Керт...

— Не продолжайте, Лилла, — она отвернулась к окну, лицо ее окаменело. — Я все знаю. Не надо об этом.

Выйдя от нее, я направилась прямо к Марту и рассказала обо всем.

— Конечно, моя девочка, — он обнял меня. — Мне жаль с вами расстаться, но я буду ждать вашего возвращения. Вместе с правителем. С настоящим правителем. И вот что мы с вами сделаем. Костюм возьмем у моего подмастерья. Чтобы не терять время на шитье. Юмара я спрячу в своей комнате, а вас провожу к обозу и скажу привратникам, что вы — это он. Мой подмастерье. И попрошу торговцев взять вас с собой. Пусть ваша служанка вечером скажет, что вы нездоровы и не выйдете к ужину. Утром Керт уедет в город, а потом придет обоз, и мы сделаем вид, что Юмар вернулся. Привратники торговцев не разглядывают.

— Но ведь все равно поймут, что я как-то уехала с обозом. И подозрения падут на вас. Что вы помогли мне сбежать.

— Милая моя, какие подозрения? Мальчик уехал, мальчик вернулся. А как пропали вы? Может, правитель научил вас летать. Или вы с горя бросились с башни. Кто будет вас там искать? А кстати, моя девочка, это ведь неплохая мысль! Все слышали, как зол Меар объявил о своем решении сделать вас своей женой. У вас мог помутиться разум. Возьмите платье поярче, набейте камнями и сбросьте ночью с башни в пропасть. Его будет видно сверху, но никто не сможет достать ваше тело. Оставьте на площадке свой платок или туфли. Пусть служанка их найдет.

— Замечательно, Март! — я пришла в восторг. — Так и сделаю. Ночью сброшу платье, а завтра...

— Подождите, — остановил меня старик. — Давайте отложим на один день. Сегодня вы скажете золе Меаре, что собираетесь бежать завтра. Но вместо этого спрячетесь во дворе и посмотрите, не станут ли привратники искать вас среди торговцев. Именно вейру Лиллу. Если да — значит, она вас хотела обмануть. А если нет... ну тогда все поймет, увидев вечером за ужином. Зола Меара умная женщина. Да помогут нам высшие силы!

40

Да, задумано было хорошо. Но не все получилось так, как предполагалось.

От Марта я вернулась к Эльде. Сказала, что договорилась насчет мужского платья и постараюсь сбежать завтра. Она дала мне мешочек с деньгами и написала письмо тарису Айгеру. А потом подробно объяснила, что надо сказать дворцовой страже, когда доберусь до Мергиса — столицы Илары.

— Еще раз желаю вам удачи, дорогая, — она крепко обняла меня.

Затем я поднялась в свои комнаты и звонком вызвала Нетту. Узнав о моих планах, она тяжело вздохнула, и я даже испугалась. Ведь если меня не будет в замке, ей снова придется стать поломойкой. Не попытается ли она как-то помешать, чтобы сохранить за собой место при госпоже?

— Не волнуйтесь, вейра Лилла, — Нетта поняла мое сомнение. — Конечно, я помогу вам. Ну да, придется снова заняться уборкой, но это ничего. Лишь бы у вас все получилось. Буду молить высшие силы, чтобы вы нашли правителя и помогли ему вернуться.

Вечером Керт объявил, что с этого дня все в замке будет идти по-прежнему. В том числе и танцы после ужина. И правда, как только с едой было покончено, музыканты заиграли вступление к гинере. Керт встал и подал мне руку. Впрочем, после обязательного для всех первого танца желающих продолжить нашлось мало. Уйти никто не решался, но на середину зала выходило всего несколько пар. Остальные стояли или сидели, разговаривая вполголоса. В том числе и Веда с Кьярой, которых почти не приглашали. Зато меня Керт не отпускал до последней сфорты, после чего, разумеется, пошел провожать.

Это скоро закончится, уговаривала я себя, не пытаюсь улыбнуться даже для вида. Потерпи немного.

У двери моей комнаты Керт снова, как неделю назад на лестнице, притиснул меня к стене и прижал свои губы к моим — назвать это поцелуем не повернулся бы язык. Кое-как вывернувшись, я демонстративно вытерла рот рукавом.

— Ты моя невеста, Лилла, — усмехнулся он. — Поэтому я буду целовать тебя так и столько, сколько захочу. Скажи спасибо, что не тащу в спальню прямо сейчас.

— Спасибо, — буркнула я, вошла в комнату и захлопнула дверь у него перед носом. И тут же повернула ключ в замке.

— Ненавижу! — прошипел это, я снова вытерла губы.

— Меар? — сочувственно спросила Нетта.

— Да. Раздевай меня скорее, хочу отмыться побыстрее от его лап.

— Ванна готова, — кивнула она.

На следующий день Нетта провела меня в первый двор проходом, которым пользовались слуги, разгружавшие повозки. Спрятавшись за выступ стены, я наблюдала за привратниками: не станут ли они разыскивать меня среди торговцев. Но все было спокойно, обоз проехал через ворота без препятствий.

— Значит, зола Меара действительно на вашей стороне, — сделал вывод Март, когда я рассказала ему об этом.

— Никак не могу понять, — я покачала головой. — Ведь Керт ее сын, а она, выходит, идет против него. Помогает мне, зная, что, если я найду Ворона, Керт придется несладко.

— Посмотрите на это иначе, — усмехнулся Март. — Я вам говорил, детка, зола Меара очень умная женщина. Да, она понимает, что ее сын негодяй, но... он ее сын, не так ли? И она не хочет Кертю большего зла, чем он сам пытается себе причинить. С вашей помощью или без нее, но что, если правитель действительно жив и вернется? Пока Керт не сделал ничего такого, за что его можно обвинить в измене и повесить. Если, конечно, не будет доказано, что он причастен к заговору. Стал правителем? Но так установлено законом, а он первый претендент на трон. Пошел на сговор с Отраном? Потому что хотел избежать войны и кровопролития. Ведь он же не маг и не может рассчитывать на победу. А вот если Керт женится на вас... Этого правитель ему точно не простит. Поэтому зола Меара и помогает вам убраться из замка подальше. Вдруг ее сынок передумает и не станет ждать целый год?

— Наверно, вы правы, — вынуждена была признать я.

— Не забудете, что этой ночью надо выбросить платье?

— Не знаю, как это лучше сделать. Если набить камнями, как вы сказали, мы даже вдвоем с Неттой не сможем втащить его на башню или в другое место, откуда я могла бы прыгнуть в пропасть. А если сбросить без камней, платье может за что-то зацепиться. И будет видно, что висит тряпка.

— Тогда... есть еще одно удобное место для самоубийства. Красивое и опасное. Дальний край рощи. Видно ваше якобы тело с обрыва будет хорошо, а вот спуститься за ним никто не сможет. И камней там много, чтобы утяжелить платье. Вот только осторожнее надо быть, особенно в темноте. Идите вдвоем со служанкой и обязательно возьмите

светильник.

Вечером, когда я вошла в трапезную, Эльда изумленно вскинула брови.

— Детка, у вас не получилось, или вы решили проверить, не ловушка ли это? — тихо спросила она, подойдя ко мне.

Я молча улыбнулась.

— Вы умная девочка, Лилла, — Эльда погладила меня по плечу. — Ничего не бойтесь, делайте все, как задумали. Я была бы счастлива назвать вас своей дочерью — но, надеюсь, этого не случится.

Ужин и танцы тянулись целую вечность. Я старалась вести себя как обычно. Сидела с хмурым выражением, почти не ела, безропотно шла танцевать с Кертом. И опять он попытался поцеловать меня на прощание.

Последний раз, сказала я себе. Это был последний раз, когда он до меня дотронулся.

Наконец часы на башне пробили полночь, и мы с Неттой вышли из комнаты. Она держала угольный светильник, а я несла свернутое ярко-красное платье. Его в мой сундук положила сестра, среди других своих, но мне оно не нравилось кричащим цветом. И вот теперь пригодилось. К нему мы пришили маленькую подушечку, которую обвязали коричневым шарфом: если смотреть сверху, должно было быть похоже на голову с волосами.

Нетта вела меня самыми глухими и темными закоулками замка, где мало кто ходил. Уж она-то, занимаясь уборкой, изучила их вдоль и поперек. Выйдя во двор, мы прошли через сад, а потом по тропе в рощу. Медленно, освещая путь перед собой, чтобы не сорваться в пропасть. Добрались до дальнего края, набили небольшими камнями верхнюю часть платья, рукава и завязанную узлом нижнюю юбку.

— Стойте, вейра Лилла! — вскрикнула Нетта, когда я уже хотела столкнуть «тело» с обрыва. — Если его вдруг увидят завтра, все пропало!

— Да, ты права, — нахмурилась я. — Здесь часто гуляют. Да и погода установилась ясная. Но как тогда быть?

— Я знаю! Сейчас мы его спрячем. Вон там в скале расщелина, положим и закидаем ветками, чтобы не заметили. А завтра ночью я приду сюда одна и скину вниз.

— Как мне отблагодарить тебя, Нетта? — я обняла ее.

— Возможно, когда-нибудь... не сейчас, — улыбнулась она.

Хорошо спрятав набитое камнями платье, мы отправились обратно. И все было в порядке, пока не вышли из сада в дальний двор. Кто-то, судя по тяжелым шагам, мужчина, быстро шел в нашу сторону. Нетта накрыла светильник плащом, но было поздно.

— Эй, кто здесь? — окликнул нас грубый голос. — Стоять на месте!

41

— Привратник, — шепнула Нетта. — Обходит дворы. Не повезло.

И вдруг, совершенно неожиданно, закрыв меня собой от того, кто приближался к нам, обвила мою шею руками и припала к губам, изображая страстный поцелуй. Сначала я оторопела, но спустя мгновение поняла, в чем дело. На Нетте, как и на мне, был длинный плащ с капюшоном. Со спины, да еще в темноте, ее легко могли принять за стройного юношу, целующего девушку.

— Ну конечно! — проворчал привратник. — Нашли место. Шли бы внутрь. Холодно же!

Когда шаги стихли в отдалении, Нетта отпустила меня и отвела взгляд:

— Прошу прощения, вейра Лилла. Ничего другого в голову не пришло. Было бы очень

плохо, если б нас узнали. И потом вспомнили, что мы ходили куда-то ночью вдвоем. Не подумайте только, что я... Я знаю, есть такие женщины, которые... любят других женщин. Но мне нравятся мужчины, честное слово.

— Перестань, Нетта, — засмеялась я. — Ты нас спасла! И вообще... целоваться с Меаром было намного хуже. То есть когда он меня целовал. Пойдем скорее, пока нас еще кто-нибудь не увидел.

— Простите, что спрашиваю... — мы вошли в переход, ведущий в хозяйственную часть замка, Нетта скинула капюшон, и в тусклых отблесках светильника я заметила румянец смущения на ее щеках. — А с правителем?

— Что с правителем? — не поняла я.

— С ним было приятно целоваться?

— Откуда ты знаешь? Что мы?..

— Вас видел Эрис, слуга вейра Гауна, библиотекаря. В галерее. Перед тем как правитель отправился в Фианту.

— И, конечно, Эрис разболтал всем. Как радужная птица! Да, Нетта, очень приятно. Я... его люблю.

— Я догадалась, — улыбнулась она, немного печально. — Вы его найдете, обязательно найдете, вейра Лилла. Я знаю. А меня еще никогда не целовал мужчина. Мне нравился один парень. Дома, в деревне. Но у него уже была невеста. Поэтому я и согласилась поехать сюда, в замок.

— И больше никто? Ведь ты уже давно служишь здесь.

— Ну... — Нетта опустила голову. — Сначала мне понравился зол Меар. Но... кто он, а кто я. А сейчас даже рада этому. Что ничего не могло выйти. И жаль Андру. Простите...

— Ничего, — дотронулась до ее руки. — Мне тоже жаль Андру. Хотя она и собиралась меня убить. Знаешь, и мне ведь он сначала понравился. В первые дни.

Мы шли, разговаривали тихонько, и я почти забыла, что она моя служанка. Как будто подруга — хотя таких подруг у меня и не было никогда. И я подумала, что так жаль с ней расставаться.

Уже в комнате ко мне пришла неожиданная мысль.

— Послушай, Нетта. А что, если ты поедешь со мной? Ведь ты уже отслужила здесь три года и можешь уйти.

— Но как же?.. — растерялась она. — Я не могу с вами. Ведь мне надо...

— Да, сбросить в пропасть платье. И сказать, что я нездорова и не выйду к ужину. А потом, когда мое якобы тело увидят, ты скажешь, что не хочешь оставаться в замке без меня. И полы мыть тоже не хочешь. Не думаю, что кто-то попытается тебя удержать. Так было заведено при правителе: любой может уйти, если захочет. А все его распоряжения действительны еще год. Соберешь самое необходимое, попросишь, чтобы торговцы взяли тебя в город. А я буду ждать на постоялом дворе. Зола Меара дала мне достаточно денег, хватит на двоих.

— У меня тоже есть... немного.

Я видела, что она колеблется, не в силах принять решение.

— Это магия, Нетта? Она тебя держит? Или есть какая-то другая причина?

— Наверно, вейра Лилла, — вздохнула она. — Наверно, магия пайгримов. Все о ней знают. Сказать вам, на что это похоже? Когда на улице дождь и холодный ветер, а ты в теплой комнате, у камина. И так не хочется выходить. Только сильнее.

— Понимаю. Я здесь совсем недавно, но уже чувствую это. И, наверно, тоже не захотела

бы покинуть замок, если бы...

— Я поеду с вами, вейра Лилла! — глубоко вдохнув, перебила Нетта. Как будто собиралась прыгнуть в ледяную воду. — Вы правда дождетесь меня?

— Да, конечно. Смотри, завтра я уеду. Ну... надеюсь, что все получится. Послезавтра утром скажешь всем, что меня не оказалось в комнате. Что я очень сильно горевала и плакала после того, как зол Меар объявил о намерении жениться на мне. И что ты беспокоишься, не сделала ли я чего-нибудь с собой. Когда начнут искать, вспомни, что я часто ходила в рощу. А потом, вечером, скажи Меару, что хочешь уехать. И уезжай на следующий день. Я буду ждать на том постоялом дворе, который первый по пути из замка. Спросишь у торговцев. Но учти, если тебя не будет до вечера, я подожду еще один день. На всякий случай — вдруг что-то задержит. А потом все-таки уеду. Если не дождусь, это будет означать, что ты... не смогла. Неважно, по какой причине. И я не буду на тебя в обиде. Буду знать, что ты меня ждешь. Здесь.

Нетта молча кивнула, и мне понравилось, что она не стала уверять, будто непременно отправится со мной. Сможет — отлично, мне не будет так страшно. Нет — ну что ж... Значит, придется одной.

Ночью я никак не могла уснуть. Лежала, прижав перо к груди, смотрела в потолок и думала о том, что буду делать, если... когда окажусь в городе.

Торговцы подскажут, как найти постоялый двор. Придется сидеть там и никуда не выходить, пока не появится Нетта. Или пока не станет ясно, что не появится. Чтобы не столкнуться случайно с кем-нибудь знакомым. Надо будет как-то купить лошадей, снарядить их в путь. Найти проводника до Илары — вряд ли мы доберемся туда одни, тем более, через горные перевалы. А как же пограничные посты? Между Ликуром и Фиантой их нет, но между Фиантой и Иларой точно есть. И там наверняка потребуют бумаги, подтверждающие, кто мы такие.

Не меньше меня беспокоила и предстоящая встреча с тарисом Айгером. Точнее, беспокоило то, как восхищался им Керт. Но, с другой стороны, то, что Айгер не поддержал его и разорвал союз с Отраном, говорило о нем как о честном и порядочном правителе. Однако сможет ли он помочь мне в поисках Ворона? И захочет ли?

42

Когда я — последний раз! — отодвинула от двери стол и кресло и позвонила Нетте, она пришла такая измученная, осунувшаяся, что у меня защемило в груди. Видно было: ночью не уснула ни на минуту.

— Нетта! — я погладила ее по плечу. — Послушай, еще раз говорю: если поймешь, что не можешь покинуть замок, не мучай себя, оставайся. И не вини себя. Я же знаю, что, не будь магии, ты отправилась бы со мной, так?

Она молча кивнула, опустив глаза.

Плотно позавтракав, — когда еще придется есть снова! — я крепко обняла Нетту и пошла к Марту, который уже ждал меня. Он выслушал мой рассказ о том, как мы ходили в рощу и как нас чуть не поймал привратник, и удивленно всплеснул руками.

— Ну и девчонка! — рассмеялся он. — Надо же, какая умница. Да, если б вы отправились в дорогу с такой спутницей, я бы волновался за вас самую капельку меньше, вейра Лилла. Но... боюсь, она не сможет. Те, кто прожили в замке долго, даже на день не хотят отправиться в город. А так далеко... Но если все же преодолет силу магии, значит, предана вам без остатка и сомневаться в ней не придется. А сейчас давайте приступим.

Март принес из соседней комнаты мужской костюм, расстегнул на мне платье и вышел, чтобы не смущать. Я быстро переоделась и позвала его. Оглядев меня внимательно, он остался недоволен.

— Так не пойдет, детка. Вам не удастся выдать себя за юношу.

— Почему? — испугалась я.

— У вас хоть и не очень большая грудь, но в мужском костюме она заметна.

— Что же делать? Надеть платье служанки?

— Нет, моя дорогая, вас все равно узнают. Вот что...

Он дернул за шнурок звонка, и спустя несколько минут в мастерскую вошел подмастерье Юмар.

— Найди Нетту, служанку вейры Лиллы, — приказал Март. — Скажи ей, пусть возьмет ее ситу со шнуровкой и принесет сюда. Быстрее!

— Что вы хотите сделать? — спросила я, когда Юмар ушел.

— Придется стянуть вам грудь. Это очень нехорошо, поэтому развяжете, как только окажетесь в месте, где вас никто не увидит. Но когда надо будет выходить на люди, затянете снова. Это несложно, я покажу, как. Но... вам придется смириться с тем, что я увижу вас... так, как женщину обычно видит только возлюбленный. Или лекарь.

— Ничего, потерплю, — вздохнула я.

Нетта прибежала с ситой и присела в углу на скамью. Я сняла куртку, рубашку и подошла к зеркалу. Март быстро обернул меня жесткой лентой поверх груди и ловко затянул шнуровку.

— Поняли, как надо? Подождите, не надевайте рубашку. Волосы! Если б вы знали, как мне жаль. Такая красота!

— Ничего, — я стиснула зубы, чтобы не расплакаться. — Не уши, отрастут снова. Режьте!

Он подстелил на пол какую-то тряпку и большими портновскими ножницами обрезал мои волосы — чуть ниже ушей, полностью обнажив шею. Длинные каштановые пряди волнами лежали на полу — их было так много! Я взглянула в зеркало и тут же зажмурилась, не позволяя пролиться непрошеным слезам, — такой показалась себе некрасивой.

Впрочем, Март не дал мне долго страдать — протянул рубашку и куртку. А когда я оделась, принес маленькую круглую шапочку, какие носили слуги. Она полностью скрыла волосы и сделала лицо чужим, незнакомым.

— Теперь вы точно не похожи на себя, вейра Лилла, — покачала головой Нетта. — Вас совсем не узнать. Никто не подумает, что вы девушка.

Одежда подмастерья сидела на мне мешковато, но это было даже хорошо. У куртки оказался большой внутренний карман, куда поместились мешочек с деньгами и письмо Эльды к тарису Айгеру. Перо Ворона я прикрепила на цепочку и повесила на шею под рубашку.

— Ну, пора... — вздохнул Март. — Идемте.

Я в последний раз обняла Нетту, надеясь встретиться с ней через два дня, но особо на это не рассчитывая. Мы с Мартом прошли темными проходами хозяйственной части, с которыми я уже познакомилась накануне, и вышли во двор, где стояли повозки обоза. Торговцы собирались в обратный путь.

— Геритан, — подошел Март к одному из них, крепкому пожилому мужчине с седой бородой. — Возьми с собой моего мальчишку. До города.

— Почему не взять? — кивнул торговец. — Только что с ним? Исхудал совсем. Не болен?

— Нет, — Март покачал головой и перешел на громкий шепот, чтобы и я слышала: — Влюблен парень. Без ответа. Страдает, не ест, не спит. Еле уговорил съездить на денек вниз, развеяться. Может, подцепит какую веселую девчонку, и она его утешит ночью.

— Дело молодое, пусть, — Геритан усмехнулся. — Главное чтобы с девчонкой не подцепил срамную чесотку, а то еще больше страдать будет. Я завтра в замок не еду, но

другие подберут на дороге. Только пусть не опаздывает, ждет на выезде из города.

— Давай, Юмар, забирайся, — Март подтолкнул меня к открытой повозке, дно которой было присыпано сеном... — Завтра увидимся. Погуляй на славу.

Я обняла его и вскарабкалась через невысокий бортик.

— Подгреби сено под себя, — посоветовал Геритан, садясь на козлы. — Будет мягче.

Когда мы поравнялись с воротами, внутри у меня все сжалось. Но привратник, провожавший обоз, скользнул по мне равнодушным взглядом и махнул рукой: проезжайте!

Стоило нам выехать на опущенный подъемный мост, я почувствовала страшную тоску. Грудь словно сжало ледяной лапой, дыхание перехватило.

Куда я еду, зачем? Ворон? Жив ли он на самом деле? А если и так, где я буду его искать? Даже до Илары ехать далеко-далеко, а ведь уже осень, дожди, холода. Совсем скоро зима. А в замке... так тепло и уютно. Так спокойно. Жизнь размеренная, без забот. Керт? Ну а что Керт — не так уж он и страшен на самом деле...

Захотелось выпрыгнуть из повозки и бежать обратно, пока мост не поднялся и не закрыл собою ворота.

Стиснув зубы, я расстегнула верхнюю пуговицу куртки, нащупала под рубашкой перо, зажмурила глаза. И чудо — стоило нам оказаться на другой стороне пропасти, как тоска и желание вернуться стали слабеть, пока не развеялись полностью.

Если я, прожив в замке чуть больше месяца, выбралась из него с таким трудом, удастся ли это Нетте, которая провела в нем три года? Надежды на это почти не было. И все же я твердо решила, что буду ждать ее, как мы договорились.

43

— А у тебя, парень, родня в городе есть? — спросил Геритан.

Я уже хотела ответить, но вовремя сообразила, что голос у меня все-таки девичий. Конечно, Юмару было всего лет пятнадцать, в таком возрасте мало кто из юношей говорит, как взрослые мужчины, но у этого мальчишки уже прорезался бас. Что, если торговец раньше слышал его?

Мысленно поблагодарив Марта за придуманную причину, объяснявшую угрюмое молчание, я по-птичьи втянула голову в плечи и уставилась себе под ноги. Геритан оглянулся, посмотрел на меня и вздохнул:

— Не грусти, сынок. Все проходит — и это пройдет. Еще не раз влюбишься снова.

Больше он не пытался завязать со мной разговор. Смотрел на дорогу и тихо мурчал что-то себе под нос. А я любовалась горами, хотя иногда сердце замирало при виде бездонной пропасти в нескольких шагах от повозки. По пути в замок я почти ничего в темноте не разглядела, а смотреть из окон или с башни — все виделось совсем иначе. Дорога вилась по склонам горам, плавно, едва заметно опускаясь в долину.

Трудно сказать, сколько прошло времени, но наконец впереди показались городские ворота.

— Здесь мы с тобой распрощаемся, — сказал Геритан, едва мы миновали их. — Завтра будь у ворот не позже девяти утра, чтобы тебя взяли обратно. Если пойдешь прямо по этой улице, за площадью увидишь большой дом с красной крышей. Это постоялый двор, сможешь там переночевать. А еще чуть дальше дом с зелеными дверями и ставнями. Там живут веселые девчонки.

— Спасибо! — буркнула я, постаравшись, чтобы голос звучал пониже.

В этой части города мне бывать не приходилось. Отец рассказывал, что когда-то под стенами с внешней стороны лепилась полоса предместья, но лет пятьсот назад сильный

пожар уничтожил его почти полностью. Обитатели не стали отстраивать свои хижинки заново. Кто-то подался в окрестные деревни, кто-то нашел приют в бедной части города. Улицы здесь были узкие, грязные, дома обшарпанные и покосившиеся. Я шла вперед, с опаской озираясь по сторонам. Даже днем — а как же страшно здесь должно быть ночью!

Однако чем дальше я уходила от ворот, тем больше город становился похожим на тот, каким я его знала, да и одежда на людях выглядела богаче.

— Смотри куда идешь, деревенщина!

Кто-то толкнул меня, я повернула голову и увидела... Фелиса! Скользя по мне рассеянным взглядом, он пошел дальше. Не узнал... ну и хорошо.

Невольно вспомнилось, как мы с сестрой пришли на зимнюю ярмарку и увидели его у прилавка с лакомствами. Он пропустил нас вперед, назвал себя, спросил наши имена. Но смотрел только на нее, словно меня и не было рядом. Каждый раз, когда эта картина всплывала перед моим мысленным взором, щемило сердце. Но не сейчас. Нет, он был все таким же и вовсе не показался мне непривлекательным. Однако ничто внутри не дрогнуло, как раньше.

Пройдя еще немного, я увидела большую площадь — именно на ней и проходили ярмарки. И дом с красной крышей был мне знаком, хотя я и не знала, что это постоянный двор. На пороге меня встретил румяный лысый толстячок в кожаном фартуке, надетом поверх штанов и длинной белой рубахи. Не дав мне раскрыть рта, он рассказал, что комнаты есть как побольше и подороже, так и недорогие под крышей. И совсем дешевые лежанки с одеялами в общем зале.

Я задумалась. Денег Эльда дала мне немало, но все равно их стоило расходовать с умом. С другой стороны, в общем зале спать пришлось бы несколько ночей, не раздеваясь. А Март сказал, что ситу с груди надо обязательно снять.

— Мне нужна самая маленькая комната, — я напрягала горло так, чтобы голос звучал как можно ниже. — На три ночи. И вот что, меня зовут Юмар. Вейр Юмар. Возможно, послезавтра меня будет искать девушка...

— Все понял, вейр Юмар. Позвольте, я провожу вас. Девушке скажут, где вас найти, не беспокойтесь. Мое имя Лайяр. Изволите обед в комнату?

— Обед не надо. Немного хлеба, мяса и кувшин воды. И еще горячей воды умыться.

— Будет исполнено.

Мы поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. В длинный узкий коридор выходило десятка полтора дверей.

— Ваша комната выше, на чердаке. Там нет отхожего места, только здесь, — Лайяр открыл выкрашенную белой краской дверь, из-за которой пахло зловонием.

Я выглянула туда и увидела узкий проход между двумя соседними домами с перекинутой над ним широкой доской. Чуть выше была натянута веревка, за которую держались.

— Ночной сосуд выливать тоже сюда, — пояснил Лайяр. — Если хотите, чтобы это делал слуга, надо будет доплатить.

— Справлюсь, — буркнула я.

Еще одна лестница, почти отвесная, темный коридор с тускло горящим светильником и вот наконец моя комната — крайняя из пяти. В ней помещались только лежанка, накрытая тонким серым одеялом, маленький стол и стул. Окошко под скошенным потолком пропускало так мало света, что показалось, будто наступил вечер.

— Воду и все остальное сейчас принесут, — Лайяр оглядел каморку с сомнением: неужели здесь можно жить? — Звонков у нас нет, если что-то надо, спускайтесь вниз и кричите с лестницы.

Когда он вышел, я присела на стул и с таким же сомнением посмотрела по сторонам. Три дня — да я здесь с ума сойду! Как в тюрьме. Конечно, можно выйти на улицу. И даже нужно — у меня ведь нет ничего необходимого. Но вот не успела я попасть в город, как тут же натолкнулась на Фелиса. Кого еще могу встретить? Да, у меня не так уж много знакомых, но кто знает, где и с кем сведут высшие силы?

Минут через десять двое слуг принесли поднос с едой, таз, кувшин теплой воды и сомнительной свежести полотенце. Заперев дверь, я разделась, вымылась над тазом, а потом, надев штаны и рубашку, принялась за еду. Ну а после этого выходить куда-то тем более не захотелось.

Потом, успею, подумала я, ложась на лежанку, и уснула, едва голова коснулась подушки.

44

Отоспалась я знатно. За все те последние ночи, когда сон никак не шел, и про запас тоже. От неудобной лежанки ломило все тело, но это уже были мелочи. Кое-как умывшись остатками воды из кувшина, я на ощупь затянула ситу на груди и оделась. В окошко под крышей проникал свет, заставивший меня задуматься: еще вечер или уже следующее утро?

Я спустилась на второй этаж, прошла по коридору до лестницы, посмотрела вниз.

Взъерошенный парень в таком же, как у Лайяра, кожаном фартуке мыл полы веревочной щеткой.

— Эй! — крикнула я. — Который час?

— Девять.

Значит, наступило следующее утро. В девять вечера осенью уже темно. Нетта как раз должна была объявить о моем исчезновении. Если, конечно, меня не хватились еще вчера. Главное — чтобы не узнали об участии Марта. Но если все пойдет, как мы рассчитывали, через сутки с небольшим Нетта будет здесь. Если сможет преодолеть магию замка, в чем я совсем не была уверена.

— Эй, парень. Принеси мне что-нибудь поесть. Я на чердаке, в последней комнате.

— Вареные яйца, сыр, копченое мясо, хлеб, яарт.

— Неси все!

Я вдруг почувствовала страшный голод, как будто неделю во рту не было ни крошки. Самая простая еда показалась необыкновенно вкусной. После такого плотного завтрака снова потянуло прилечь, но я решила все же выйти: надо было купить смену белья, щетку зубную и для волос и другие мелочи. Покидая замок под видом Юмара, я не могла взять с собой ничего, что не вмещалось бы в карманы.

Пройдя немного по улице, я вышла на площадь, где стояли торговые ряды, хотя и не такие богатые, как во время ярмарок. Здесь нашлось все, что мне требовалось. Покупать мужское белье было немного неловко, но юноша, выбирающий женские вещицы, наверняка вызвал бы подозрение. Впрочем, мужское не так уж сильно и отличалось от женского.

Даммара рассказывала, что когда-то женщины вообще не носили нижнего белья, только длинные рубашки. Хуже всего было в женские дни, когда приходилось целыми днями сидеть, пропустив подол рубашки между ногами и заткнув его под пояс нижней юбки. Потом женщины стали носить мужское белье, хотя это считалось очень непристойным. А лет двести назад его начали шить и специально для женщин, учитывая особенности тела.

Купив все нужное, я решила походить в толпе, прислушиваясь, о чем говорят люди. Лица у них были чаще хмурые, а беседовали они о том, что исчезновение правителя — лютая беда для Тандора. Равно как и новый с его глупыми решениями. Расположенный в горной местности Тандор большую часть зерна, овощей и фруктов получал из более равнинного Ликура, отходящего теперь Фианте. Значит, все это придется покупать

втридорога, и цены взлетят в поднебесье. Да и в целом подчиняться Отрану все считали унизительным.

Остановиваясь, прислушиваясь к разговорам, подходя к прилавкам, я вдруг заметила то, на что не обратила внимания раньше. Это было странное ощущение, как будто рядом со мной находилось что-то теплое или холодное. Люди — я чувствовала тепло или холод, исходящие от них. И, в зависимости от этого, расположение или неприязнь. С кем-то хотелось перекинуться словом или взглядом, а от кого-то — побыстрее отойти.

Раньше такого со мной никогда не было. Или?..

Вчера я сразу почувствовала что-то доброе от Геритана. И Лайяр вызвал доверие. А вот растрепанный парень, который принес мне завтрак, без каких-либо на то причин показался неприятным. Что-то изменилось, когда я покинула замок?

Ну конечно! Перо Ворона! Только это. Раньше оно лежало в книге, а вчера я повесила его на цепочке на грудь. Ведь он тоже мог понимать истинные чувства людей. Похоже, частица его магии через перо передалась мне. Оно уже спасло однажды меня от смерти, а теперь помогало понять, кому стоит доверять, а кому нет. А это будет очень важно, когда придется искать проводника сначала в Ликуре, а потом через в Фианту в Илару.

Конечно, могло вызвать сомнение то, что пронизательный Ворон держал при себе Керта, а невестами выбрал Кьяру и Веду. Но, возможно, у него были другие причины сделать это. Причины, о которых я ничего не знала.

Вернувшись на постоялый двор, я попросила Лайяра принести обед и завела разговор о том, что через пару дней собираюсь отправиться в Илару. Может, с сестрой, может, и без. Сначала я подумала, что Нетте, если она будет со мной, лучше тоже переодеться в мужскую одежду — для большей безопасности. Однако сообразила, что из этого ничего не выйдет. Грудь у нее была побольше моей. Даже если купить готовую ситу, утянуть до незаметности не получится.

— Вам нужен проводник, — то ли спросил, то ли предложил Лайяр.

— Да, пожалуй, — я кивнула, как будто раньше эта мысль мне в голову не приходила. — До Ликюра я дорогу знаю, бывал там, но вот дальше... К тому же говорят, на юге беспокойно.

— Все так, — вздохнул он. — Разбойники нападают на деревни, грабят по дорогам. Я бы не советовал там ехать.

— А как тогда?

— Есть дорога подлиннее, но пока еще не такая опасная. Хотя... тоже опасная, но иначе. На юге граница Ликюра с Фиантой по равнине, а вот на западе — горная. Пока не выпал снег, там можно пройти. Если, конечно, найти знающего человека.

— И где же его искать? — осторожно поинтересовалась я. — Этого знающего?

— Ну... есть тут один ликурец. Но берет недешево. Хватит ли у вас денег?

— Надо бы поговорить с ним.

— Вам повезло, — Лайяр задумчиво почесал поросший темной щетиной подбородок. — Он здесь. То есть сейчас его нет, но придет вечером. Тогда и поговорите. Зовут его Айлен Норр. Я позову вас, когда он появится.

45

До самого вечера мне было абсолютно нечем заняться. Не идти же снова по улицам бродить. Подоткнув под бока одеяло, чтобы стало хоть немного помягче, я лежала и смотрела, как медленно тает свет в окошке. Когда совсем стемнело, крикнула с лестницы тому самому лохматому парню по имени Брайт, и он принес угольный светильник — впрочем, почти холодный, едва мерцающий. Мне всегда было интересно, почему светится воздух в этих стеклянных трубках, которые нагревались снизу раскаленными углями на металлическом поддоне, но никто не мог толком объяснить.

Кстати, стало не только темно, но и заметно холоднее. В ясные дни осенью могло быть очень тепло, но стоило солнцу зайти за горизонт, с гор начинало тянуть промозглой стужей. В чердачных комнатках не делали каминов, они обогревались от печных труб, идущих с нижних этажей к крыше. Рядом с ними было вполне сносно, но стоило отойти на пару шагов, как начинала бить крупная дрожь. Я закуталась в одеяло, но это не помогло.

Может, попросить комнату подороже, но с печью? Что толку беречь деньги, я если замерзну и заболею? Не домой же тогда идти, чтобы отец вылечил. Нет, все должны считать меня умершей. Наверняка из замка об этом сообщат. Станут ли обо мне горевать дома? Если и станут, то вряд ли долго.

После раздумий я снова спустилась на второй этаж и крикнула Брайту, чтобы принес еще одно одеяло. А заодно и ужин. Его злобный взгляд все сказал о том, что он думает о бродяге, ютящемся в чердачной каморке, но требующем каких-то услуг.

Не успела я закончить ужин, как Брайт появился снова — с известием, что хозяин просит меня вниз. Наверняка пришел проводник. Дождавшись, когда слуга выйдет, я подтянула под рубашкой ослабленную ситу, застегнула куртку и спустилась в зал, где за деревянными столами сидели десятка два мужчин и несколько женщин. Они что-то ели с оловянных тарелок, запивая пивом или вином из таких же кружек, и разговаривали вполголоса.

Лайяр, наполнявший кружки из больших бочек с кранами, увидел меня и указал подбородком в сторону крепкого мужчины в темно-зеленом плаще. Правила учтивости требовали снимать плащи и шляпы в помещениях, но он пренебрег этим. Низко надвинутый капюшон почти полностью скрывал лицо. Я смогла рассмотреть только густую черную бороду. Проводник сидел один за столом в углу и пил пиво, глядя куда-то сквозь пространство.

— Добрый вечер, — я подошла к его столу. — Вы Айлен Норр?

— Он самый, — проводник повернулся, и из-под капюшона блеснули темные, почти черные глаза под кустистыми бровями. На вид ему можно было дать лет тридцать, вряд ли больше. — А ты Юмар, о котором говорил Лайяр?

— Вейр Юмар, — поправила я, но Айлен сделал вид, что не услышал.

— Садись, Юмар. Пиво будешь?

— Нет, спасибо.

— Значит, тебе надо в Илару, — он отхлебнул из кружки и посмотрел на меня в упор. — И когда ты намерен отправиться?

— Я жду сестру. Если ее не будет послезавтра к вечеру, следующим утром можно выезжать. А если появится завтра, тогда раньше.

— Ты уже готов к путешествию?

— По правде... — смутилась я. — Мне никогда не доводилось бывать дальше восточного Ликура.

— Понятно, — вздохнул Айлен. — Хорошо. Предоставь это мне. Я все подготовлю быстро, когда станет ясно, отправимся мы вдвоем или втроем.

Я пыталась понять, какие ощущения испытываю, находясь с ним рядом. Но... ничего. Ни тепла, ни холода. Ни расположения, ни неприязни. Может, я все придумала насчет пера? Но тут к столу подошел Брайт с новой кружкой для Айлена, и я снова почувствовала исходящий от него холод. Возможно, дело было в том, что проводник слишком закрыт? Или равнодушен? Так или иначе, он не производил отталкивающего впечатления, не вызывал страха или опасений. Тем более, его рекомендовал Лайяр, а ему, как мне показалось, можно было доверять.

Айлен назвал сумму, которую предстояло уплатить за услуги и выделить на покупку всего необходимого. Лайяр не соврал, проводник брал недешево. Но Эльда дала мне

денег с запасом — хватило бы еще на одно такое же путешествие.

— Если твоя сестра приедет завтра, скажи Лайяру, пусть пошлет за мной. Дашь мне денег, и я займусь подготовкой. Или когда станет ясно, что ее не будет. Нам надо успеть выйти до конца недели. Еще дней пять-шесть простоят ясная погода, нам надо преодолеть перевалы между Тандором и Ликуром, а потом между Ликуром и Фиантой, пока не пошел снег. Что касается Илары, поговорим позже.

— Спасибо, — я встала, чтобы вернуться к себе. — До встречи, Айлен.

— Да, — кивнул тот и снова отхлебнул из кружки.

Я поднялась по одной лестнице, по другой. На чердаке было так темно, что даже поднесенная к лицу рука терялась в черноте. Я остановилась, чтобы глаза хоть немного привыкли, и вдруг почувствовала рядом чье-то присутствие. И ледяной холод! Что-то такое же ледяное, острое коснулось шеи, и мужской голос прошипел по-змеиному:

— Тихо! Не дергайся!

Рука рванула полу куртки, пуговицы заскакали по доскам. И в этот момент откуда-то налетела теплая волна. Холод отодвинулся, как будто напавшего на меня схватили и отшвырнули в сторону. Шум, грохот, сдавленная брань... Я не стала ждать, влетела в свою комнату, закрыла дверь на задвижку и села на лежанку, пытаюсь отдышаться.

Спустя какое-то время — трудно сказать, сколько прошло, — в коридоре раздались тяжелые шаги, и кто-то постучал в дверь.

— Это Айлен. Открой!

Я замерла, не решаясь подойти к двери, но сообразила, что он никак не мог быть тем, кто подкарауливал меня на чердаке. Вдохнула еще раз глубоко, встала и открыла. Айлен держал в руках светильник, горевший так ярко, что на мгновение ослепил. Подождав, пока я открою глаза, проводник сел на стул и уставился на меня в упор.

— Ну что, девушка, поговорим?

46

Яркий свет померк — потемнело в глазах, и показалось, что вот-вот потеряю сознание. Не успела прийти в себя после нападения, и вдруг такое! И как он только догадался?

Айлен взял со стола кувшин, побултыхал, набрал воды в рот и прыснул мне в лицо. Я вскрикнула и утерлась рукавом.

— Ну что, очухалась? — усмехнувшись, проводник поставил кувшин на стол. — И отпусти шары на волю, как ты только дышишь такая затянута? Я отвернусь.

Он действительно отвернулся, а я, наверняка красная, как солнце на закате, просунула руки под рубашку и ослабила шнуровку. Дышать стало легче.

— Ну так что? Может, скажешь для начала свое имя?

— Кто это был? — я сделала вид, что не услышала. — Тот, кто напал на меня?

— Сопляк, который здесь прислуживает. Лохматый, лопухий. Твой кошель слишком хорошо виден под курткой, вот он и решил поживиться. Скажи спасибо, что на чердаке тебя подстерег, а не в отхожем месте. Скинул бы вниз. Потонуть в дерьме не самая приятная смерть. Вряд ли кто-то стал бы тебя там искать.

— Благодарю! — буркнула я.

— Не стоит. Не хотелось терять заработок. Увидел, как он смотрел на тебя, когда пиво принес. И как шмыгнул наверх, когда ты встала из-за стола. Решил, что лучше будет проверить, все ли в порядке.

— Меня зовут... Илана.

Вообще-то я хотела назвать какое-нибудь выдуманное имя — не все ли равно? Но язык сам произнес то, которым второй месяц не называла себя даже в мыслях. И я снова почувствовала тепло — как в тот момент, когда он пришел мне на помощь. Странно, что не ощутила раньше, сидя рядом с ним за столом. Хотя, возможно, тогда он и сам не испытывал ко мне абсолютно ничего. Просто еще один парень, которого надо перевести через горы.

— Илана... Это звучит лучше, чем какой-то там Юмар.

— Как вы?.. Как ты догадался? Что я девушка?

— Не смей меня! — несмотря на улыбку, глаза его были серьезны. — Издали тебя еще можно принять за парня, но уж точно не вблизи. Хотя... тем, кому наплевать и кто не слишком наблюдателен, и вблизи не разглядеть. Но я-то легко могу отличить мальчика от девочки, не раздевая.

Наверно, вид у меня был такой испуганный, что Айлен рассмеялся, дотянулся и хлопнул ладонью по моей руке.

— Не бойся. Мне интересны женщины постарше, а не маленькие девчонки. Я пообещал отвести тебя и твою сестру в Илару — и я это сделаю.

— Почему-то я тебе верю.

Это было правдой — вместе с теплом пришло и чувство безоговорочного доверия.

— Прекрасно, — Айлен постучал пальцами по краю стола, как по походному барабану. — Тогда, может, расскажешь, зачем тебе понадобилось переодеться мальчишкой? Прячешься от кого-то? Или думаешь, что так безопаснее путешествовать?

— И то, и другое, — кивнула я. — Прости, но я не хотела бы вдаваться в подробности. У меня есть причины скрываться. И есть причины молчать об этом.

— Разумно, — согласился Айлен. — Не буду спрашивать, если не хочешь отвечать. Только скажи, почему именно Илара? Странный выбор места, чтобы спрятаться от врагов.

— Почему?

— Я сказал, что об Иларе мы поговорим позже, но раз уж так пошло... Чтобы попасть в Илару, надо иметь бумагу, удостоверяющую личность. У вас с сестрой они есть?

— Нет, — я вздохнула. — Мне говорили, что на границе Илары стоят военные отряды и просто так туда не попасть. Но... мне очень надо. И я думала... вдруг удастся что-то придумать.

— Мне нужно знать, зачем вам нужно в Илару. Или я не смогу помочь.

— Но ты же сказал, что отведешь нас туда!

Айлен поморщился с досадой.

— Если объяснишь, постараюсь. Нет — не собираюсь рисковать. Оставайтесь в Фианте. Или еще можно из Ликура попасть на север Эллей.

— Хорошо, — сдалась я. — Мне надо встретиться с тарисом Айгером. Я ищу... одного человека. Возможно, Айгер что-то посоветует.

— Почему ты так думаешь? Что он чем-то поможет?

— Не знаю, — о письме Эльды я говорить все-таки не хотела. — Но даже если и нет, лучше уж жить в Иларе, чем в Фианте. И тем более в Тандоре или Ликуре — сейчас. О тарисе Айгере я слышала только хорошее.

— Ты права, Илана, — усмехнулся Айлен. — В Иларе лучше. И об Айгере не врал. Ладно, я подумаю, что можно сделать. Закрывай дверь и ложись спать. Насчет того подонка не беспокойся, больше он к тебе и близко не подойдет.

Почему-то и этому я поверила без сомнений. Пожелала Айлену спокойной ночи и закрыла за ним дверь. А потом, не раздеваясь, легла и закуталась в два одеяла.

А что, если это и есть... сам тарис Айгер?

Мысль была совершенно безумной, но... а вдруг?

Глупости какие, что ему здесь делать? Да еще выдавая себя за проводника? Даже если предположить, что он пробрался сюда тайно, чтобы разузнать о чем-то, Лайяр-то его знает, и, похоже, давно. Именно как проводника Айлена Норра. Керт говорил, что Айгер когда-то командовал пограничными отрядами — до того как стал правителем Илары. Но даже тогда он вряд ли мог проводить достаточно времени в соседних странах, чтобы изучить в них каждую горную тропинку. И выговор у него был как у всех ликурцев — растягивая звуки в середине слов и проглатывая конечные.

Но тогда он либо знаком с Айгером лично, либо знает других важных людей в Иларе — в этом я не сомневалась. «Я подумаю, что можно сделать» звучало... почти как обещание провести нас через границу без каких-либо затруднений. Но тут же всплыло другое, от чего по спине пробежал противный холодок.

«Почему ты так думаешь? Что он чем-то поможет?» — спросил Айлен об Айгере.

И правда — с чего я вообще это взяла? Откуда Айгеру знать, где искать Ворона?

Я вытащила из-под рубашки перо на цепочке, прижала к губам. И уверенность моя, чуть пошатнувшись, снова окрепла.

Он даст о себе знать. И я его обязательно найду!

47

Утром я выглянула из своей каморки не без опаски. Приоткрыла дверь, высунула голову, посмотрела по сторонам — никого. Через окошко на скате крыши проникало немного света, и я, ползая на коленях, собрала оторванные с куртки пуговицы. Мысленно благодаря тех, кто придумал пришивать их на живую нитку — чтобы отлетали, не разрывая ткань. В шов была воткнута иголка с намотанной черной ниткой, а пришивать пуговицы меня, к счастью, научили.

Спустившись на второй этаж, я свесилась через перила лестницы и посмотрела вниз. Брайта нигде не было видно, зато у пивной бочки, разговаривая с каким-то мужчиной, стоял Лайяр. Я окликнула его и попросила завтрак в комнату.

— Трое слуг, а все приходится самому, — пожаловался он, поставив поднос на стол. — Один болен, другой отпросился навестить семью, а третий с утра сгинул куда-то. Будто в отхожее место провалился.

Я вспомнила вчерашние слова Айлена о том, как неприятна такая смерть, и от души понадеялась, что он не упокоил там Брайта. Впрочем, не исключая подобную возможность. И все же хотелось думать, что негодяй просто счел за лучшее убраться подальше и побыстрее.

— Как проводник? — Лайяр взял остывший светильник и пошел к двери, но остановился на полпути. — Договорились?

— Да, спасибо, — кивнула я. — А вы давно с ним знакомы?

— Да уж лет так... десять, не меньше. Он родился в Ликуре, но большую часть жизни прожил в Иларе и Фианте. А потом перебрался в Тандор. Но на месте не сидит, бродит туда-сюда, водит тех, кому надо, горными тропами. Дело свое знает, еще никто не жаловался.

— А какой он человек? Можно ему доверять?

На самом-то деле свое мнение я уже составила, но хотелось сравнить его с чьим-то еще.

— Ну какой? — задумался Лайяр, почесывая подбородок. — Жесткий, резкий, но

надежный. В общем, можете на него положиться.

После завтрака я снова устроилась на лежанке и погрузилась в раздумья. Какая-то мысль не давала покоя. Нет, даже не мысль. Это походило на нечто увиденное краем глаза, не успевшего распознать, что же там было. Словно упустила что-то, не заметила. Не обратила должного внимания в разговоре. Если бы еще вспомнить, с кем и о чем разговаривала.

Время тянулось так медленно, что можно было подумать, будто оно остановилось совсем. Наконец перевалило за полдень. Не мешало бы пообедать, но от волнения есть не хотелось. Еще три часа, и станет ясно, смогла ли Нетта покинуть замок. Конечно, я обещала подождать ее лишние сутки и намерена была сдержать обещание, но понимала: если она не появится сегодня, надежды почти не останется. Хотя... ее и так было немного.

Лежать стало невмоготу. Я поднялась и начала ходить по комнате взад-вперед. Пять шагов от одной стены до другой вдоль лежанки. Наверно, я прошла так расстояние от постоянного двора до городских ворот, когда в дверь постучали.

— Вейр Юмар, вас спрашивают, — крикнул незнакомый юношеский голос. Видимо, это был один из двух оставшихся слуг.

Быстро затянув ситу, я не спустилась, а слетела вниз. Кто еще мог меня спрашивать, кроме Нетты? Айлен? Да нет, он поднялся бы наверх.

Она стояла у входа, робко озираясь по сторонам. Я подбежала к ней, обняла.

— Ну здравствуй, Нетта!

— День добрый, вейра Лилла!

— Ш-ш-ш! — прошипела я, оглянувшись, нет ли кого поблизости. — Зови меня Юмар. И на ты. Поняла?

Она кивнула. Я позвала Лайяра, который вышел из общей спальни.

— Мне нужна еще одна комната на чердаке. Для сестры. Или нет. Сколько будет стоить комната на втором этаже с печью? Наверху слишком холодно. На одну ночь. Или на две — не знаю, как быстро Айлен сможет все подготовить. И, кстати, отправьте кого-нибудь к нему, пусть скажут, что сестра приехала.

По цене комната на втором этаже оказалась дешевле, чем две чердачные каморки. Лайяр отвел нас туда и прислал слугу растопить печь. Да, тут было теплее и светлее, но сама комната оказалась не намного больше той, где я провела две ночи. Да и кровать в ней стояла всего одна, но Нетта заверила, что прекрасно сможет спать на лавке.

— Как тебе удалось? — спросила я, едва мы остались одни. — Я, если честно, уже и не думала тебя увидеть. Когда уезжала из замка, вдруг напала такая тоска. Страшно захотелось вернуться. А ведь я прожила там всего месяц с небольшим.

— На мосту? — улыбнулась Нетта. — Да, мне тоже. Вот только возвращаться было некуда.

— Как? — не поняла я.

— Вчера утром я сказала, что вы пропали...

— Я же просила, Нетта!

— Да, я помню, — смутилась она. — Но мы здесь одни, никто не услышит.

— Неважно. Мы не в замке, и ты теперь не моя служанка. Если никого рядом нет, можешь звать Лиллой, но на ты.

— Хорошо. Я постараюсь. Так вот... когда я сказала, что вы... что ты исчезла, тебя начали искать. А когда увидели платье в пропасти, зол Меар страшно рассердился. На меня. Как будто я должна была за тобой следить. Сначала чуть не посадил в подвал, а

потом сказал, чтобы я взяла свои вещи и убиралась. Пешком по дороге. Но его мать за меня заступилась, тогда он разрешил остаться на ночь и уехать с торговцами. Но как же он злился, вей... Лилла! — Нетта засмеялась, прикрыв рот ладонью. — Я думала, будет горевать — ведь все-таки хотел на тебе жениться. Но нет, это была настоящая ярость. Как будто отобрали то, что уже считал своим.

— Ну так и есть, Нетта, — я пожала плечами. — А как остальные?

— Слуги очень огорчились, многие плакали. Жалели, что нельзя хотя бы достать тело и похоронить. Да и остальные тоже. Но не все, конечно. Андра — та была довольна.

— А Веда с Кьярой?

— Их я не видела, но не думаю, что сильно опечалились.

— Не сомневаюсь. Ладно, Нетта, я нашла проводника, которому можно доверять. Он отведет нас через горы сначала в Фианту, потом в Илару. Путь неблизкий и нелегкий. Да и сам проводник... немного странный. Грубый, но, похоже, надежный. Завтра или послезавтра, как все будет готово, отправимся.

В этот момент раздался стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, вошел Айлен.

— Приветствую, Илана, — сказал он, откинув капюшон, и посмотрел на Нетту. — Вижу, сестра приехала. Значит, можно собираться.

— Илана? — с недоумением переспросила Нетта.

48

Конечно, Нетта могла бы сообразить, что я назвалась чужим именем, и не удивляться так явно. Да и Айлен мог понять, что у меня были причины не открывать настоящее имя, раз уж отправляюсь куда-то в мужской одежде и без сопровождения.

— Девушки, вы уж разберитесь сами, как кого зовут, — усмехнулся он, быстро сообразив, что к чему. — А мне давайте деньги. Если все успею до вечера, завтра утром сможем выдвинуться. Надеюсь, верхом вы ездите?

Нетта смущенно кивнула, я тоже. Взяв заранее оговоренную сумму, Айлен вышел.

— Ладно, Нетт, — махнув рукой, я села на лавку. — Теперь уже нет смысла скрывать. Я не Лилла Иральда, а ее сестра. Илана. Я тебе говорила, мы близнецы. Мне восемнадцать исполнится через полчаса после наступления нового года. А ей — за полчаса до. Я не должна была попасть на отбор. Но у Лиллы был жених. И я согласилась ее заменить. Вернее, сама предложила. Кто же знал, что Ворон меня выберет.

— Я думаю, ему повезло, — задумчиво сказала Нетта. — И тебе тоже. Надо же... как все повернулось. Скажи, а проводнику этому точно можно доверять? Не сбежит с деньгами?

— Очень надеюсь, что нет.

Я рассказала ей о том, как перо Ворона убило змею, и о снах, которые увидела, когда засыпала с ним в руках. И о том ощущении тепла или холода, исходящих от людей, которое появилось у меня, стоило повесить перо на шею.

— Вот сейчас я сижу рядом с тобой и чувствую тепло. И знаю, что тебе можно доверять. И с Айленом то же самое. Хотя сначала не было ничего.

Выслушав мой рассказ о том, как проводник спас меня от Брайта, Нетта испуганно прижала ладони к щекам:

— Как хорошо, что он решил пойти за тобой. Айлен. И перо это... волшебное. Может, оно приведет тебя к Ворону?

— Не знаю, Нетта, — вздохнула я. — Какая-то частица магии в нем определенно есть, но оно не всеильно. Как и сам Ворон. Иначе не пропал бы. Тот сон с подземельем... мне кажется, что его держат в плену. Но вот где оно — это подземелье?

— И ты думаешь, что тарис Айгер чем-то поможет? Но как? Ведь не в Илару же Ворон полетел.

— В интересах Айгера, чтобы Ворон вернулся. Фианта станет сильнее за счет Ликура и Тандора. И легко может из вчерашнего союзника стать врагом. Мне кажется, терис Отран в сговоре с Кертом, но Айгер как-то смог бы повлиять на них. Или хотя бы что-то подсказать. И Эльда отправила меня к нему. Письмо написала.

— Да, зола Меара и мне помогла, но... согласись, Лилла... то есть Илана... Согласись, это странно — что она против своего сына.

Я попыталась объяснить так, как поняла со слов Марта, но Нетта с сомнением покачала головой:

— Не знаю... Может, все и так, но... Как жаль, что ты раньше не догадалась держать перо при себе. Не было бы сомнений, кто друг, а кто враг.

— Оно у меня уже десять лет. Подобрала случайно, даже не задумываясь. Лежало вместо закладки в книге. Зачем мне было носить его с собой?

— А может, все дело в том, что Ворон полюбил тебя, а ты — его? — предположила Нетта. — Может, поэтому оно сейчас связывает вас?

Мы проговорили с Неттой до самого вечера. Нет, мы и раньше разговаривали, но, конечно, не так. Она рассказала о своей жизни в родной деревне, о том, как умерла мать и отец привел новую жену. Как влюбилась несчастливо и даже хотела утопиться в озере, но ее нашел человек Ворона и предложил работу в замке. И о том, как жила там до моего появления.

— Наверно, высшие силы послали мне тебя, Илана.

— Или мне — тебя, — рассмеялась я в ответ.

В свою очередь я рассказывала ей о родителях и о сестре, о том, как с детства жила в ее тени, лишняя, никому не нужная. И только прощаясь с отцом, поняла, что была ему дорога.

— Как жаль, — вздохнула Нетта. — Ведь если бы он показал это раньше, все могло бы сложиться иначе.

— Не знаю, Нетт. Да, я не попала бы в замок. Ведь Лиллу предложила заменить в надежде, что родители не согласятся. И я увижу, что нужна им не меньше, чем она. Нет, все сложилось так... как сложилось. Но если я не найду Ворона, значит, все это было бессмысленно.

Ощущение ускользнувшей мысли стало еще сильнее — и вдруг мне удалось ее поймать! В замке я задумалась, всегда ли Керт был таким негодяем, или что-то изменило его. Ведь в первые дни после приезда он казался мне вполне приятным. И только потом, когда начал проявлять ко мне интерес, это стало раздражать. Но, может, он еще раньше задумал избавиться от Ворона и самому стать правителем? Или его подстегнуло мое появление? И другой вопрос: кто навел его на такую мысль? Вряд ли сам.

Я поделилась этими сомнениями с Неттой, и она глубоко задумалась, наморщив лоб.

— Не знаю, Илана, имеет ли это какое-то отношение, но...

— Ну, говори же!

— Это было где-то месяца за два до отбора невест. Меня часто посылали забрать у торговцев заказанные товары. И однажды я заметила, как он разговаривает с каким-то странным человеком. Зол Меар. Торговцы-то одни и те же, редко появляются новые. За три года я всех узнала. А того увидела впервые. И потом больше не встречала ни разу. Да и одет он был слишком хорошо для торговца. Они отошли в сторону и разговаривали тихо, чтобы никто не услышал. А потом я еще как-то заметила, что кто-то из торговцев передал золу Меару письмо. А ведь в замке никто не пишет и не получает писем. Я тогда подумала, может, это какая-то хозяйственная бумага.

— А что странного было в том человеке? — насторожилась я. — Почему ты его заметила? Ну, кроме того, что раньше не видела и что одет не как торговец.

— Он был такой... — Нетта зажмурилась, припоминая. — Очень неприятный. Немолодой уже, с сединой. А главное — у него два разных глаза. Один светлый, другой темный. Я хоть и не слишком близко была, но это разглядела.

49

Я никогда не видела, чтобы у человека глаза были разного цвета, но почему-то это показалось зловещим. Кто бы это мог быть? Но разве узнаешь? Возможно, Ворон его и знал. Хотя вряд ли кто-то из придворных решился бы вот так приехать в замок с обозом, рискуя быть узанным. Нет, тот человек был уверен, что на него никто не обратит внимания, несмотря на такую запоминающуюся внешность. Значит, не из приближенных. Тогда, может, кто-то из людей Отрана? Это показалось мне более вероятным.

Спать мы с Неттой легли пораньше, причем поместились на одной кровати. Хотя она и упиралась сначала, настаивая, что переночует на лавке. И я вспомнила, как в детстве мы с сестрой часто засыпали вместе: она прибегала ко мне в постель пошептаться в темноте, когда Даммара, пожелав нам спокойной ночи, уходила.

Едва рассвело, нас разбудил стук в дверь.

— Вейр Юмар, — узнала я голос Лайяра. — Проводник пришел за вами.

— Хоть бы предупредил, что утро — это так рано, — проворчала я, одеваясь. — Хорошо, что собирать нам нечего. Только позавтракать надо, когда еще теперь есть придется.

Но завтрак принес нам сам Айлен — как я поняла, перехватив у Лайяра поднос. Поставил его на стол и бросил на кровать сверток, который держал под мышкой.

— Переоденешься, — коротко приказал он Нетте. — Там, где мы поедем, лучше быть в мужском седле. Жду вас внизу.

— А как же?.. — смутилась она, намекая на свою грудь.

— Под плащом никто не заметит. И ты, Илана, поверх куртки наденешь плащ. На равнине пока тепло, а в горах уже холодно. И можешь не затягиваться, а то опять в обморок хлопнешься.

Айлен вышел, и Нетта развернула мужское платье. Такое носили в основном крестьяне: свободные штаны, рубашка и кесса — теплая верхняя одежда, покроем похожая на ирм высшего сословия, но широкая и длиной почти до колена.

— Только волосы я резать не буду, — упрямо заявила она, одевшись.

— А тебе и не надо, — успокоила я. — Заколешь и спрячешь под капюшон.

Покончив с завтраком, мы спустились вниз. Свернутое платье Нетта несла в руках.

— Давай сюда, — Айлен спрятал его в мешок.

Лайяр проводил нас до выхода и пожелал счастливого пути. Если он и удивился, увидев Нетту в мужской одежде, то вида не подал. Айлен ждал снаружи, держа в поводу двух лошадей — рыжую и черную, как ночь. Третья, гнедая, смиренно стояла, привязанная у крыльца. У каждой к седлу были приторочены плотно набитые сумки.

Я никогда не ездила по-мужски и даже забраться не смогла сама, Нетта тоже. Пришлось воспользоваться помощью Айлена. Но оказалось, что сидеть так намного удобнее, чем в женском седле, и мы освоились еще до того, как выехали из города. Сначала дорога была знакомой: здесь мы с Лиллой часто катались верхом. Но вскоре пошла неизвестная мне местность, впрочем, довольно унылая и однообразная, тем более осенью, когда деревья уже почти полностью облетели.

Тандор располагался выше Ликура, и сейчас мы плавно спускались, едва заметно для

глаза. Только обернувшись назад, можно было увидеть разницу между тем местом, откуда выехали и где оказались. От главной дороги отходила другая, поуже и не такая наезженная.

— Ехать здесь труднее, — пояснил Айлен, — но так сократим путь на несколько часов и выедем к западной границе, не заезжая ни в одну деревню. Потом пересечем Ликур с востока на запад, до самых гор. Туда разбойники не забредают. Грабить некого.

По пути мы делали короткие остановки, чтобы передохнуть и перекусить, но Айлен торопился до темноты покинуть Тандор. Уже опустились сумерки, когда он направил своего гнедого к укромной полянке в стороне от дороги.

— Ну вот мы и в Ликуре, девушки. Здесь и переночуем.

Пока Айлен разводил костер и готовил ужин, мы с Неттой наломали веток для ночлега.

— Да, не слишком мягкая постель, — пробормотала я, закутавшись в плащ и одеяло и пытаясь устроиться поудобнее.

— Значит, вам очень надо в Илару, если вы готовы спать под деревом, а не в своей кровати, — отрезал Айлен.

— Скажи... — я колебалась, но все-таки решилась задать вопрос, поскольку вчерашний разговор с Неттой не шел у меня из головы. — Ты не знаешь случайно такого человека — немолодого, с глазами разного цвета? Один светлый, другой темный?

— Голубой и карий? — он сел так быстро, словно его что-то укусило.

— Не знаю, может быть.

— Йоргис! — сквозь зубы процедил Айлен.

— Кто? — не поняла я, но он только раздраженно дернул щекой.

— Откуда ты его знаешь?

— Я его видела один раз, — пришла на выручку Нетта.

— Где? Где ты его видела?

Голос Айлена звучал резко, и мы с ней испуганно переглянулись.

— Или вы мне все расскажете, или я оставлю вас здесь. Выбирайтесь потом как хотите.

Он встал, и я поняла, что это не шутка. И что человек этот ему явно знаком. Причем знаком по-плохому. Таиться не имело смысла. Похоже, нам стоило быть заодно.

— Хорошо, Айлен, мы расскажем.

Снова сев на ветки, он посмотрел на меня в упор:

— Ну?

— Нетта видела его в замке Черного ворона. Он приезжал с торговцами и разговаривал с Кертом Меаром.

— Это было больше трех месяцев назад. Почти четыре, — добавила Нетта.

— Проклятье! Какое отношение вы имеете к замку?

— Я... невеста Ворона. А Нетта моя служанка. Я хочу его найти. И думаю, что тарис Айгер смог бы помочь.

— Невест Ворона зовут Лилла, Веда и Кьяра. Об этом все знают. Которая из них ты?

Это уже было похоже на допрос. Нетта поглядывала на меня, встревожено кусая губы. На мгновение мне стало страшно, не ошиблась ли я, не доверилась ли врагу. Но тепло, исходящее от Айлена, теперь было еще сильнее. Почти как от костра.

— Илана — мое настоящее имя. Лилла — моя сестра-близнец. Я пошла на отбор невест вместо нее. Кто же знал, что Ворон выберет меня? Скажи, кто такой этот Йоргис?

— Вот доберешься до Айгера, у него и спросишь. А я могу только одно сказать. Что задушил бы эту гадину собственными руками, попадись он мне. Йоргиса, разумеется. Не Айгера.

50

На следующий день погода начала портиться. Всю предыдущую неделю стояли ясные теплые дни, почти безветренные. Но с утра небо затянуло серыми тучами, похожими на сваливающуюся набивку для мебели. С западных гор подул холодный сырой ветер.

— Дождя, думаю, не будет, — Айлен сосредоточенно смотрел в небо, словно лекарь, изучающий то, что вышло из больного. — Но надо поторопиться. Снег уже близко. И хотя мы не будем подниматься высоко в горы, все равно можем с ним повстречаться, если замешкаемся.

Северная часть Ликура, по которой мы ехали, представляла собой пустынное каменистое плато, почти безлюдное. С одной стороны, это было хорошо, с другой — и дорог здесь толком не имелось. Даже вчерашняя показалась главной городской улицей по сравнению с этими ползущими под ногами лошадей осыпями и нагромождениями камней, которые приходилось огибать извилистыми, едва заметными тропами.

Я думала о нашем вчерашнем разговоре. Айлен определенно знал Йоргиса — того человека с разными глазами, который приезжал в замок к Керту. Но не захотел сказать нам, кто он и чем опасен. Хотя, судя по его словам, этот самый Йоргис навредил и ему самому.

— Скажи, — я чуть прищипорила коня и догнала Айлена, — тарис Айгер хорошо знает Ворона?

— Ты так спрашиваешь, Илана, как будто я придворный, — хмыкнул он. — Я простой проводник.

— Что-то я сомневаюсь, простой ли он проводник, — шепнула мне на ухо Нетта, когда мы остановились передохнуть. — Знаешь, о чем я подумала? А не разведчик ли он тариса Айгера? Вдруг Айгер тоже ищет Ворона? А проводнику очень даже удобно ходить, смотреть, пытаться что-то вызнать.

— Может, и так, Нетта, — кивнула я. — Я тебе говорила, в интересах Айгера, чтобы Ворон вернулся и Полуночные земли снова стали независимыми от Фианты. Но разве же он скажет, если спросить?

— Конечно, нет, — Нетта, по своей обычной привычке, засмеялась, прикрыв рот ладонью. Айлен покосился на нас, как будто понял, что мы говорим о нем. А может, и не на нас, а на Нетту: я уже не раз замечала вчера и сегодня, что он поглядывает на нее.

— Нетт, кажется, ты его заинтересовала, — я едва сдержала смехок.

— Да что ты, — она посмотрела на меня с испугом. — Он же старый.

— Да какой там старый! Лет тридцать, может, чуть больше. Ворону вообще больше тысячи лет.

— Это другое, — возразила Нетта. — Но... скажи, Илана, если ты его найдешь... когда найдешь и станешь его женой... Я думаю, ты обязательно ею станешь. Но тебе не страшно? Ты будешь стареть, а он останется таким же, как сейчас. Ты умрешь, а он будет жить дальше. И снова выберет себе невест. Ведь так уже было целых десять раз. Поверь, я не хочу тебя огорчить, расстроить. Но ты же, наверно, и сама об этом думала?

— Конечно, думала, — я присела на камень, подоткнув под себя плащ. — Да, Нетта, мне очень страшно. И я... стараюсь отгонять такие мысли, хотя от этого никуда не денешься. На нем заклятье. И он говорил мне, что дорого отдал бы за то, чтобы не быть бессмертным. Наверно, рассказал бы и о том, как это случилось, но не успел. Зато я

помню его слова в самое первое утро, когда он разговаривал с нами — невестами. «За тысячу лет у меня было десять жен. Каждую из них я любил. И каждая из них любила меня. Может быть, недостаточно для того, чтобы...»

— Недостаточно для чего? — глаза Нетты изумленно распахнулись. — Чтобы расколдовать его?

— Он недоговорил. Я тоже подумала об этом. Но... если это так, хватит ли моей любви, чтобы снять заклятье?

— Что толку гадать? Сначала надо его найти.

— Девушки, пора! — поторопил нас Айлен. — Нам нужно добраться до Элиссе пока не совсем стемнело, а то можем сбиться с пути. Там есть... проверенный человек. У него переночуем и поменяем лошадей, наши для горных троп не годятся.

Ветер становился все крепче, и к вечеру достиг такой силы, что лошади останавливались и тревожно ржали, не желая идти дальше. Горы придвинулись темной громадой и в сумерках были похожи на мрачный каменный дворец пайгримов. Наконец впереди показались несколько тусклых огоньков: там у подножья прилепилась крохотная деревенька.

Спешившись, Айлен постучал в ворота дома на отшибе. Залаяла собака, скрипнула дверь, послышались заглушаемые воем ветра шаги.

— Сынок! — в щель высунулась голова седобородого старика. — Проходи скорей!

Ворота распахнулись, и мы прошли во двор, ведя лошадей под уздцы. Айлен обнял хозяина, похлопал по спине.

— Идите в дом, — сказал нам с Неттой старик. — Там печь топится, грейтесь. Вот только угощать вас особо нечем.

— Ничего, отец, мы сами тебя угостим.

— Так вот какой у него проверенный человек! — сказала Нетта, когда мы вошли в тесную комнатку и сели на лавку у печи, от которой шло ровное тепло. — Он и в самом деле из Ликура. Айлен. Мне становится все интереснее, кто же он на самом деле.

— Ты же сказала, он старый! — поддела я ее.

— Ну... не такой уж и старый, — щеки Нетты залил румянец. — Если приглядеться.

— Судя по обращению и по дому, они из низшего сословия.

— Ну и что? Я тоже.

В этот момент отец и сын вошли в комнату, и в тусклом мерцании светильника стало видно, насколько они похожи. Айлен достал припасы из наших сумок, выложил их на дощатый стол, и мы сели ужинать.

— Боюсь, парни, ночевать вам придется всем вместе, на сеновале. У меня только одна комната и одна лежанка.

Айлен едва заметно подмигнул нам.

— Скажи, отец, что тут слышно? Разбойники до вас не добираются?

— Разбойники? — засмеялся старик. — Что им тут искать в Элиссе? Если только лошадей горных — так они на равнине непригодны. Нет, Айлен, у нас другое, — прекратив смеяться, он помрачнел. — Их видели уже дважды. А ты знаешь: как они повадятся, так и будут ходить. Пока не получат то, что им нужно.

51

— Кто повадятся?

— Кто такие «они»? — в один голос спросили мы с Неттой.

— Да пайгримы же, — удивился Витар, отец Айлена. — Кто еще?

— А что им надо?

— Парни, вы откуда свалились? Женщин, конечно. Пайгримиhi такие страшные, что их уестествляют только для продолжения рода. А любят они человеческих жен. Которых похищают. К счастью, детей от них не бывает, а то деваться некуда было бы от полукровок.

— Я слышала о таком, но думала, это сказки, — мне вспомнилась книга, о которой мы говорили с Вороном.

— Какие там сказки, — махнул рукой Айлен. — Ты еще скажи, что замок Ворона — сказка. Он заставил пайгримов своей магией построить его, а их магия никого отсюда не отпускает. Поэтому и человеческие жены пайгримов никогда не возвращаются. Хотя их никто не держит.

— Так вот в чем дело! — сообразила я. — Как-то читала книгу, в которой принц искал украденную пайгримами невесту, а когда нашел, она не захотела уехать с ним.

— Это чистая правда, — кивнул Витар. — Пайгримы живут далеко не везде. Им по вкусу такие горы, как наши: скалистые, с ущельями, пещерами, водопадами. Здесь нет ни одной предгорной деревни, откуда бы они не украли себе женщин. Вот и сейчас все наши, от девчонок до старух, сидят по домам, особенно как стемнеет. Но это без толку. Раз уж появились — обязательно кого-нибудь утащат. И все, прощай. Даже если найти и забрать домой, снова убежит к ним.

— Какой ужас! — поежилась Нетта.

— Не бойсь, парень, — Витар подслеповато сощурился, глядя на нее. — Вы, конечно, смазливые, но мальчишки им без надобности. Ну ладно, поели, пора и на подушку. Завтра у вас путь нелегкий. Спокойных снов.

Айлен привел нас к конюшне, угол которой занимал сеновал. Ветер задувал в щели, и он заткнул самые большие пучками сухой травы. Мы с Неттой закутались в одеяла и прижались друг к другу, чтобы было потеплее.

— Как-то мне страшно, — сказала она тихо, но Айлен услышал.

— Говорят, днем они не вылезают из пещер, потому что от солнечного света превращаются в камни. Не знаю, правда это или нет, но мы постараемся за день пройти перевал и спуститься в долину со стороны Фианты. Надеюсь, нас ничто не задержит.

— А если задержит?

— Ну тогда будем молиться высшим силам, ничего другого не остается. Давайте уже спать, утром подниму вас до света.

Мне показалось, я только успела закрыть глаза, а он уже теребил меня за плечо:

— Просыпайся, Илана, пора ехать.

Наскоро умывшись и позавтракав, мы выехали за ворота. Витар помахал нам вслед. Погода испортилась еще сильнее: западный ветер нагнал мелкую морось. В воздухе висела холодная водяная пыль, оседая на плащах и гривах лошадей. У низкорослых коренастых кобылок ход был особый — очень плавный, убаюкивающий. Больше всего я боялась задремать и соскользнуть под копыта.

Айлен встревожено поглядывал на низкие тучи, закрывшие седловину перевала, и выражение его лица мне не нравилось.

— Что-то не так? — спросила я тихо, чтобы не слышала Нетта.

— Пожалуй, — буркнул он. — На перевале снег. Причем сильный. Видишь, как мутью затянуто? И я не знаю, сколько времени он идет. Если начался ночью, то насыпало уже

основательно, и нам придется несладко.

Чем выше мы поднимались, тем холоднее становилось. Морось стала крупнее, а потом превратилась в снег. Рыхлые крупные хлопья падали, покрывая все вокруг белым ковром. Но лошади словно не замечали этого — шли себе, смаргивая пушистые снежинки с ресниц. Тропа пробиралась ущельями, вилась между скалами, местами осыпавшаяся мелкими камнями или заваленная булыжниками.

— Этим путем редко пользуются, — пояснил Айлен. — Долгое время он вообще был заброшен, но как только на юге начали лютовать разбойники, о нем снова вспомнили. И все равно мало кто осмелится пройти здесь без опытного проводника. Конечно, если б не снег, мы двигались бы намного быстрее.

— Значит, не успеем вниз до темноты? — голос Нетты дрогнул.

— Не знаю, — вздохнул он и повторил: — Не знаю...

Без солнца я затруднялась определить время, даже приблизительно. Казалось, поднимаемся уже так долго, что давно должен был наступить вечер.

— Дойдем до перевала и передохнем, — Айлен хмурился все сильнее. — Спускаться будет легче, постараемся идти, пока сможем видеть дорогу.

Впрочем, одну остановку мы все-таки сделали раньше. Внизу горы были густо покрыты деревьями, но стоило подняться, и они почти исчезли. Айлен нарубил сучьев и приторочил по вязанке к каждому седлу, чтобы развести наверху костер. Мы с Неттой топтались на одном месте, переступая с ноги на ногу. Витар дал нам теплые чулки и перчатки, но ноги и руки все равно мерзли, не говоря уже о носах, щеках и ушах.

Наконец мы добрались до перевала — узкой седловины между двумя вершинами, пики которых терялись в темных тучах. Ветер там бушевал так, что даже снег не ложился, его тут же сдувало. Найдя укрытие под нависшей скалой, Айлен быстро развел костер и повесил над ним котелок с водой.

— Нетта, да ты обморозилась, — ахнула я, заметив на ее щеках два белых пятна.

Невнятно выругавшись, Айлен обмотал ее лицо до самых глаз теплым шарфом, а потом заварил в котелке яарт и заставил выпить большую кружку. Сняв шарф, он начал осторожно, не растирая, прикладывать к щекам Нетты вывернутые мехом наружу перчатки. И было в этом столько чувственного, что у меня зачастило сердце.

Когда ее щеки покраснели, Айлен снова закрыл их шарфом и начал готовить то ли поздний обед, то ли ранний ужин. Нетта присела у костра на камень, прижимая шарф к лицу, и только глаза блестели над ним. Слишком сильно блестели...

Привал оказался недолгим: очень уж холодно было наверху. Покончив с едой, мы начали спускаться вниз, в долину. Снег прекратился, да и ветер почти стих, но тучи все так же плотно закрывали небо, и поэтому быстро смеркалось.

— Нам надо дотянуть хотя бы до той высоты, где есть деревья, — поторапливал нас Айлен. — Иначе будет не развести костер. Потерпите, девушки. Чем ближе к долине мы остановимся на ночлег, тем лучше.

Почти совсем стемнело, и мы спешились на небольшом плато, поросшем кустарником. Никакого укрытия там не нашлось, но ехать дальше уже было нельзя. Почти на ощупь Айлен нарубил веток и развел костер.

— Я буду караулить, — сказал он. — Потом разбудю вас обеих хотя бы на пару часов, чтобы и мне поспать.

— Может, мы по очереди? — предложила Нетта.

— Нет. Лучше обе. Одна смотрит за костром, другая по сторонам. Если что, сразу будите меня.

Еще не начало рассветать, когда Айлен поднял нас и улегся на лошадиную попону рядом

с костром. Примерно через час я заметила, что запас хвороста и веток на исходе.

— Слушай, Нетт, не бросай так много сразу, смотри, почти ничего не осталось.

— Я сейчас нарублю еще.

Она взяла топорик и отошла в сторону, к зарослям кустарника. Повернувшись к костру, я вдруг услышала за спиной какой-то шорох, а потом отчаянный крик Нетты.

52

У кустов никого не было. Нетта исчезла.

— Айлен! — завопила я во всю глотку.

Он подскочил, как ужаленный. Поднялся, озираясь и протирая глаза.

— Что случилось?

— Они ее украли! Нетту!

— Проклятье!

Он не стал выяснять, теряя время, как это произошло и почему. Выхватил из груды веток две смолистые, потолще, зажег от костра и сунул одну мне в руки. Небо уже начало сереть, но света было еще недостаточно, чтобы рассмотреть следы.

— Вот тут-то и поблагодаришь небо за снег, — буркнул Айлен, вглядываясь в них. — Да, это пайгримы. Двое или трое, точно не могу сказать. И они потащили ее к скалам. Наверняка там у них пещера. Идем быстрее!

— Разве мы сможем с ними справиться?

— А ты предлагаешь оставить ее им?!

— Нет, конечно! — возмутилась я.

Проваливаясь в рыхлый снег где по щиколотку, а где и по колено, мы шли через пустошь к скалам, так быстро, как только могли.

— Здесь! — Айлен указал на узкую расщелину.

Мне бы и в голову не пришло, что это может быть вход в пещеру. Но следы огромных сапог вели именно туда.

— Держись сзади! — приказал он, протискиваясь в щель. Я — за ним.

Мы оказались в узком проходе, где идти можно было только по одному. Я удивилась, как по нему пролезали пайгримы, которые, исходя из размера следов, представлялись мне огромными, почти великанами. И тут же возник вопрос, заставивший меня покраснеть.

Как же они живут с женщинами? То есть... как делают с ними то, что мужчины... делают со своими женами, ложась с ними в постель?

Меня передернуло от ужаса и отвращения, когда я представила Нетту в объятиях такого чудовища. Только бы мы не опоздали.

Впереди виднелся очень слабый мерцающий свет, который не становился ярче по мере того, как мы к нему приближались. Неожиданно Айлен замер, и я налетела на него, едва не упав.

— Тише! — прошипел он. — Они здесь.

Перед нами простиралась круглая пещера, своды которой терялись в темноте. Стены светились сами собой — бледно и тускло, как водяные грибы на болоте. Айлен погасил факел и сделал мне знак поступить так же.

У дальней стены стояло что-то вроде каменного ложа, покрытого тряпьем. На нем

лежала связанная Нетта. За столом, тоже из камня, сидели на валунах четыре существа, омерзительнее которых я в жизни никого не видела. Рисунки в книгах даже отдаленно не могли передать их безобразия. Нет, я не назвала бы их великанами — не больше ростом, чем обычный высокий мужчина. Но зато у них были широченные плечи, длинные руки с огромными кистями и не менее огромные ступни. А лица... Маленькие глазки, почти не видимые под нависшими бровями, низкие покатые лбы, кривые носы и широченные рты с торчащими клыками. И уши — наверно, пайгримы могли прикрываться ими от дождя.

— Какие страшные! — шепнула я Айлену. — Что они делают?

Чудища по очереди вытряхивали на стол что-то из кожаного мешочка, раздражаясь громкими хриплыми воплями.

— Играют в камни. Наверно, кому достанется Нетта. Попробую их отвлечь. Большим умом эти твари не отличаются, так что все может получиться.

Он наклонился, собрал горсть камешков и метко запустил один ближайшему пайгриму в затылок. Тот рывкнул, пригладил спутанные сальные волосы, больше похожие на конскую гриву, и с недоумением посмотрел по сторонам. Увидеть нас ему мешал каменный выступ, за которым мы спрятались.

Другой камень задел ухо его соседа. Тот, недолго думая, закатил первому хорошую оплеуху. Ответ не заставил себя ждать. Остальные без колебаний присоединились. Не прошло и нескольких минут, как пайгримы, сцепившись в клубок, валялись по полу, раздавая друг другу тумаки и затрешины.

— Жди здесь!

Прижимаясь к стене, Айлен прокрался к Нетте и разрезал ножом веревки на ее ногах и запястьях. Крепко держа за руку, он тащил ее к выходу из пещеры, и все бы получилось, если бы Нетта не споткнулась. Пытаясь удержать ее, Айлен оперся о стену. Большой камень подался под его плечом и с грохотом обрушился. Пайгримы мгновенно прекратили драку и вскочили, преградив беглецам путь.

Айлен сжимал в руке охотничий нож, но силы были слишком неравными. Я с ужасом подумала, что сейчас чудища его убьют, а потом обнаружат меня. И получат вместо одной сразу двух зачарованных жен. И я точно больше никогда не увижу Ворона — но мне, наверно, будет уже все равно.

Мысль о Вороне повлекла за собой другую — яркую, как вспышка света в темноте.

Если он заставил пайгримов с помощью магии служить себе и построить замок, вдруг его перо поможет мне?

Не раздумывая дольше, я вбежала в пещеру и вытащила из-под ворота рубашки перо на цепочке. Пайгримы, обернувшись на звук и увидев, что в моей руке, замерли.словно это был источник дневного света, превративший их в камень. Но нет, они моргали, беззвучно разевали рты, однако не могли пошевелиться. Что-то подсказало мне: они будут выполнять мои повеления.

— Отойдите в сторону! — крикнула я им.

Пайгримы безропотно отодвинулись, позволив Айлену и Нетте пройти к выходу, и снова замерли.

— Так и стойте! Не смейте идти за нами!

— Скажи им, пусть свяжут друг друга, — подсказал Айлен.

— Возьмите веревки и свяжите друг друга! — потребовала я, и пайгримы подчинились. — Не смейте развязываться.

Нетту от пережитых волнений едва держали ноги, она цеплялась за Айлена, и ему пришлось тащить ее почти волоком. Я шла за ними, то и дело оглядываясь. Из пещеры не доносилось ни звука. Мы выбрались наружу, и оказалось, что уже рассвело.

— Не думаю, что пайгримы бросятся за нами, даже если действие твоей магии закончится и они развяжутся, — обнимая Нетту за талию, Айлен вел ее через пустошь к погасшему костру и лошадям. — Но все равно лучше побыстрее отсюда убраться. Ты как, сможешь ехать верхом?

Нетта молча кивнула, не сводя с него восхищенных глаз. Мне даже стало чуть-чуть обидно: что бы он смог один, без меня? Хотя, конечно, и от меня самой помощи было немного. Все перо.

— Спасибо, Илана, — Айлен словно услышал мои мысли. — Это перо — Ворона? Он тебе его дал?

— Да, Ворона. Но я его подобрала сама. Давно, еще когда была девочкой.

— И ты знала, что оно поможет?

— Нет, конечно, — я покачала головой. — Но подумала, что если он сам мог заставить пайгримов выполнять его волю, то, может, и пера хватит.

— А если бы нет? — он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Не знаю, — рассмеялась я, несмотря на то, что больше хотелось плакать. — Об этом я не думала.

53

Спустившись в долину, мы остановились в первой же деревне, где снова поменяли лошадей — на обычных, равнинных. Мне достался норовистый серый жеребец, который, впрочем, присмирел, стоило взобраться в седло.

Нетта ехала рядом с Айленом и не спускала с него обожающих глаз. Он тоже поглядывал в ее сторону и слегка улыбался. Я плелась сзади, и мне было грустно. Нет, сложись что-то между ними, я бы от души порадовалась. Но... перо Ворона снова спасло меня — и не только меня. А я не представляла, как ему помочь, где его искать.

Фианта охватывала Ликур узкой длинной полосой с юга и запада.

- Если отправимся сначала на запад, а потом на юг, можем попасть в Илару через Эллею, — сказал Айлен, когда мы остановились передохнуть. — Это безопаснее, но гораздо дольше. Или можем сразу повернуть на юг, а потом немного на восток вдоль горной гряды. Тогда еще до заката окажемся у того места, откуда можно подняться на пограничный перевал. Переночуем в деревне, а к завтрашнему вечеру будем уже в Иларе.

— Наверно, лучше побыстрее, — неуверенно сказала я. — А что опасного в Фианте? Разбойники?

— Самые разбойничьи места мы обойдем, — он покачал головой. — Но ехать придется через густо населенные области, а жители Фианты не слишком любят северян. Поэтому постараемся держаться от деревень в стороне, пока не окажемся у Чедды — той, где будем ночевать. Там есть постоянный двор.

— А как же мы все-таки попадем в Илару? Без бумаг? — спросила Нетта.

— Положитесь на меня, — загадочно усмехнулся Айлен.

Я думала, что в Фианте на равнине должно быть теплее, чем в горах, но ошиблась. Только когда мы ехали лесными дорогами, ветер не пытался сдуть нас с лошадей, запутавшись в вершинах деревьев. Поля и пустоши продувались так, что у меня дробно стучали зубы. Не помогали ни теплый плащ, ни шерстяные чулки и меховые перчатки. И снова я слегка завидовала, глядя, как Айлен растирает Нетте замерзшие руки.

Мы доедем до вон того холма, говорила я себе, чтобы скоротать дорогу. А потом до того поворота. И до ручья. И останется совсем немного. При этом я старательно гнала мысли о том, что будет, когда мы окажемся в Иларе и встретимся с тарисом Айгером. Вдруг он скажет: я ничем не могу вам помочь?..

Чедда оказалась довольно большой деревней, прилепившейся у подножья гор, как и ликурская Элисса. Но постоянный двор мало чем напоминал тот, где я остановилась в Тандоре. Отдельных комнат в нем не имелось, только одна большая общая с несколькими рядами лежанок, покрытых тощими одеялами. Но там хотя бы было тепло. Зато никуда не деться от разговоров. Так мы узнали, что границу с Иларой открыли всего месяц назад. До этого почти полгода никто не мог пересечь ее ни в одну сторону.

— Они всегда закрывают границы, когда приходит зарянка, — рассказывал краснолицый толстяк в куртке, подбитой мехом. — Чтобы болезнь не перешла в соседние страны.

— Что за зарянка? — шепотом спросила я Айлена.

— Она возвращается раз в несколько лет, и от нее умирают только мужчины, — пояснил он. — Если им не перелить кровь уже переболевшей матери или дочери. Женщины переносят ее легко, как обычную лихорадку. Тарис Айгер — один из немногих, кто заболел, но выжил без переливания крови. Поговаривают, что в этом была замешана магия.

— Тогда почему магия не может избавить страну от болезни? — вмешалась Нетта.

— Кто бы знал... Давайте уже спать.

Мне впервые довелось проводить ночь вот так — среди двух десятков незнакомых людей, в основном мужчин. Спали все, разумеется, одетыми, и запахи в зале царили самые одуряющие. Неудивительно, что проснулась я с тяжелой головой и не меньшей тяжестью на сердце. Снова навалилось уныние, сражаться с которым становилось все труднее.

Опять горные лошади и горная тропа, только теперь вполне накатанная, широкая. Ехать здесь было гораздо легче, да и поднимались по ней не мы одни. Немного развиднелось, временами из-за туч выглядывало солнце, и тогда заснеженные вершины слепили глаза.

К полудню мы оказались на перевале. Дорогу преграждала высокая изгородь с коваными воротами. Перед ними собралась небольшая очередь: люди ждали, когда их пропустят в Илару. Спешившись, мы встали в ее конец. Я по-прежнему не представляла, как мы пройдем через границу без бумаг, но Айлен сделал успокаивающий жест: все будет хорошо.

Наконец подошел наш черед. Ведя лошадей на поводу, мы прошли ворота и остановились у караульного помещения — почти такого же, как в замке Ворона, только побольше. Айлен шепнул что-то на ухо пограничнику в теплом зеленом плаще, надетом поверх черного кожаного ирма. Тот удивленно вскинул брови и обернулся к своему товарищу:

— Быстро! Беги и скажи, что здесь Айлен Норр.

Второй пограничник действительно припустил бегом к стоящему неподалеку серому дому, похожему на грубую коробку, в которой прорезали окна и дверь.

— Тебя здесь знают? — удивленно спросила Нетта, когда Айлен отвел нас в сторону, чтобы не мешать на проходе. — Кто ты такой?

— Я же сказал: простой проводник, — поморщился он. — Родом из Ликура. Вы же видели моего отца и мой дом.

— Неправда, — возразила я. — Ты точно не простой проводник. О простом проводнике не побежали бы сообщать так резво. Вот почему ты сказал, что мы пройдем через границу без затруднений.

Айлен не ответил — от серого дома быстрым шагом к нам приближался высокий мужчина, при одном взгляде на которого хотелось склониться в низком поклоне. На вид ему можно было дать лет сорок, темные волосы на висках чуть тронуло сединой. Такие же темные глаза, короткая борода, четкие черты лица — он обладал той особой мужской красотой, которая не уходит с годами.

— Приветствую вас, тарис Айгер, — Айлен наклонил голову. — Не думал, что вы

окажетесь здесь.

— Тебе ли не знать, что я сам проверяю пограничные отряды, и всегда неожиданно? — ответил тот низким бархатным голосом, обняв Айлена за плечи. — Кто это с тобой?

54

— Вейра Илана Иральда из Тандора, невеста правителя Полуночных земель. И Нетта Леиса, ее служанка.

— Вот как?! — Айгер изумленно вскинул брови. — Невеста Ворона?!

Похоже, его удивило именно это, а не то, что я в мужском платье.

— Приветствую вас, тарис Айгер, — я поклонилась ему так, как по правилам должна была поклониться правителю нашей страны. Нетта тоже.

— Приветствую вас, дамы. Но не будем разговаривать на ветру и холоде, пройдем в тепло. Тем более разговор, полагаю, будет длинным. Лучше вести его за обедом.

Он повернулся и пошел обратно к серому дому. Мы — за ним. Поглядывая на Айлена, который шел с непроницаемым лицом. Весь его вид говорил: даже не пытайтесь спрашивать, ничего не скажу.

Поднявшись по низким ступенькам, мы попали в тесную прихожую с двумя закрытыми дверями, выкрашенными зеленой краской. Айгер открыл левую, и мы вошли следом в большую комнату с низким потолком. Там топилась печь и был накрыт стол: похоже, мы оторвали правителя от трапезы.

— Снимайте плащи, присаживайтесь, — он сел сам и жестом пригласил нас присоединиться. Появившийся словно из ниоткуда слуга поставил на стол тарелки и приборы для нас.

— Ну, с чего начнем? — поинтересовался Айгер. — Может, вы, вейра Илана? Что привело вас в наши края?

— Я убежала из замка. От временного правителя зола Меара. И хотела встретиться с вами. Чтобы вы помогли мне найти Ворона. У меня к вам письмо от золы Меары, она была придворной дамой вашей матери.

Айгер посмотрел с недоумением и протянул руку за письмом, которое я достала из кармана куртки. Прочитав его, он задумался, постукивая пальцами по краю стола.

— Меар задумал на вас жениться, вейра Илана? И его мать вам помогла убежать? Да еще дала письмо ко мне? Не находите, что это странно?

— Один мой друг в замке объяснил это тем, что она боится, не повесит ли его в таком случае Ворон. Если вернется. Я уверена, он пропал не просто так. И что Меар к этому как-то причастен. Хотя явно пока не сделал ничего противозаконного. Как первый претендент на трон замещает пропавшего правителя, только и всего.

— В этом есть разумное зерно, — кивнул Айгер. — Но мне так часто приходилось сталкиваться с тем, что самые очевидные объяснения оказываются неверными. Поэтому я перестал доверять им безоговорочно. Вот и сейчас что-то заставляет сомневаться. Почему вы думаете, что я смогу вам помочь в поисках?

— Потому что вы в этом заинтересованы, тарис Айгер, — осмелела я, подбадриваемая его внимательным спокойным взглядом. — Вам не нужна набирающая силу Фианта на северной границе. И только Ворон своей магией поможет вам сдерживать ее.

— Вот тут вы абсолютно правы, — он кивнул. — Если начнется большая война, нам придется несладко. Эллея уже готова стать частью Фианты. Скарпис и Полуденные земли за нас, но лишь до тех пор, пока мы можем сопротивляться напору Отрана. Поэтому я уже ищу Ворона. Айлен с давних пор мой разведчик, с тех самых, когда служил под моим началом в Восточных горах. Под видом проводника ходит по Тандору, Ликуру и Фианте, смотрит, слушает, разговаривает с людьми. И не только он один.

— А мы думали, Айлен из Ликюра, — пискнула Нетта.

— Из Ликюра, — поморщился тот. — Но это не мешает мне служить тарису Айгеру. С юности.

— Вейра Илана, — Айгер смотрел на меня в упор, чуть прищурившись, — не сочтите мой вопрос за бестактность, но почему вы уверены, что Ворон жив?

Я достала перо, коротко рассказала, как оно спасло меня от змеи, а нас троих — от пайгримов. И что видела сны, которые дали понять: Ворон жив и находится в каком-то подземелье.

— Вы верите этим снам?

— Да, — я выдержала его взгляд.

— Что ж... У меня появилась одна мысль, пока еще очень неопределенная. Но сначала я хочу выслушать Айлена. Тебе есть что сказать?

— Да, тарис Айгер. В Ликюре и Тандоре я ничего не узнал. Кроме того, что Ворона никто не видел ни живым, ни мертвым со дня, когда он должен был отправиться в Фианту. Ни человеком, ни птицей.

— Извини, — Айгер остановил его жестом. — Вейра Илана, а вы уверены, что он покинул замок?

— Да, — ответив, я в то же мгновение засомневалась. — То есть... мы попрощались, он превратился в ворона и улетел. Вылетел с галереи замка, но...

— Понятно. Вы не знаете точно. Продолжай, Айлен.

— Вы просили обращать особое внимание на тех, кто намерен пробираться в Фианту или Илару тайно. Мой друг, хозяин постоянного двора в Тандоре, сказал, что проводник нужен какому-то странному мальчишке, больше похожему на девчонку. Я увиделся с ним, поговорил, понял, что это девушка, и выяснил, что она хочет встретиться с вами. Поэтому решил привести их к вам, а потом вернуться. Но по пути кое-что случилось. Точнее, девушки рассказали, кто они, и кое о чем спросили.

— Тарис Айгер, мы хотели знать, кто такой Йоргис, — пояснила я. — Нет, мы не знали имя, так его назвал Айлен.

— Йоргис?! — Айгер даже привстал со стула и вопросительно посмотрел на него. Однако тот молча покачал головой, и тарис снова повернулся ко мне, взглядом требуя продолжать.

— Он приезжал в замок чуть больше трех месяцев назад и разговаривал с Меаром. Приезжал с торговцами. Его видела Нетта. Немолодого человека с разными глазами. Кто он такой?

— Бывший глава Тайного совета Илары, — медленно, едва ли не по слогам ответил Айгер. — Любовник моей бывшей тещи, солы Юнии Леандры. Они втроем организовали против меня заговор. Юния, моя жена Эйра — ее дочь, и Йоргис. Еще с ними был колдун-призрак по имени Морбрунг, который воспользовался телом Йоргиса. Но это долгая история. Скажу только, что три года назад колдун силой магии был заточен в темнице замка Эсперо недалеко отсюда. Йоргис жил под надзором в своих землях на юге Илары, однако этой зимой исчез, и с тех пор его никто не видел. Надо думать, пробрался тайными тропами в Фианту, а оттуда в Полуночные земли. Не успокойтесь, пока не добьется своего.

— Или пока его не казнят, — пожал плечами Айлен. — Не сочтите за дерзость, тарис Айгер, но с ним вы обошлись намного мягче, чем с теми, кто примкнул к нему по недомыслию.

— Мне жаль, Айлен, что твой брат оказался среди заговорщиков, но их участь решил Тайный совет. И у меня не было веской причины, чтобы отменить приговор. А Йоргис... тогда мы не знали, что он тоже принимал участие в заговоре. Да и потом никаких явных

доказательств не было. Хотел бы я знать...

Закончить фразу Айгер не успел: в комнату с поклоном вошел один из пограничников.

— Прошу прощения, тарис Айгер, вас спрашивает некто Борггрин.

55

— Ты не ошибся? — Айгер сдвинул брови, и между ними прорезалась глубокая поперечная борозда. — Точно Борггрин?

— Ни в коем случае. Борггрин.

— Пусть войдет.

Я посмотрела на Айлена, но, похоже, это имя ему ничего не сказало. В отличие от Айгера, которого оно то ли напугало, то ли встревожило.

— Приветствую вас, тарис Айгер, — вошедший в комнату высокий мужчина низко поклонился, матово блеснуло просторное черное одеяние.

В его длинных темных волосах и бороде виднелись седые нити, лицо прорезали морщины, но черные, как уголь, глаза смотрели молодо.

— Приветствую вас, Борггрин, — склонил голову Айгер. — Что привело вас сюда? И как вы узнали, что я здесь?

— Вы задаете странные вопросы, — усмехнулся загадочный пришелец. — Я знал, что вы направляетесь на северную границу, когда вы еще только выехали из Мергиса. Мне ведомо даже то, что пока не известно вам. Тариса Ирина снова в тягости, и на этот раз у вас будет сын.

— Он тоже маг, — шепнула мне на ухо Нетта. — Всеведущий!

— Нет, девушка, — Борггрин покачал головой, тогда как Айгер пытался прийти в себя от неожиданной радостной новости. — Я маг, но не всеведущ. Многие из того, что уже случилось, мне открыто. Но я не в силах предвидеть будущее. Иначе придумал бы более надежный способ держать колдуна Морбрунга в заточении.

— Вы хотите сказать...

— Да, тарис Айгер. Он исчез. Сам не смог бы освободиться. Кто-то помог.

— И четырех лет не прошло, — в голосе Айгера звучали досада и горечь. — Когда-то вам удалось заточить его в Леандро на целое тысячелетие. И вы сказали: на этот раз сделаете так, чтобы он не смог вырваться.

— Я сказал, что постараюсь, — глаза Борггрина блеснули, словно под остывшими углями пробежала огненная искра. — Но я не всемогущ — так же, как и не всеведущ. А Морбрунг когда-то был членом нашего Ордена и по силе мало чем уступает мне. Эсперо отсюда в часе пути, и я подумал, вам стоит знать, что ваш враг снова на свободе.

— Простите, — смутился Айгер. — Не мне вас упрекать. После того, что вы сделали для меня и моей жены. Надеюсь, вы разделите с нами трапезу?

— С удовольствием, — маг сел на свободное место рядом со мной, и слуга тут же поставил перед ним тарелку.

— Вы позволите задать вам один вопрос? — решила я, дав Борггрину время насытиться. Исходившее от него тепло подсказало, что ему можно доверять.

Повернувшись, он пристально посмотрел мне в глаза и кивнул:

— Спрашивайте, девушка.

— Вы сказали, вам открыто многое из того, что уже произошло. Может, вам известно, что случилось с правителем Полуночных земель? Он исчез, и никто не знает, где его

искать.

— Черный ворон... — тихо пробормотал Борггрин, опустив веки. — Нейрис...

— Нейрис? — переспросила я удивленно.

— Это его настоящее имя. Он был моим учеником. Очень давно. Еще будучи обычным человеком. Что связывает вас с ним?

— Я... его невеста.

— Вы любите его? — теперь он снова смотрел на меня, так, что по телу пробежала лихорадочная дрожь.

— Да.

— А он вас?

— Н-не знаю, — запнувшись, ответила я.

— Мне открыты события из жизни тех людей, с которыми возникла душевная или духовная связь. И только в ныне существующем теле. А Нейрису я не видел более тысячи лет. Сменив за это время полтора десятка сущностей. Адепты Ордена нашли способ переносить свои души в тела людей, которые добровольно решили расстаться с жизнью, — пояснил маг, видя мое недоумение. — Мы облегчаем им уход и получаем взамен их молодые тела.

— Постойте, — вмешался Айгер. — Я хорошо помню, когда мы с Ириной были в вашем замке, вы сказали, что человеческое тело невозможно сделать бессмертным, оно стареет, как ни продлевай ему жизнь. Но как же Ворон — он ведь бессмертен?

— Не совсем так, — возразил Борггрин. — Нейрис смертен, как и все люди. Но он проклят, и время остановилось для его тела. До тех пор, пока любящая женщина не сможет снять проклятие.

— Но как? И что с ним произошло? — я умоляюще сложила руки на груди, но маг покачал головой:

— Об этом вы узнаете только от него самого. Если удастся его найти, конечно. Он не может умереть, его нельзя убить, но можно заточить так, что он никогда не выйдет из своей тюрьмы. Морбрунг призрак, поэтому его сложно удержать. А Нейрис человек из плоти и крови. Он не может пройти сквозь стены или в замочную скважину. Даже в обличье птицы.

— Послушайте, — я не собиралась сдаваться, раз уж вот так неожиданно столкнулась с самым настоящим магом. Тем более другой надежды не было. — У меня есть перо Ворона. Оно дважды спасало меня от смерти. А когда я засыпала с ним в руках, видела сны, которые подсказали, что он жив и находится в каком-то подземелье.

— Значит, между вами действительно есть особая связь, — Борггрин коснулся моей руки, и это странным образом вселило в меня надежду. — Не обещаю, что смогу, но сделаю все, что в моих силах. Если тарис Айгер позволит... нам нужно место, где никто не будет мешать.

— Думаю, все уже закончили обед, и вы можете остаться здесь, — Айгер поднялся, и все последовали его примеру. — Нам с Айленом надо поговорить, а для Нетты сейчас найдем какой-нибудь уголок, где она сможет отдохнуть.

Все вышли, двое слуг проворно убрали со стола, и мы остались одни.

— Не бойся, моя дорогая, — он жестом приказал мне лечь на узкий диванчик у стены и сел рядом на стул. — Как тебя зовут? Илана? Красивое имя. Почти как страна — Илара. Держи перо в руках, закрой глаза и думай о Вороне.

Я вытащила цепочку из-под ворота рубашки, сжала перо и вспомнила, как в первый вечер он увел меня из трапезной. Как прилетел ко мне ночью с кистью эрты. Как мы

попрощались на галерее.

Борггрин шептал заклинания, и я — с закрытыми глазами! — видела, как его руки совершают плавные движения над моим лицом. От них исходило ровное убаюкивающее тепло, и я начала погружаться в сон, похожий на легкое пушистое одеяло...

56

Я стала птицей. Большой черной птицей. Была ею — и в то же время смотрела на себя со стороны. Мощные крылья удерживали меня в воздухе, несли вперед. Темнеющие на горизонте горы быстро приближались. Похоже, я точно знала, куда направляюсь, безошибочно выбирая путь. Или нет — летела на голос, который звал откуда-то издалека. Голос Ворона. Он ждал меня.

«Илана...»

Быстро темнело, но я не останавливалась. Впереди показались смутные очертания полуразрушенного замка. Ни единого огня, обвитые ползучим кустарником стены, зияющие чернотой окна, и над всем — обвалившийся остов высокой башни. И все же было в этих руинах что-то пугающе знакомое.

Я узнала его — замок Ворона. И отстраненно подумала, что до сих пор никогда не задумывалась над тем, почему у него нет названия. Просто замок. Как и дворец в городе. Но что случилось с этой величественной горной твердыней? Что за злые чары опустошили и разрушили ее? Или я видела замок таким, каким он станет через много столетий?

Ворон — он был где-то там, в подземельях. Один, в полной темноте. Забытый всеми — даже временем и смертью. Я могла спасти его — если бы только удалось найти вход.

Бесконечные темные переходы, коридоры и галереи. Провалившиеся перекрытия, лестницы без ступеней. Ворон был рядом — совсем рядом, я снова слышала его голос, полный муки и отчаяния.

И все же я нашла — черный колодец винтовой лестницы со ступенями, искрошенными в пыль. И снова темные коридоры, по стенам которых с плеском стекала вода. И неожиданно крохотный огонек вдали. Я узнала это место — именно оно снилось мне в прошлый раз. Еще до того как покинула замок. Если б знать тогда, что Ворон так близко!

Я увидела, как черная птица закрыла голову крыльями — словно лицо ладонями. И почувствовала, что по щекам текут слезы...

В комнате было холодно — страшно холодно, несмотря на то, что в печи пылал огонь. Как будто я вышла из дома раздетая зимней ночью. Озноб скрутил меня так, что застучали зубы.

— Тише, детка, тише! — Борггрин погладил по плечу, и дрожь слегка ослабла. — Что ты увидела?

— Он в подземелье своего замка, — каждое слово давалось с трудом. — Если бы я только знала! Он был так близко, а я убежала оттуда, чтобы искать его в чужих землях. Столько времени потрачено зря!

— Нет, не зря, — возразил маг и подал мне глиняную кружку с подогретым терпким вином. От первого же глотка мир качнулся и отодвинулся. — Ты могла бы остаться там и никогда не узнать, что твой жених рядом. Теперь знаешь, где он.

Он приоткрыл дверь и позвал Айгера, Айлена и Нетту, которые сидели в большой соседней комнате с лежанками вдоль стен: видимо, она была предназначена для отдыха пограничников.

— Если вы помните, вейра Илана, у меня возникла такая мысль, — выслушав, сказал Айгер. — Что Ворон не улетел из замка. Что-то ему помешало. Или кто-то. Я говорил вам, что меня удивило.

— Помощь золы Меары, — кивнула я.

— Да. И особенно ее письмо ко мне. Моя мать умерла почти сорок лет назад. Когда рожала меня. Разумеется, я не знаю ее придворных дам, они не остались при дворе. Имя Эльды Меары мне ничего не сказало. Мало ли кто может сослаться на знакомство с моей матерью. Это письмо было не для меня. Для вас, вейра Илана. Чтобы вы поверили в ее намерение помочь вам. И убрались подальше от Тандора. А может, если повезет, и погибли бы по дороге — путь неблизкий и опасный. Тем более в это время года.

— Я все равно ничего не понимаю, — озноб по-прежнему бил меня, хотя уже и не так сильно. — Значит, она заодно с Кертом, и он только притворялся, что хочет на мне жениться? На самом деле ему тоже нужно было, чтобы я сбежала? Но зачем? Как я могла узнать, что Ворон в подземелье замка? Перо? Но о нем никто не знал.

— Я знала, Илана, — Нетта испуганно кусала губы. — Точнее, я знала, что оно у тебя есть. Но даже подумать не могла, что с его помощью Ворон может дать знать о себе. Пока ты мне сама не сказала.

— Не о тебе речь, Нетта, — поморщилась я. — Можно подумать, тебя кто-то подозревает.

— Мне кажется, мать Меара вела свою игру, — предположил Айлен. — Независимо от сына. Ей нужно было убрать тебя подальше. Не ему. Но как со всем этим связан Йоргис? Не просто так он там появился, это уж несомненно.

— Беда в том, что я не знаю, когда Морбрунг покинул Эсперо, — с тяжелым вздохом сказал Борггрин. — После нашей встречи, тарис Айгер я искал его целый год. И обнаружил неподалеку отсюда. Между нами произошла схватка, и я одолел его. С помощью чар, конечно. На короткое время он стал видимым и неподвижным. Мне нужно было доставить Морбрунга в такое место, где он остался бы — по возможности! — навсегда. Замок Эсперо заброшен, хозяин и два его сына скончались от жары.

— Я знаю, — кивнул Айгер. — Сейчас он в собственности государства, и это очень накладно для казны. Но никто не хочет жить в горных замках, да еще на границе с Фиантой. Разве что подарить кому-нибудь принудительно?

— В Эсперо есть подземная темница, — от этих слов мага я вздрогнула, снова вспомнив свой сон. — Я заточил туда Морбрунга и наложил на дверь заклятье. Однако сила чар слабеет со временем. Год назад один из магов Ордена побывал здесь, тогда Морбрунг был на месте. Возможно, после этого Йоргис нашел его и каким-то образом освободил. Либо наоборот — Морбрунг освободился сам и нашел Йоргиса. Они оба хотят одного — власти. К тому же Морбрунг и Нейрис давние враги. С тех пор как оба жили в Эмфри — замке Ордена. Но как все это связано между собой?

— Об этом мы не узнаем, — в голосе Айгера зазвучал металл. — Не узнаем, пока не окажемся в Тандоре и все не выясним.

57

— Вы хотите отправиться в Тандор, тарис Айгер? — Айлен с сомнением теребил бороду. — Не слишком ли это опасно?

— Не опаснее большой войны, которая стала пугающе возможной, — отрезал Айгер. — И возможность эта станет реальностью, если мы не найдем Ворона.

— А вы что скажете? — Айлен перевел взгляд на Борггринна.

— А что я могу сказать? Если Морбрунг имеет какое-то отношение к исчезновению Нейриса, отчасти это и моя вина. Конечно, я мог бы сказать, что заботы Ордена для меня важнее, но и Морбрунг, и Нейрис когда-то входили в него. Было бы постыдно сделать вид, что их судьбы меня не касаются. Не говоря уже о том, что эта милая девушка не сможет одна попасть в замок.

— Ну почему же, сможет, — усмехнулся Айлен. — Вот только, скорее всего, встретится в темнице со своим женихом, где и останется. Либо на ней женится этот правитель-самозванец. Надеюсь, вы не будете возражать, если я тоже поеду с вами? Мне все равно надо возвращаться в те края.

— Как же без тебя, Айлен? Сколько мы уже вместе?

— Пятнадцать лет. С того самого момента, когда вы поймали нас с братом на тайной тропе неподалеку отсюда.

— Да. Я пообещал сбросить вас в пропасть. А обернулось все вот как... Ну вот что, — он встал и прошел по комнате взад-вперед. — Сейчас я пошлю гонца в Мергис. Все будут знать, что я отправляюсь в Тандор для встречи с новым правителем. Это не должно вызвать у него подозрений. Однако придется держать путь через Эллею. Фианта для нас теперь опасна. Несколько лишних дней — но ничего не поделаешь.

Я вздохнула тяжело. Как только стало известно, что Ворон томится в подземелье собственного замка, каждая минута промедления казалась мне ужасной. Тем не менее, Айгер был прав. Не хватало, чтобы и он попал в плен.

А еще я старательно отгоняла прочь мысли о том, что могла ошибиться. Что увидела в магическом сне какой-то совсем другой разрушенный замок и приняла его за тот, в котором прожила чуть больше месяца. И что все мои сны совершенно ничего не значат. Стоило только поддаться им — и я уже не справилась бы с унынием.

Нет, теперь все должно быть хорошо. Вряд ли Эльда думала, что я действительно доберусь до Айгера. Наверняка рассчитывала, что в Илару мне не попасть. Получилось, что перехитрила саму себя. И теперь у меня есть такой союзник, лучшего которого и не придумаешь. А еще маг — и не просто какой-то там, а глава магического Ордена!

Нейрис... Я повторяла про себя это имя, словно пробовала на вкус. И — удивительно! — вдруг поверила, что все у нас получится, что мы найдем его.

— Но как мы попадем в замок? — робко спросила Нетта. — Когда к правителю приезжали какие-то гости из других стран, он принимал их в городском дворце.

— Если я буду мил и любезен, а потом пообещаю ему военный союз, разве Меар откажет мне в такой малости: увидеть замок пайгримов, о котором я столько слышал? — улыбка Айгера была похожа на стальной клинок. — А если все-таки откажет, ему же хуже. Ведь с нами искусный маг. Не так ли, Борггрин?

Колдун буркнул, что даже с самым искусным магом можно справиться, если застать его врасплох, но... да, если Меар откажется показать Айгеру замок, придется что-то придумать. Особенно для нас с Неттой: вряд ли удастся выдать нас за юношей из свиты.

Гонец на самой быстрой лошади помчался в столицу с приказом Айгера: пяти членам Тайного совета и двум десяткам придворных со слугами и гвардейцами немедленно отправиться к Западным горам.

— К утру он будет в Мергисе. За несколько часов эти бездельники соберутся и выступят всей толпой к городку Осме у подножья. Если мы выедем после завтрака, окажемся там примерно в одно время — поздно вечером. Переночуем в доме городского правителя и поднимемся к пограничному переходу в Эллею. Ну а дальше по обстоятельствам.

— А зачем столько народу? — удивилась я. — Ведь надо кормить их и лошадей, устраивать на ночлег.

— Правителю богатой и сильной страны не пристало отправляться в дальний путь как нищему бродяге, — вместо него ответил Айлен. — К тому же чем больше свита и чем больше народу их видит, тем сложнее и его куда-нибудь в подземелье спрятать. Вот отправился бы Ворон в Фианту по-человечески, а не по-птичьи, глядишь — и добрался бы туда благополучно. И обратно тоже. К тому же на такую толпу, да еще с вооруженными гвардейцами, разбойники не решатся напасть. Ведь ты же не думаешь, что мы вернемся в Ликур теми же тропами, что шли оттуда? Если, конечно, ты не соскучилась по пайгримам.

Вот уж с этим точно было не поспорить. Насчет того, что Ворон слишком понадеялся на свою магическую силу. И с пайгримами мне совсем не хотелось больше встречаться.

Весь остаток дня Айгер и Айлен занимались какими-то своими суровыми мужскими делами. Борггрин заявил, что ему надо подумать, и ушел гулять по дороге, спускающейся в долину Илары. Мы с Неттой просто отдыхали от своих приключений, греясь у печи и лениво перебрасываясь редкими фразами ни о чем. Сейчас мне не

хотелось ничего — ни разговаривать, ни даже думать. Только расслабиться, набраться сил для продолжения пути и для тех испытаний, которые ждали впереди.

Вечером после раннего ужина все сразу легли спать: отправляться в дорогу собирались на рассвете. Мне устроили постель на диване, который превратился в довольно удобную кровать, Нетте — на двух сдвинутых лавках. Мужчины ушли в другую половину, где на лежанках спали караульные.

— Никогда бы не подумала, что правитель может вот так уступить свою комнату двум простым женщинам и ночевать вместе с солдатами, — тихо сказала я Нетте, кутаясь в тонкое одеяло.

— Ну, ты не совсем уж простая женщина, Илана, — рассмеялась она. — Да и тарис Айгер не совсем обычный правитель. Айлен говорил, что он, еще будучи младшим принцем, много лет командовал пограничными отрядами и всегда был вместе со своими подчиненными.

В темноте я не могла видеть ее лица, но это «Айлен» прозвучало так, что мне все стало ясно.

— Нетт, ты влюбилась! — это был не вопрос.

— Наверно, — смущенно ответила она.

58

Путь, который нам предстоял, был вдвое длиннее того, что мы уже проделали. Илара представляла собой огромную равнину, со всех сторон опоясанную высокими горами. Мы должны были спуститься в долину, проехать ее наискось с севера на запад, снова преодолеть горный перевал и опять повернуть на север — через всю Эллею. Там Айгер рассчитывал пересечь границу с Ликуром. Поскольку уже знакомая нам с Неттой короткая, но опасная дорога не годилась для большого отряда, нужно было вернуться южнее и уже там въехать в Тандор.

— Так обычно бегут по лесу зверовые собаки, — усмехнулся в бороду Айлен и подмигнул Нетте, от чего та порозовела и загадочно улыбнулась. Похоже, у них уже завелись какие-то свои тайные знаки и понятные только им намеки.

Дорога, ведущая от пограничного перевала вниз, оказалась неширокой, ехать по ней можно было не более чем попарно, поэтому процессия растянулась. Впереди следовали двое гвардейцев в зеленых плащах, за ними Айгер и Борггрин, мы с Неттой, еще двое гвардейцев, а замыкали шествие Айлен и слуга Айгера.

Нетта с блаженной улыбкой витала где-то в облаках, время от времени поглядывая через плечо назад.

— Боюсь, ты скоро меня покинешь, — заметила я.

— Не знаю, Илана, — вздохнула она. — Не хочу сейчас об этом думать. Прости. Я понимаю, тебе очень тяжело, но...

— Перестань. Радуйся, пока можешь. Сейчас, сегодня. Никому не известно, что будет завтра. А я порадуюсь за тебя.

— Спасибо! Знаешь, — Нетта заставила коня еще больше приблизиться к моему и перешла почти на шепот, — в Иларе ведь только два сословия, высшее и низшее. Браки между высшими и низшими запрещены, как и у нас. Тарис Айгер хотел дать Айлену за его заслуги титул, но тот отказался. Сказал, что с удовольствием примет его, но только когда женится. Вдруг это будет женщина из низших, тогда она тоже станет солой — так говорят у них. Соль и сола — похоже на наше, да?

— Да, — согласилась я, — их язык мало чем отличается от нашего. Я понимаю все, кроме некоторых слов. Ну и говорят они немного иначе. Более жестко, отрывисто. И медленно, иногда даже хочется подтолкнуть. Послушай, я не стала бы говорить об этом, но раз уж ты сама начала... Ты думаешь, Айлен способен усидеть дома с женой и кучей сопливых детей? Ведь он же...

— Бродяга? — по ее лицу гуляла такая блаженная улыбка, что я поняла: ее не испугает ничто. Во всяком случае, сейчас точно. — Если понадобится, буду ждать. Послушай, Илана, ты, наверно, думаешь, что я сошла с ума. Может быть, немного. Я не знаю, что будет. Мы ни о чем не говорили. Я влюблена в него, да. Он? Не знаю, надеюсь, что тоже. Но пока мне достаточно одних своих чувств, чтобы радоваться. Это длится так недолго, но... ни на что не похоже.

Она была права. Действительно в самом начале влюбленности тебе ничего не нужно от своего избранника, достаточно того, что он есть. Проходит быстро, но это так остро и так волшебю!

Дорога мало отличалась от той, по которой мы поднимались к перевалу. Кроме одного: за ней следили. Убирали скатившиеся со склонов камни, засыпали промоины, обозначали вешками опасные места. Во всем чувствовалась рука заботливого хозяина, который не упускает ни единой мелочи. То же я увидела и на равнине: ухоженные поля, сады, луга, дороги. Урожай убран, все подготовлено к работам следующего года. В деревнях, через которые мы проезжали, не было убогих покосившихся лачуг, как в той же Фианте. Даже самые скромные дома, аккуратно покрашенные, выглядели нарядно.

— Как у вас все красиво, — с восхищением сказала я Айгеру, когда мы остановились передохнуть. Он сидел на поваленном ветром дереве и подвинулся, чтобы я могла сесть рядом.

— У вас иначе? — заметив мое удивление, он пояснил: — Я не так давно стал правителем. И в Полуночных землях ни разу не был. С Вороном мы встречались в Фианте и Скарписе.

— Значит, или вы такой замечательный хозяин, или вам досталось прекрасное наследство. Тандор всегда был богатым, а вот Ликур — напротив, бедный и слабый. Там живут только за счет того, что выращивают на полях и продают туда, где больше гор и земли не такие плодородные. Ворону даже за тысячу лет не удалось это выправить.

— Со мной, скорее, второе, — рассмеялся Айгер. — Илара — богатая и процветающая страна, горы защищают ее от холодных ветров и от захватчиков. Если бы не вспышки болезни, от которой вот уже много столетий не могут придумать лекарства, мы были бы еще более богатыми и сильными.

— Я слышала, что больным переливают кровь женщин, которые уже переболели?

— Да, — по его лицу пробежала тень. — Но только дочерей или матерей. Не у всех они есть.

Я вспомнила то, что услышала в общей комнате постоялого двора, и не смогла удержать любопытство:

— Говорят, вы заболели и поправились без переливания.

— Это правда, — Айгер еще больше помрачнел. — Но только благодаря магии.

— Простите, если я спрашиваю что-то неуместное, но почему нельзя этой магией лечить всех остальных? У нас многое совершается с помощью магии Ворона.

— Его магия светлая, вейра Илана, — он покачал головой. — А я был исцелен черной. Тем самым колдуном Морбрунгом, призраком, захватившим тело Йоргиса, главы Тайного совета. Но это долгая и запутанная история. Возможно, когда-нибудь вы ее узнаете. А пока... не только у правителя Полуночных земель есть мрачные тайны.

— Простите, — смущенно повторила я, понимая, что затронула неприятную для Айгера тему, и поспешила заговорить о другом: — Я так и не поздравила вас с будущим наследником. Из слов Боргтрина я поняла, что у вас уже есть дочери?

— Да, две девочки, близняшки Низа и Эйла. И сын Барт от первой жены.

— И у меня есть сестра-близнец, — вздохнула я. — Ее зовут Лилла. Но это тоже долгая и мрачная история. Мне жаль, что вам пришлось из-за нас отправиться в далекий и опасный путь. Да еще в такой момент, когда лучше было бы находиться рядом с женой.

— Я уже говорил, Илана, но ты, наверно, не обратила внимания, — он внезапно перешел на ты, и от его холодного прищуря мне стало не по себе. — Если мы не освободим Ворона и не остановим Отрана, войны не миновать. И тогда плохо придется всем. А Иларе — хуже всех. Так что я поехал не только ради тебя и его. Ради своих детей и жены, ради всех жителей своей страны... А теперь нам пора. Еще один переход, и мы будем в Осме, где отдохнем как следует.

59

Осме меня очаровал. Это был крохотный городок у подножья гор, по размеру вряд ли превосходящий большую деревню. Он напоминал игрушки, которые вырезали из дерева искусные мастера, я видела такую у одной из подруг Лиллы. Каждый дом в Осме отличался от другого, они радовали глаз яркими цветами стен и крыш и необычными украшениями.

— Здесь нет улиц, — пояснил Айгер: при въезде в город мы оказались рядом, — но зато у каждого дома есть название. Так и говорят: я живу «У золотой чаши». Или «У толстого мельника».

— А как называется дом городского правителя? — рассмеялась я.

— «У красного сапога». Зовут правителя соль Гатус Местро, мы с ним давние приятели. Хотя вряд ли он обрадован такому внезапному визиту тариса со свитой. Законом ему вменяется нас накормить и приютить на ночь в своем доме, а Гатус прижимист. Но куда деваться? Кстати, судя по тому, что городишко напоминает разворошенное гнездо насекомых, наши спутники уже здесь.

— А сколько их всего?

— Ну... — задумался Айгер. — Двадцать пять придворных, по одному слуге каждому и гвардейцев человек пятнадцать.

— Высшие силы! — ахнула я. — шестьдесят пять человек и нас десять! Я понимаю, почему соль Гатус должен быть в печали.

— Ну, это скромно, Илана. Конечно, раньше мне чаще доводилось путешествовать одному или с Агрифом — моим слугой. Но обычный государственный визит предполагает не меньше сотни человек свиты, охраны и слуг. У Гатуса переночуем только мы пятеро с Агрифом и члены Тайного совета со слугами. Всем остальным придется разместиться на постоялом дворе. Тесновато им там будет, согласен, но ничего не поделаешь. Никто не говорил, что служба при тарисе — это просто.

Похожий на шарик соль Гатус, румяный, с пушистыми кудряшками вокруг розовой лысины, выкатился на крыльцо встретить нас. Дом у него был довольно большой, трехэтажный, а над входом висел вырезанный из дерева и выкрашенный в красный цвет огромный сапог.

— Добро пожаловать, милостивый тарис Айгер, — замер он в низком поклоне. — Ваши придворные уже здесь, ждут вас.

Мы вошли в большую гостиную, и пятеро мужчин в богатых одеждах проворно вскочили с диванов, торопясь поклониться Айгеру.

— Приветствуем вас, тарис Айгер, — вперед выступил один из них, пожилой, худощавый, с коротко подстриженными седыми волосами. — Ждем ваших распоряжений.

Айгер кивнул и повернулся к Гатусу, глядя на него вопросительно.

— Сейчас будет подан ужин, — затараторил тот. — Потом вам всем покажут комнаты и принесут горячей воды для умывания.

За ужином все таращились на меня и Нетту в мужской одежде. Борггрин в его длинном балахоне и Айлен, на вид мало чем отличавшийся от простого бродяги, наверняка вызывали не меньше недоумения. Нетта, впервые оказавшаяся в таком обществе не в качестве прислуги, сначала оробела и хотела спрятаться где-нибудь в темном уголке, но Айгер строго приказал ей быть рядом со мной. В том числе и за столом. К моему

удивлению, она быстро освоилась и вскоре начала держаться уверенно.

— Из тебя получилась бы неплохая зола, то есть сола, — шепнула я ей, и Нетта — не без удовольствия — покраснела.

После недолгого ужина слуги правителя развели всех по комнатам. Подъем предполагался ранним, на рассвете. Завтрак — и снова в путь, к пограничному перевалу. Нам с Неттой досталась маленькая комнатка, почти каморка с одной кроватью. Вторая постель была устроена на большом сундуке. Тут уж я не могла позвать Нетту к себе, поскольку кровать выглядела узкой и для одного человека.

— Наконец-то можно будет помыться, — простонала я, расстегивая куртку, и в этот момент в дверь постучали. — Вот, наверно, несут воду.

Но это оказался Борггрин.

— Могу я поговорить с тобой, Илана? Пока никто не мешает.

— Говорите здесь, — предложила Нетта. — А я пойду насчет воды потороплю. Очень спать хочется.

— Для Айгера это не секрет, но не хочу напоминать ему о неприятных событиях, — сказал Борггрин, когда дверь за ней закрылась. — Пока нет прямой необходимости. А остальным знать вообще ни к чему. Я думал о том, что вы с Неттой рассказали. О появлении Йоргиса в замке Нейриса. Скорее всего, он был не один. Точнее, это был Морбрунг в его теле. Понимаешь, когда-то он завладел сущностью Йоргиса, и тот даже не подозревал, что им управляет чужая воля. С тех пор между ними неразрывная связь, и Морбрунг может входить в его тело, когда захочет, пока не найдет для себя новое обиталище. Я предположил, что Йоргис мог освободить его из темницы, но зачем ему это? Скорее, Морбрунг сумел снять мое заклятие и сам нашел Йоргиса.

— То есть вы хотите сказать, что в замок Ворона к Керту приезжал Морбрунг? — удивилась я. — Под видом Йоргиса? Но зачем?

— Детка, ты, видимо, слушала меня невнимательно. Морбрунг всегда жаждал двух вещей: вечной жизни и власти. Вечной власти, так вернее. Но способ бессмертия нашего Ордена его не устроил. Мы используем силу смерти, однако можем получить новые тела, только если их отдадут добровольно. Он нашел способ применять силу зарождения жизни. Ты девственна, и я не хотел бы смущать тебя, поэтому скажу в самых общих словах. Близость мужчины и женщины обладает огромной магической силой, потому что может породить новую жизнь. Используя тело Йоргиса, Морбрунг способен установить особую связь с любой женщиной, с которой тот будет близок. А потом, через нее, — с другим мужчиной, ставшим ее любовником. И сможет войти в его тело, полностью им управляя. Так он пытался заполучить тариса Айгера и Илару, но не смог. Теперь его цель — Полуночные земли. Наверняка не последняя цель.

— Но... — я совершенно растерялась. — Мне непонятно, Борггрин. Почему все так сложно? Если он хотел власти над Тандором и Ликуром, зачем ему Керт? Почему не Ворон?

— Морбрунг — мастер сложной и запутанной игры, — усмехнулся маг. — Она сама по себе доставляет ему удовольствие. Да и с Нейрисом у него ничего бы не вышло, поскольку тот защищен магией. Керт — другое дело. В отсутствие законного правителя трон достанется ему. Скажи, Илана, есть в замке женщина, с которой он близок?

— Высшие силы... — в замешательстве я прижала руку к губам. — Андра...

60

Полночи я провертелась без сна. Кровать отзывалась скрипом на каждое движение.

— Илана, спи уже, — проворчала с сундука Нетта. — А то завтра уснешь в седле и свалишься в пропасть.

Легко сказать!

Конечно, непонятного было много, но все равно рассказ Боргррина кое-что расставил по своим местам. Это был похоже на набросок рисунка грифелем, в котором сложно рассмотреть будущую картину. Я пыталась выстроить события в строгой последовательности, старательно обходя ямы на дороге.

Год назад, по словам Боргррина, Морбрунг еще находился в подземной темнице замка Эсперо. Зимой этого года Йоргис исчез из своего поместья, где жил под присмотром. Надо думать, Морбрунгу удалось освободиться как раз в промежутке между посещением Эсперо магом из Ордена и бегством Йоргиса из-под надзора. Видимо, сбежал последний уже в компании колдуна, который снова вселился в его тело и стал им управлять.

А до этого Морбрунг намеревался захватить Айгера и таким образом стать правителем Илары. Неужели пытался соблазнить его жену? Как я поняла, овладев женщиной с помощью тела Йоргиса, он получал доступ к телам следующих ее возлюбленных? Йоргис?! Судя по описанию, он был не слишком-то привлекателен — немолод и некрасив, одни разноцветные глаза чего стоили! Или, может, присутствие призрака делало его магически притягательным для женщин?

Ладно, неважно. Где-то три с лишним месяца назад Йоргис-Морбрунг появился в замке. Нет, это Нетта видела его три с лишним месяца назад. Кто знает, может, он приезжал и раньше. Кто был его целью? Керт или все-таки Ворон? Боргррин сказал, что Ворона защищает магия, но знал ли об этом Морбрунг?

Знал или нет — неважно. Добраться до Ворона было невозможно и по другой причине. На то время отбор невест еще только предстоял. Невесты должны были быть девственницами, и ни одна из них не променяла бы возможность стать супругой правителя на ухаживания какого-то приبلудного колдуна в потрепанном, если не сказать жутком, облике. Да он к ним даже подойти близко вряд ли смог бы. Сразу бы возник вопрос: а кто ты такой?

Иное дело Керт. Законный претендент на трон в отсутствие правителя. Молодой привлекательный мужчина, постоянно живущий в замке и наверняка имеющий возлюбленную. У которой, возможно, есть какие-то слабые места. Не зря же Боргррин сказал, что колдун любит сложную, запутанную игру.

Чтобы разведать все, в замок сначала мог отправиться Морбрунг-призрак. Что ему подъемные мосты и кованые ворота? Везде проникнуть, все подглядеть, подслушать, разузнать. Например, что у Керта связь со швеей Андрой, которая от него без ума. И которая законной женой стать все равно никогда не сможет.

Для начала надо было как-то войти к ней в доверие. Кто это мог быть — извне? Только торговец. И торговать он должен был тем, что необходимо в ее ремесле. Например, материалом для белья и сит. Для сит со шнуровкой нужна была особая лента, ее привозили из Фианты.

— Нетта, ты спишь? — тихо спросила я.

— Сплю, — сонно пробормотала она. — Что случилось?

— Помнишь, ты говорила, что Керту кто-то передал письмо? Это было до того, как ты видела Йоргиса, или после?

— Не помню. Кажется, раньше. Или нет? Нет, раньше, точно.

Она отвернулась к стене и тихо засопела.

И тут сходилась. В замок не писали писем, но кто-то из торговцев мог передать записку от другого — якобы! — торговца, который предлагал эту самую особую ленту для сит. Керт мог спросить Андру, нужна ли ей такая, та ответила, что нужна. Получив согласие, устное или письменное, Йоргис приехал уже сам и договорился о заказах. С Кертом и, возможно, с Андрой. И то, что Нетта его потом больше не видела, ни о чем не говорило. Ведь не постоянно же она ходила забирать заказанные товары.

Все это, конечно, были лишь мои предположения, но они выглядели вполне правдоподобными. Хотя мне никак не удавалось придумать, что же могло заставить Андру согласиться на близость с колдуном. Или, может быть, он вынудил ее силой? Но

вряд ли такое осталось бы никому не известным.

Вспоминая, каким Керт был в первые дни моей жизни в замке и каким стал в последние, я почти не сомневалась, что им кто-то управлял. Мне и раньше так казалось, но в голову не приходило, что делать это могли не извне, а изнутри. То, что вселилось в его тело. И, кстати, тут был простой ответ на вопрос, почему же Ворон держал Керта при себе, как не распознал в нем предателя при всей своей магической проницательности.

Да потому и не распознал, что не было в Керте этого раньше.

А вот все дальнейшее выглядело еще большей головоломкой. В том числе и роль Эльды во всей этой истории. Была ли она заодно с сыном или вела какую-то свою хитрую игру? Знала ли о том, что Ворон находится в замке?

Уснула я, когда темнота за окном начала сереть, и тут же — как мне показалось — Нетта потрясла меня за плечо:

— Илана, пора, просыпайся!

После быстрых сборов и такого же быстрого завтрака мы вышли на площадь, где ждали остальные придворные, еще мне незнакомые, слуги и гвардейцы. Ну и свежие горные лошади, конечно. Я уже начала привыкать к этой постоянной смене одних на других. Как объяснил нам с Неттой Айлен, в дальние путешествия редко отправлялись на своих любимых лошадях. В каждом зажиточном доме в конюшне стояли несколько таких, которых не жаль было оставить в предгорье, а потом снова поменять горных на равнинных. Плату за эту услугу брали немалую, так что хозяева сменных конюшен были в своих деревнях и городках в числе самых состоятельных людей.

Еще накануне вечером, когда мы только подъезжали к Осме, Айгер сказал нам с Неттой:

«Никто не должен знать, кто вы такие. Для всех вы спутницы Борггринна из Полуденных земель».

Так нас и представили Гатусу и придворным, вчера и сегодня. Посматривали на нас кто с любопытством, кто с подозрением, но особо вниманием не докучали. И то, что в процессии мы заняли место за Айгером и Борггринном, никого не удивило. От последнего вообще все старались держаться подальше — кто знает, чего ждать от колдуна!

61

Нетта была права. Глаза после бессонной ночи закрывались сами. И даже когда я держала их широко распахнутыми, все равно время от времени начинала видеть какие-то призрачные... нет, прозрачные сны, поверх яви. Лошади горной породы: приземистые, мохноногие, с широкой спиной — уверенно шли знакомой дорогой и вполне могли обойтись без управления. Но я действительно боялась уснуть и мешком свалиться под копыта.

Борггрин словно почувствовал что-то. Обернулся через плечо раз, второй, посматривая на меня, потом тихо сказал что-то Айгеру. По цепочке назад, от одного к другому, полетел приказ остановиться. Спешившись, маг подошел ко мне. В складках его черного балахона обнаружилась кожаная сума, из которой он достал маленький полотняный мешочек.

— Ты плохо спала, Илана, и сейчас едва борешься со сном, — то ли спросил, то сделал вывод он.

Я молча кивнула.

— Это очень опасно в горах. Высуни язык.

Я послушно наклонилась, открыла рот, высунула язык, и он насыпал на него щепотку бурого порошка с резким кислым вкусом. Айгер протянул флягу с водой, чтобы я смогла запить.

— Этого хватит до вечера, — Борггрин повернулся к нему. — Но как только стемнеет, она уснет и не проснется до рассвета. Если до заката не найдем места до ночлега, придется

везти ее в повозке.

— В сторону Эллей горы уходят далеко, — с сомнением покачал головой Айгер. — Боюсь, к деревне мы спустимся уже в сумерках.

Через несколько минут я почувствовала такой прилив бодрости, что, наверно, смогла бы бежать впереди отряда до самого подножья гор, ни разу не передохнув. Хотелось кричать, петь и смеяться без причины. Показалось, что стала вдруг легкой, как пушинка, и взлечу, если не буду держаться за узду.

— С тобой все хорошо, Илана? — с беспокойством спросила Нетта.

— Еще как хорошо!

Около полудня мы остановились отдохнуть и пообедать на небольшом плато, которое пересекал быстрый ручей.

— Что это за снадобье? — спросила я Борггрена. — Никогда еще не чувствовала себя такой сильной и бодрой.

— Это высушенный горный лишайник. Он растет только в окрестностях нашего замка Эмфри. Незаменимое средство в трудных походах, когда нужны силы и ясная голова. Но его нельзя использовать часто, иначе потом не сможешь спать без него.

Как только солнце начало садиться, на меня снова навалилась дремота.

— Не успеем, — с тревогой сказал Айгер. — Уже недалеко, но все равно не успеем. Передайте назад, пусть сюда подгонят повозку из обоза.

Обоз — это, конечно, было громко сказано, но несколько повозок с припасами и прочими необходимыми вещами ползли за нами сзади. Содержимое одной из них спешно перегрузили на другие и подогнали ее к нам. Хотя я и уверяла, что еще вполне могу ехать верхом, меня заставили сесть в нее. Чувствовать себя в центре внимания такого количества народа было неприятно. Наверняка все думали: что за неженка такая, не может и дня в седле провести. И не только думали, но и обсуждали это.

Деревня уже показалась внизу, когда солнце скрылось за горизонтом. Еще было достаточно светло, чтобы ехать без факелов, но сон затягивал меня, как болото. Я подгрелась под себя сеном, легла и моментально провалилась в черную яму.

Мне что-то снилось — несвязное, обрывчатое. То я куда-то бежала, то сидела в саду под кустом эрты, то блуждала по бесконечным темным коридорам. А потом сон вдруг стал отчетливым и пугающе похожим на реальность.

Огромная спальня, разобранная постель, тускло мерцающий в полумраке светильник. Я — в бледно-голубом платье и таком же покрывале невесты на голове. Кто-то входит — я вижу мужчину в черном ирме без рукавов и белой рубашке. Темные волосы и маска на лице. Ворон? Но вместо радости и нетерпения я чувствую дикий страх. И холод — чудовищный, сковывающий настолько, что невозможно пошевелиться.

Он подходит ближе, грубо притягивает к себе, прижимает так, что я не могу взглянуть ему в лицо. Приказывает тихим шепотом: «Сними с меня маску, Илана!» Не в силах противиться, я с трудом поднимаю руку и стягиваю маску. Светильник вспыхивает ярко, и я вижу лицо с глубоко прорезавшимися морщинами. Голубой глаз сверкает, как лед в лунную ночь. Карий, почти черный, похож на бездонную пропасть, которая так и тянет к себе...

Я проснулась с диким криком, задыхаясь от ужаса. Сердце колотилось так, словно хотело проломить ребра и ускакать. В мутное окошко крохотной комнаты пробирались солнечные лучи, в которых плясали пылинки. Я лежала на жесткой неудобной кровати, рядом на лавке спала Нетта. Мой крик разбудил ее — она села, часто моргая.

— Что с тобой, Илана?

— Приснилось... — прошептала я непослушными губами, замерзшими во сне.

Что-то было не так. Что-то изменилось.

— Где мы?

— В предгорье. Не запомнила, как называется деревня, — Нетта зевнула. — Айлен принес тебя сюда из повозки. Это дом главы общины. Здесь только мы, Айгер и Борггрин, остальные ночуют на постоялом дворе и в палатках.

— Как здесь холодно, — поежилась я, кутаясь в тонкое одеяло.

— Холодно? — удивилась Нетта. — А по-моему, даже жарко.

И вдруг я поняла, в чем дело. За последнее время стало привычным, что я чувствую исходящее от людей тепло или холод и испытываю при этом доверие или недоверие. Еще вчера было так. Но сейчас все исчезло. Холод — он шел не от Нетты. Я словно замерзла в жутком сне и никак не могла согреться. Но не было и обычного идущего от нее тепла.

Я машинально дотронулась до груди. Куртка оказалась доверху застегнутой. Расстегнув две пуговицы, я нащупала цепочку. Пустую!

Перо Ворона исчезло.

62

— Нетта, — прошептала я. — Перо... его нет.

Ахнув, она вскочила с лавки, подбежала ко мне, схватила за руки.

— Может, отцепилось и упало?

— Куда? — простонала я с отчаянием. — Рубашка заправлена в штаны, куртка застегнута.

На всякий случай, встав с кровати, я сняла куртку, рубашку, встряхнула. Стянула штаны, вывернула наизнанку: вдруг перо провалилось в штанину. Забралась рукой в сапоги. Потом мы с Неттой перевероростили всю постель, хотя и понимали, что это бесполезно.

— Я не могла его потерять! Когда вчера садилась в повозку, оно точно было на месте.

— Илана, ты была у всех на виду. Никто не приближался к повозке, пока мы не оказались в деревне. Возничий сидел на козлах, даже не оборачивался. Потом Айлен взял тебя на руки и принес сюда. Я шла за ним. И увидела бы, если б он... Или, может, ты думаешь, это я? Пока ты спала?

— Нетта, ради высших сил, прекрати! — прикрикнула я. — Одевайся. Иди и приведи сюда Борггрина.

— Может, Айгера? — робко предложила она.

— Нет. С Айгером потом. Сначала Борггрина.

Пока их не было, я напряженно думала, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать грызть ногти по детской привычке, от которой давно избавилась.

О том, что у меня на груди перо Ворона, знали четверо. Нетта, Айлен, Айгер и Борггрин. Кто-то из них? Но это безумие. В отряде есть лазутчик Керта? Не меньшее безумие. Да и как бы он смог подобраться ко мне незаметно?

Наконец Борггрин вошел в комнату, за ним мышкой прошмыгнула Нетта. Видимо, она уже успела обо всем рассказать, поскольку маг ни о чем не стал меня спрашивать.

— Если ты уверена, что до вчерашнего вечера перо находилось у тебя, значит, похитить его могли только здесь. Ты должна была спать так крепко, что не почувствовала бы, даже если бы кто-то украл тебя саму. Помнишь ли ты, что тебе снилось?

— Да, — я подробно пересказала свой сон.

— Значит, Йоргис... — Борггрин задумчиво поглаживал бороду. — Что ты чувствовала во сне?

— Страх. Я ведь думала, что это Ворон, но мне было страшно.

— А холод? — он взволнованно подался вперед, так, что я отпрянула.

— Да. Очень сильный. Такой, что я не могла согреться, даже когда проснулась.

— Все ясно... Здесь побывал Морбрунг. Призрак. Страх и холод — знак того, что он рядом. К счастью, если можно так сказать, ему не удается оставаться незамеченным — хоть он и невидим.

— Но разве призрак может украсть что-то? — удивилась Нетта.

Борггрин посмотрел на нее в упор, пожевал губу и вдруг, резко нагнувшись, заглянул под лавку, на которой она спала. Хмыкнул, что-то подобрал и протянул мне на ладони. Черные обрывки пера.

— Нетта... — ахнула я.

Она побледнела, потом покраснела, глаза наполнились слезами.

— Но я... — голос дрогнул и сорвался, слезы потекли по щекам.

— Нет, — я покачала головой. — Это не ты. Если бы это был кто-то из вас четверых, вы задумали бы украсть перо раньше. И я бы почувствовала, что вам нельзя доверять.

— Ты ошибаешься, Илана, — возразил Борггрин. — Это была именно Нетта. Но ее вины тут нет. Что ты помнишь? — он повернулся к ней.

— Ничего, — всхлипнула та. — Я легла и сразу уснула.

— Что ты видела во сне?

— Не помню.

— Сядь! — приказал он. — Прислонись к стене, чтобы была опора. Закрой глаза, — он водил руками рядом с ее лицом и что-то шептал, как делал это со мной. — Ты уснешь и вернешься в свой ночной сон. Ты слышишь меня, Нетта?

— Слышу, — голос звучал тихо и глухо, словно со дна колодца.

— Где ты?

— В комнате. На лавке.

— Что ты видишь?

— Ничего. Здесь темно. Очень страшно. И очень холодно. Здесь кто-то есть. Кто-то в углу.

Нетта замолчала.

— Что дальше? Что ты делаешь? — настойчиво продолжал спрашивать маг. — Опустись еще ниже. Туда, где спрятано то, что тебе было приказано забыть.

— Я встаю, — Нетта перешла на сдавленный шепот. — Подхожу к Илане. Она спит. Расстегиваю куртку. Достая из-под рубашки перо. Снимаю с цепочки. Ломаю. Бросаю под лавку. Застегиваю куртку. Ложусь.

Борггрин резко взмахнул рукой, едва не коснувшись ее лица. Нетта вздрогнула и открыла глаза. И снова залилась слезами.

— Перестань! — я села рядом и обняла ее. — Ты ни в чем не виновата. Это черная магия. Он заставил тебя. Может быть, пытался со мной, но перо не позволило. Вот только как он узнал, что оно у меня?

— Я никому не говорила!

И вдруг я вспомнила. Да так отчетливо, как будто это произошло вчера.

— Веда! Она видела у меня перо в книге. Кажется, это был второй день в замке, она зашла ко мне в комнату. Спросила, не Ворона ли случайно. И я ответила, что да. Не уточнив, правителя или какой-то обычной птицы. Откуда ж мне было знать, как все обернется. Веда — тоже невеста Ворона, из Ликура, — пояснила я для Борггрину. — И она меня ненавидит. Керг мог как-то узнать от нее.

— Даже если Морбрунг и не знал, что ты жива и отправилась к Айгеру, то теперь ему это точно известно, — нахмурился он. — Наш план был хорош, но полностью утратил смысл.

— Но как он нас нашел? — пискнула Нетта, шмыгнув носом.

— Перо и притянуло. Ведь это частица Нейриса. Мне трудно объяснить, но мы, члены Ордена, можем на огромном расстоянии почувствовать друг друга, и это именно телесное чувство. Я не мог узнать, где Нейрис, потому что в этом своем теле никогда с ним не встречался. Зато теперь у нас не осталось сомнений, что Морбрунг в его нынешнем облике — Йоргиса или Керта — был рядом с ним. А перо уничтожил, чтобы разорвать связь между тобой и Нейрисом. Видимо, это важнее, чем иметь возможность следить за каждым твоим шагом.

— И что же нам теперь делать? — я тоже готова была разрыдаться. — Как попасть в замок?

— Нетта, сходи за Айгером, — попросил он и опустил руку мне на плечо: — Не отчаивайся, девочка. Все сильно осложнилось, но положение не безвыходное.

Не успела Нетта подойти к двери, как мы услышали стук. Айгер заглянул в комнату и удивленно сдвинул брови, обнаружив у нас Борггрину.

— Поторопитесь. Завтрак на столе, пора отправляться.

— Нет, Айгер, торопиться мы не будем, — возразил маг. — Морбрунг побывал здесь ночью. Поэтому мы сейчас спокойно сядем и за завтраком обсудим, что делать дальше.

63

— Хорошо, что никто, кроме нас, не знал о наших планах, — сказал Борггрин, когда мы вчетвером и Айлен, за которым слуга сходил на постоянный двор, сели за стол. — Теперь, тарис Айгер, можно всем объявить, что цель вашего путешествия — Индис. И переговоры с правителем Эллей.

— Что?! — Айгер выронил нож. — Вы хотите сказать, мы не поедем в Тандор?

— Вы — нет. Ваша задача — отвлечь внимание Морбрунга. Уничтожив перо Нейриса, он лишил себя возможности знать, где находится Илана, и теперь должен следить за вашими перемещениями. Пребывая где-нибудь не совсем рядом, но поблизости.

— Я ничего не понимаю!

— Поэтому, прошу вас, выслушайте меня, не перебивая. Вы со свитой отправитесь в Индис и попытаетесь договориться с тейрисом Вегаром о военном и мирном союзе. Он наверняка откажется, потому что уже почти пообещал это Отрану. Во всяком случае, не отверг его предложение. Но это неважно. Пробыв там сколько понадобится, вы вернетесь обратно в Илару. Желательно особо не торопиться. Чем дольше вы задержите Морбрунга, тем лучше. Вряд ли он вернется в замок, пока не убедится, что вы возвращаетесь домой. А мы с Айленом и Иланой тайными тропами будем пробираться в Тандор.

— Нет! — вскрикнула Нетта и вцепилась в рукав Айлена. — И я!

— Нетта, — покачал головой Айгер, — тебе лучше ехать с нами.

— Детка, — поддержал его Борггрин, — я понимаю, ты хочешь быть рядом с Айленом, но

тарис прав. У тебя будет очень важная задача. Ты станешь Иланой.

— Но... — растерялась Нетта, и я не меньше. — Но как? Мы ведь совсем не похожи. Разве Морбрунг не догадается?

— Нет. Потому что ты на самом деле станешь Иланой. То есть будешь выглядеть и вести себя точь-в-точь как она. Сегодня новолуние — время особой магии, которую мы называем личиной. Она будет действовать до следующей новой луны. Думаю, этого времени нам должно хватить. Ты выйдешь отсюда и поедешь дальше как Илана, а насчет Нетты вы скажете, что она опасно заболела и осталась в деревне с Айленом и Боргринном.

Нетта страдальчески наморщила лоб, нерешительно глядя на Айлена, и тот взял ее за руку.

— Милая, так надо. Я приеду за тобой в Мергис. Как только смогу. Обещаю.

Судорожно вздохнув, Нетта кивнула.

— Что мне нужно сделать?

— Встань у окна так, чтобы на тебя падал свет. Закрой глаза и представляй Илану. Лицо, тело. Как она говорит, двигается. Чем точнее представишь, тем больше будешь на нее похожа.

Нетта уставилась на меня, пытаюсь запомнить каждую черточку, каждую мелочь. Потом встала и подошла к окну, но вдруг резко развернулась, подбежала к Айлену и поцеловала его.

Мы во все глаза смотрели, как Боргрин, обходя Нетту по кругу, чертит рядом с ней руками загадочные линии и бормочет заклинания. И вдруг воздух у окна сгустился, стал похож на свернувшееся молоко, постепенно приобретая очертания женской фигуры. Маг протянул к ней ладони и громко произнес длинную фразу, звучащую непонятно и таинственно. Полупрозрачное облачко окутало Нетту, и я ахнула, прижав руку к губам.

Словно вернулась домой и оказалась рядом с сестрой. Только волосы у нее были коротко подстрижены, как и мои.

— Ну вот, теперь ты Илана, — удовлетворенно кивнул Боргрин. Айгер и Айлен обескураженно переводили взгляд с меня на нее и обратно.

— Не отличить, — печально вздохнул Айлен. — Хорошо, что это лишь на время.

— Вам пора, — маг дотронулся до плеча Айгера, и тот встал.

Попрощавшись с Боргринном, он обнял Айлена и подошел ко мне.

— До встречи, Илана. Надеюсь скоро увидеть вас с Вороном. Вместе. Ты очень храбрая женщина, ему повезло.

— Если, конечно, все получится. И если он не выберет другую невесту.

— Если выберет, значит... он тебя не достоин, — усмехнулся Айгер и повторил: — До встречи!

Он вышел вместе с Неттой, и мы услышали его голос в прихожей:

— Спасибо за гостеприимство. Наши спутники задержатся ненадолго, не беспокойте их.

— Сейчас Айгер объявит свите, что они отправляются на юг, в столицу, — Боргрин налил в кружку яарту. — Мы подождем немного — на тот случай, если Морбрунг где-то рядом. А потом поедем на восток — к Ликуру. Ты ведь сможешь провести нас там, Айлен?

— Конечно. И в Тандор. Но все же... как мы попадем в замок?

— Мы с тобой — никак. Останемся в городе. А ты, Илана, подумай, в чьем обличье

смогла бы проникнуть туда. Тебе придется справиться самой. На меня магия личины не действует, а Айлен вряд ли знаком с кем-нибудь, кто не вызвал бы подозрения.

Я молчала в замешательстве. Если только в облике торговца? Но как? Караульные на воротах знают всех в лицо. А новых должен кто-то рекомендовать. Да и не знаю я никого из торговцев, чтобы хорошо представить. Даже Геритана помню очень смутно. И вдруг в голову пришла мысль.

— Юмар! Подмастерье портного. Под его именем я уехала из замка. Конечно, уже прошло много времени, но мало ли почему он мог задержаться в городе. Или снова туда поехать. Караульные сменяются раз в сутки, и торговцы приезжают не каждый день. В девять часов утра они собираются у городских ворот и поднимаются обозом к замку. Я могу подойти и сказать, что накануне приехала... то есть приехал с другими торговцами в город, и они возьмут меня с собой. А караульные тоже подумают, что я уехала накануне, когда на воротах стояли другие. Главное — попасть в замок, а там уже мы с настоящим Юмаром разберемся.

— Умно, — одобрил Борггрин. — Но есть кое-что... Ты понимаешь, Илана, что на месяц станешь мужчиной? В самом прямом смысле слова?

Айлен сдавленно фыркнул. До меня хоть и не сразу, но дошло.

— Наверно, это будет очень странно, — покраснев, пробормотала я. — И неудобно. Но если необходимо, потерплю. Даже... интересно узнать, как это — быть мужчиной.

— Ну хорошо. Правда, мне надо передохнуть, на такое колдовство уходит слишком много сил. Вот и завтрак доест, кстати, можно.

Действительно за разговором почти никто ничего не ел, но сейчас от волнения я почувствовала сильный голод.

— Скажите, — спросила я, положив на хлеб ломтик сыра, — выходит, Морбрунг может любого человека заставить сделать все, что захочет? Даже не вселяясь в его тело?

— Не совсем, — Борггрин отрезал себе большой кусок копченого мяса. — Любой маг нашего Ордена может, но только если человек спит. И это будет что-то очень простое. Например, мы не можем никого заставить покончить с собой, убить или причинить телесную боль. Человек сделает, как Нетта, а потом не будет ничего помнить. Но ты же понимаешь, Морбрунгу нужно не это. Он нуждается в теле, чтобы получать все радости жизни. И в первую очередь те, которые дает власть.

После завтрака Борггрин немного вздремнул, и мы с Айленом его не беспокоили, каждый молча думал о своем. Я — разумеется, о Вороне и о том, как буду искать в замке подземелье. Снова вспомнился сон, в котором я блуждала по бесконечным темным коридорам и переходам.

— Ну что, Илана, — поинтересовался Борггрин, открыв глаза, — готова превратиться в Юмара?

64

Это всего на четыре недели, напомнила я себе. Ради Ворона. Ради него — да хоть в жабу.

Я встала на то же место, что и Нетта, и закрыла глаза, пытаюсь представить Юмара. Сделать это оказалось не так уж и просто. Видела я его за время, проведенное в замке, всего несколько раз и запомнила очень приблизительно. Тем более это был самый обыкновенный мальчишка, пройдешь мимо и не заметишь. И все же я как могла пыталась выудить из памяти его черты.

Пухлые щеки, широкий нос, торчащие из-под шапочки жесткие волосы мышиного цвета. Нескладная, угловатая фигура — уже не мальчик, но еще и не юноша. Главное, чтобы среди торговцев не оказалось Геритана — он-то наверняка запомнил, как выглядел мнимый подмастерье Марта, и сильно бы удивился. Конечно, парня могли видеть и другие торговцы, привозившие в замок товары, но тут хватило бы и небольшого сходства, вряд ли кто-то вглядывался в него внимательно. Ну что ж, придется спрятаться у городских ворот и посмотреть, кто из торговцев будет в обозе. Если увижу Геритана —

подожду день, ничего не поделаешь.

Я чувствовала тепло от рук Борггрина. Слова, которые он произносил, казались осязаемыми. И вдруг меня будто окутало прохладной тканью, похожей на мягкий шелк. И в тот же момент я почувствовала: что-то изменилось во мне. Нет, изменилось все!

Открыв глаза, я посмотрела на кисти рук — слишком большие. Поморщилась: сапоги стали такими тесными, что вряд ли бы я смогла сделать в них хоть шаг. Снять бы как-нибудь! Одежда мне досталась от настоящего Юмара, но его обувь была велика, и Март нашел сапоги поменьше.

Хотя грудь у меня и раньше была небольшая, но сейчас ее не осталось вовсе, и сита сползла на живот. Я сглотнула слюну и поморщилась: ощущение в горле стало совсем другим. Да и в целом... Как одежда с чужого плеча? Нет, совершенно иначе. Хуже всего было... ниже пояса.

Высшие силы, да как же они ходят, сидят и вообще живут с этим?

— Думаю, мы отправимся в путь после обеда, — Борггрин без сил опустился на скамью. — Я отдохну, а ты, Илана... или Юмар... пока немного освоишься с новым телом.

— Сапоги! — я мешком шлепнулась рядом с ним.

До этого, чтобы изображать юношу, приходилось сильно напрягать горло, заставляя голос звучать ниже, но сейчас вполне мужской бас не требовал никаких усилий. Айлен с трудом стянул с меня сапоги, и я едва удержалась от крика — так было больно.

— Пойду раздобуду другие, — сказал он и вышел. — Поменяю твои на что-нибудь побольше.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Борггрин.

— Ужасно, — простонала я. — Но ничего. Постараюсь привыкнуть.

Получив новые — точнее, старые и потрепанные — сапоги, я всунула в них ноги и отправилась в отхожее место.

— Не оторви случайно, — насмешливо напутствовал Айлен.

Закрыв дверь на задвижку, я спустила штаны и наклонилась, чтобы рассмотреть то, что досталось мне в результате чар Борггрина.

Да, я знала, откуда берутся дети и чем занимаются в постели мужчина и женщина. И, разумеется, наблюдала за совокуплением лошадей или собак — кто из детей не подглядывал за животными со жгучим интересом? Придворные щеголи носили такие узкие штаны, что те ничего не прятали, а только подчеркивали определенные части тела. И чувствовать прикосновение этих самых частей сквозь одежду во время танцев доводилось нередко — тут я вспомнила наш с Вороном поцелуй и невольно покраснела.

Но мне никогда еще не приходилось видеть обнаженного мужчину. До этого даже дотронуться было страшно! А тело действительно требовало справить нужду. И мужчины точно делали это иначе, чем женщины.

Кое-как управившись, я вернулась в комнату. Айлен покосился на меня насмешливо, но промолчал.

После обеда мы столкнулись с первой трудностью. Равнинных лошадей в деревне не осталось.

— Придворная орава не только всех сменных забрала, но и у деревенских из домашних конюшен, — пояснил Айлен. — Либо сидеть и ждать, пока не появятся путешественники в Илару, либо ехать на горных. Я предлагаю второе. Конечно, это не очень удобно, у горных лошадей совсем другой ход, но все лучше, чем на равнинных по горам. Путь неблизкий, зато не придется менять снова, когда пойдем через перевал в Ликур. Тем более, в горы будем подниматься там, где поблизости нет сменной конюшни.

Он был прав, горные лошади по равнине шли словно вразвалку, и меня начало укачивать.

— Бедная Нетта, — сказала я, когда мы остановились передохнуть. — Одна в таком огромном обществе мужчин. Наверняка, все думают, почему она не осталась со мной, зачем поехала с Айгером. Как бы не сочинили лишнего. Что она его возлюбленная. Дойдет до жены Айгера, а она ждет ребенка, ей нельзя волноваться.

— Не беспокойся, — улыбнулся Борггрин. — Даже если и придумают, тариса Ирина — необычная женщина, она все поймет правильно.

На ночь мы остановились в захудалой деревушке: нас пустил в сарай житель крайнего дома. Из щелей тянуло почти зимним холодом, но я уже начала привыкать к тяготам походной жизни. Только подгрести под себя побольше сена и поплотнее завернулась в плащ и одеяло. А утром произошла неловкость.

Я поднялась и обнаружила, что с моей новой частью тела случилось что-то странное. Она вдруг стала... огромной. Борггрин, мельком взглянув на меня, отвернулся, а Айлен сначала рассмеялся, но потом посмотрел на мое испуганное лицо и пояснил:

— Успокойся, Илана. Все в порядке. С юношами и молодыми мужчинами это случается по ночам и утром. Даже если рядом нет красивой женщины и она не снилась. Тут нет ничего постыдного. Знаешь, ты можешь считать, что тебе повезло. Когда выйдешь замуж, мужское тело уже не будет для тебя тайной. А пока... не только тебе неловко. Не знаю, как магу, а мне точно не по себе. Вроде бы рядом парень, а на самом деле — девушка. И совсем не так, как в начале нашего знакомства, когда ты неуклюже выдавала себя за вейра Юмара.

65

Разумеется, втроем мы двигались гораздо быстрее, чем огромный отряд. Однако пробираться приходилось такими дикими тропами, что по сравнению с ним путь мимо пещеры пайгримов показался накатанной дорогой. Граница между Эллеей и Ликуром пролегла севернее, и местами все было так сильно завалено снегом, что даже привычные ко всему горные лошади с трудом пробивались через сугробы.

На перевале мы попали в метель, и пришлось несколько часов сидеть под прикрытием нависающей скалы, тесно прижавшись друг к другу. Даже с помощью магии Борггрин разжег костер с большим трудом. Страшно было подумать, что, если б не его чары, нам наверняка грозила бы смерть от холода.

Спустившись с гор, мы еще несколько часов ехали на юг, чтобы снова переночевать у Витара и забрать наших равнинных лошадей. Снега здесь почти не было, но ветер едва не сдувал с седла. Разговаривали между собой мало, хотелось побыстрее оказаться в тепле, а там — поесть, лечь и уснуть.

Через трое суток мы наконец добрались до Тандора и остановились на постоялом дворе Лайяра.

— Ну что, довез девок до Илары? — спросил тот Айлена, провожая нас на второй этаж. — Извините, начинается зимняя ярмарка, все забито. Осталась лишь комната с одной большой кроватью. Думаю, вы там втроем поместитесь.

— Ну уж нет, — сказала я, когда он ушел. — Только этого еще не хватало! Не рассчитываю, что вы уступите мне кровать, поэтому буду спать на лавке.

— Ради высших сил, Илана, — скривился Айлен. — Сейчас ты парень, так что перестань строить из себя стыдливый цветок. Мы с магом нормальные мужчины, мальчишки нас не интересуют. И потом здесь такой холод, что никакая печь не поможет, будем спать, не раздеваясь.

Ну, может им-то и было все равно, а вот мне лежать на кровати рядом с двумя мужчинами, пусть даже и одетыми, показалось не слишком уютно. Хотя я и отодвинулась к самому краю. Знал бы Ворон, что мне приходится терпеть ради него. Впрочем, нет, уж лучше пусть не знает.

Но... ведь мне оставаться Юмаром еще больше трех недель! Если завтра удастся попасть в замок и найти Ворона в подземелье, он увидит меня такой. Лучше об этом вообще не думать. Главное — попасть и найти, а с остальным как-нибудь разберемся.

Наутро Айлен и Борггрин пожелали мне удачи и проводили до городских ворот.

— Возьми это, — маг протянул на ладони маленький ключик из желтого металла. — Он откроет любой замок. Но чар хватит лишь сегодня до полуночи. Тебе надо будет поторопиться.

Обоз уже собирался, я выглянула из-за коновязи и убедилась, что Геритана среди торговцев нет. Они охотно согласились взять меня в замок, и тут один из них что-то припомнил:

— Подожди, ты, говоришь, мальчишка Марта? Мы же, вроде, не так давно везли тебя в город, нет?

— Я... задержался, — буркнула я.

— Ясное дело, — захохотал торговец. — Небось, девчонку подцепил и прилип у нее под юбкой?

— Или подцепил что-то от девчонки и лечил, — подхватил другой.

В таких вот шуточках прошла вся дорога. Больше всего я опасалась, что караульные могли видеть Юмара во дворе в последние дни. А если я скажу, что уехала, то есть уехал, в город только вчера, сильно удивятся торговцы. Однако мне повезло. Обоз проверял другой караульный, не тот, который выпустил меня из замка. Юмара он, похоже, знал в лицо и никаких вопросов задавать не стал.

Повозки одна за другой въехали в ворота и проследовали во двор. Поблагодарив торговца, который взял меня с собой, я слезла на землю, повернулась и... увидела Марта. Впрочем, страшно было не это. Рядом с ним стоял Юмар!

Меня спасло то, что все занимались разгрузкой и не смотрели по сторонам. Быстрее молнии я подскочила к настоящему Юмару, вцепилась в рукав и утащила за выступ стены. Он даже не успел понять, кто его уволок, но когда разглядел, изумленно открыл рот. Который я тут же закрыла ладонью. И приложила палец другой руки к губам.

Выглянув из-за угла, я махнула Марту, с недоумением озиравшемуся, пытаюсь понять, куда делся его подмастерье. Увидев меня, он пожал плечами и подошел ко мне. А когда понял, что перед ним сразу два Юмара, остолбенел и озадаченно крякнул.

— Тише, — прошипела я и чуть не назвала себя Иланой. Хорошо, что вспомнила: в замке все знают меня под именем сестры. — Я Лилла. Это просто магия.

Смекнув, что к чему, Март отправил Юмара за товаром, благо тот был одет так же, как и я: платье слуг разнообразием не отличалось.

— Ты только что из города, понял? Ехал вместе с ними. А я тебя ждал.

Мы прошли с Мартом вдоль стены, прячась за облетевшими кустами, нырнули в темный проход к хозяйственной части замка. Один коридор, другой, лестница — и я узнала знакомую дверь его мастерской.

— Ну, рассказывай, девочка, рассказывай, — торопил он меня, но я покачала головой.

— Март, милый, нет времени. Ворон здесь, в замке. В подземелье. Нужно найти его до полуночи, а я даже не знаю, как туда попасть.

— Вот как?! Я тоже не знаю, — он сокрушенно покачал головой. — Слышал, что оно есть, но где вход? Если начать расспрашивать, это вызовет подозрение. Может, рядом с холодными кладовыми? Они находятся ниже всего.

Я попыталась вспомнить свой сон, в котором увидела развалины замка. Колодец винтовой лестницы... Где же могла видеть такой наяву? Ну, конечно! Лестница, ведущая

на вершину башни. Но она начиналась на первом этаже, это я помнила точно. И все же...

— Мне нужен светильник.

— Он остынет и погаснет, — засомневался Март.

— Часа на три хватит. Может, успею.

Я взяла один из светильников, совком подбросила в поддон углей из камина, и воздух в стеклянной трубке ярко засиял.

— Ты знаешь, как быстрее дойти до башни? Отведи меня туда.

К счастью, нам удалось добраться незамеченными. Конечно, вряд ли кто-то обратил бы внимание на портного с подмастерьем, а вот светильник днем наверняка удивил бы. Открыв деревянную дверь, за которой скрывалась лестница, я вспомнила, как мы с Вороном поднимались на башню.

— Смотри, Лилла! — Март показал на едва заметную щель в каменном полу.

С большим усилием нам удалось отодвинуть тяжелую плиту, под которой притаилась еще одна лестница — вниз. Я узнала ее.

— Спасибо, Март! Дальше я сама.

— Будь осторожна, — он обнял меня и вышел в коридор, прикрыв дверь.

Спускалась я так долго, что, наверно, должна уже была достигнуть центра земли. Пока не очутилось в той самой бесконечной путанице темных коридоров, которые тоже видела во сне. Сырые, сочащиеся водой по стенам.

Идти я могла только наугад, то и дело сворачивая. В холодном влажном воздухе угли быстро остыли, светильник начал гаснуть. В моих снах где-то впереди горел огонек и Ворон звал меня, а здесь царили тьма и безмолвие. Если б Морбрунг не уничтожил перо, возможно, оно как-то помогло бы, но на что мне было надеяться теперь?

Я закрыла глаза и мысленно позвала его сама:

«Ворон! Нейрис! Я здесь, ищу тебя. Подскажи, куда идти, дай знак!»

Ответа не было, и меня начало охватывать отчаяние. Если я не найду его, то и сама останусь здесь навсегда, потому что уже не смогу выбраться к лестнице.

И вдруг... Это был не голос, нет. Как будто теплый ветерок коснулся моей щеки, легко, едва ощутимо. Как будто его дыхание.

Я долго, медленно шла вперед, ощупывая стену правой рукой. Остановливалась, прислушивалась к себе: чувствую ли еще это мягкое тепло, не пропало ли. Пока не оказалась в тупике перед массивной железной дверью.

66

В первые минуты, когда светильник полностью погас, я не видела ничего и шла на ощупь. Потом глаза постепенно привыкли к темноте и стали различать пусть не очертания того, что было рядом, но хотя бы оттенки черного: там темнее — значит, коридор поворачивает или разветвляется. Ощупав руками неожиданное препятствие, я поняла, что это именно дверь.

Я звала Ворона, и мысленно, и вслух, но ответа не получила. Только ощущение тепла стало сильнее. Он, несомненно, был там, за дверью. Найти бы еще замочную скважину. Или навесной замок. Борггрин сказал, что ключ, который он мне дал, подойдет к любому, но лишь до полуночи. Сколько я блуждала в этом подземелье? Вряд ли так долго, что уже наступил новый день.

Я ощупала всю дверь снизу доверху, насколько могла дотянуться, и не нашла ничего. Сплошная гладкая поверхность без малейшей впадинки или выступа. И когда я уже готова была разрыдаться от отчаяния, ноготь зацепился за крошечную выемку. Ключ по

сравнению с ней был слишком большим, но каким-то таинственным образом легко скользнул в нее. Тихий щелчок — и дверь распахнулась.

Мне показалось, что там еще темнее, чем в коридорах — хотя куда уж темнее! Невозможно было даже понять, велики или мало это помещения. Я наклонилась, вытянула руки и маленькими шагками медленно двинулась вперед, пытаясь нащупать что-то перед собою. Пальцы коснулись тонкой мягкой ткани — рукава рубашки.

Ворон лежал на охапке сена или соломы, то ли спал, то ли в забытьи. Опустившись рядом, я обняла его, провела рукой по лицу — и вдруг маска легко подалась и соскользнула. Я сняла ее и наклонилась над ним, покрывая поцелуями его щеки, губы, лоб, собирая с них капли своих слез.

— Илана, — прошептал он, и я почувствовала, как дрогнули под моими губами его ресницы.

— Я здесь! Я люблю тебя! — повторяла я снова и снова, целуя его и плача. Как бы я хотела сейчас увидеть его лицо. Но... тогда и он увидел бы мое. То есть совсем не мое — не Иланы. И да, он же назвал меня Иланой — значит, действительно знал, что я не Лилла! Впрочем, это было уже неважно.

— Кто ты? — Ворон провел рукой по моей щеке. Ну да, я ведь говорила мужским голосом! Признавалась ему в любви — наверно, это звучало более чем странно.

— Я Илана. Просто выгляжу сейчас... как подмастерье Гриси Марта, — торопливо и сбивчиво говорила я. — До следующей новой луны. Это магия. Маг Борггрин помог мне найти тебя. И попасть в замок. Иначе меня не пустили бы. Я не знала, где тебя искать. Сбежала отсюда, отправилась в Илару просить помощи у тариса Айгера. По пути встретила их — Айгера и Борггрина.

— Спасибо тебе, родная, — он попытался приподняться, опираясь на мое плечо. — Неважно, как ты выглядишь. Ведь это на время — и ради меня. Спасибо. Я тоже тебя люблю, Илана. Давно люблю. Я звал тебя. Надеялся, что услышишь.

— Я слышала, Нейрис...

Он вздрогнул: я почувствовала это, обнимая его.

— Ты знаешь мое имя?

— Да, Борггрин сказал мне. Оно мне нравится. Я буду звать тебя так, хорошо? Но больше ничего. Не сказал. Только то, что я все должна узнать от тебя.

— У нас будет время, — Нейрис сжал мою руку. — Если выберемся отсюда.

— Ты сможешь идти?

Он попробовал встать, но тут же снова опустился на солому.

— Как ужасно чувствовать себя настолько беспомощным перед тобою, — в его голосе была такая боль и досада, что у меня снова защемило в носу. — Я даже до двери не смогу дойти.

— Послушай... Помнишь, ты сказал: «Моя сила в моей слабости»? В самый первый день, когда мы только приехали в замок. Не знаю, о чем ты говорил, но сейчас... Твоя слабость заставляет меня любить тебя еще сильнее. Тебе не давали еды?

— Зачем? — горько усмехнулся Нейрис. — Я ведь не умру без пищи и без воды. Хотя и буду слабее ребенка. Но если б меня можно было убить, он наверняка бы меня убил.

— Он? Керг?

— Если ты знаешь Борггрина, должна знать и о Морбрунге. Керг сам никогда бы так не поступил со мной. Морбрунг в его теле. Хотел бы я знать, как он туда попал.

— Сейчас Морбрунг далеко отсюда, — возразила я. — Должен быть далеко. Следить за мной. Он ведь думает, что я осталась с Айгером. Помнишь мою служанку Нетту? Мы

были с ней вместе. И сейчас она изображает меня — под магической личиной. Если Керт без него, может, стоит позвать его на помощь?

— А ты выйдешь отсюда? Это подземелье — ловушка для того, кто с ним не знаком.

— Боюсь, что нет, — обреченно вздохнула я. — Я и тебя нашла только потому... не знаю, почему. Мне как будто что-то подсказывало. А ты знаешь дорогу?

— Я-то знаю, но что толку, если не могу идти?

— А в ворона превратиться можешь? — мысль была яркой, как вспышка, хотя и не могла осветить путь.

— Да. Но и лететь я тоже не смогу.

— И не надо, — я рассмеялась от облегчения. — Не думала, что маги могут быть так недогадливы. Ты превратишься в ворона, я возьму тебя на руки и понесу. А ты будешь подсказывать, куда идти. Да, я знаю, птицей ты не можешь разговаривать. Значит, станешь клеветать меня справа или слева, если надо будет свернуть.

— Высшие силы, Илана... Как бы я хотел поцеловать тебя по-настоящему. На это мне сил хватило бы. Но целоваться с мальчишкой... Я подожду, ладно? До новолуния?

— В новолуние начнется новый год, — тихо сказала я. — Мне исполнится восемнадцать...

— Я знаю. Если б я мог, женился бы на тебе в тот же день. Ты бы согласилась?

— Конечно, — я улыбнулась так, что... треснула губа. Очень больно. И засочилась кровью, которую я тут же слизнула.

— Но, к сожалению, я должен ждать год после отбора. Так положено. Подожди, — он провел рукой по лицу, — ты сняла с меня маску?! Я сразу не понял, что не так.

— Она... снялась, — я немного испугалась. — Сама.

— Значит, это действительно ты...

Он нашел в темноте мою руку и прижал ее к губам.

67

— Я? Что я? Я сняла с тебя заклятье?

Мне показалось, я снова сплю. И это всего лишь сон. Проснусь — и окажется, что я где-то на постоялом дворе. Или гораздо хуже: в своей комнате в замке. В руках перо, а Ворон... Нейрис неизвестно где.

— Пока еще нет. Но... возможно, именно тебе это удастся. Я прожил в маске больше тысячи лет. Уже забыл, как это — без нее. У меня было десять жен. Я любил их, они любили меня. Но... любовь бывает разная, Илана. Наверно, ни в одно слово не вкладывают столько противоречивого смысла, как в это. Но, может, мы все-таки уйдем отсюда и будем разговаривать в другом месте? Кстати, куда ты собираешься меня отнести?

— К Марту, конечно. Думаю, он не откажется приютить тебя в своей мастерской, пока ты не окрепнешь и не придумаешь, что делать дальше.

— Ну, если ты так в нем уверена...

В следующее мгновение под моими пальцами уже были жесткие перья его крыла. Я взяла Нейриса на руки, прижала к себе.

Интересно, есть ли на свете хоть одна невеста, которая носила бы жениха на руках, промелькнула озорная мысль. Да еще пребывая в облике парня. Будет о чем рассказать детям.

И тут же колючий холод пробежался внутри — как морозные узоры на оконном стекле.

Ни с одной из десяти других жен у него не было детей. Или это тоже часть заклатья — как маска? Может, у нас — будут? Может, я стану его последней женой?

И тут же пришла еще одна мысль — тоже ледяная. И черная.

Для меня он будет первым. А я для него... совсем нет. Одна из многих. Одиннадцатая жена. Каждая из десяти предыдущих — это было не случайное увлечение, не мимолетная связь. С каждой он жил много лет. Каждую любил — по-разному, по-своему.

Прекрати, Илана. То, что ты сняла с него маску, означает лишь то, что мы можешь снять и заклятие. Но если будешь так думать, вряд ли это сделаешь. И станешь не последней женой, а очередной. Будут и другие — после тебя.

Нейрис словно почувствовал: со мной что-то неладно, и нежно провел клювом по моим волосам, а потом положил голову мне на плечо. И черные мысли сразу рассеялись — как по волшебству.

— Ну... идем? — я погладила его по спине и вышла из темницы, плотно закрыв за собой дверь.

Прижимая Нейриса к себе правой рукой, левой я вела вдоль стены, чтобы не пропустить поворот. Дойдя до него, останавливалась. Если надо было свернуть, Нейрис осторожно дергал меня клювом за волосы, слева или справа. Где-то по пути под ноги попался брошенный погасший светильник, и я чуть не упала, наступив на него.

В полете Ворон выглядел огромным, но со сложенными крыльями оказался не таким уж и большим. И не тяжелее домашней кошки. И все же рука, которой я держала его, спустя какое-то время начала затекать. Я брела, перекладывая его из руки в руку, и уже потихоньку стала сомневаться, действительно ли он знает дорогу. Лестница оказалась передо мной внезапно: я едва не уперлась в столб, вокруг которого вились ступени.

— Пришли! — выдохнула я и села на самую нижнюю. — Давай передохнем немного.

Нейрис не стал превращаться в человека: видимо, эти перевоплощения тоже отнимали силы. Я сидела, держа его на коленях, и гладила по спине, по крыльям, перебирала перья, пропускала их между пальцами.

Все будет хорошо. Теперь — все будет хорошо. Мы вместе. И он меня любит!

«Я тоже тебя люблю. Давно люблю», — эти слова снова и снова звучали в моей памяти, как музыка.

Давно? Но разве два месяца — это давно? Или... он действительно выбрал меня раньше, а Веду и Кьяру лишь по необходимости? Чтобы не отойти от обычая? Или — от тех требований, которые наложило заклятие? Но ведь не восьмилетней же девчонкой он меня полюбил?

Он мне все расскажет. Я все узнаю. Только сперва надо выбраться отсюда.

Встав на ноги, я снова прижала его к себе и начала медленно подниматься по лестнице. Оборот за оборотом. Когда в темноте идешь по кругу, следом начинает кружиться голова. Больше всего я боялась оступиться и упасть вниз. Останавливалась, привалившись спиной к стене, зарывалась лицом в мягкие перья. Это прибавляло сил.

Ноги стали каменными, сердце бешено колотилось, во рту пересохло.

Еще немного. Еще десять ступенек. И еще десять. И еще.

Наконец я уперлась головой в плиту, которую Март наполовину закрыл. Какое там уперлась — врезалась, до огней в глазах. Отодвинула ее плечом, выбралась. Опустила Нейриса на пол, вернула плиту на место. Очертания двери тускло мерцали: за ней в коридоре горел светильник.

Я уже хотела открыть ее, но остановилась.

Не хватало только по пути в мастерскую Марта встретить кого-то. Идет подмастерье

портного и несет... то ли птицу, то ли пропавшего без вести правителя в облике птицы. Очень интересно!

— Послушай, мне придется завернуть тебя. На всякий случай. Потерпишь?

Нейрис кивнул. Сняв куртку, я старательно обмотала его, оставив небольшое отверстие для дыхания. Получился рыхлый сверток, который я взяла в руки. Приоткрыла ногой дверь, выглянула в коридор — никого.

От башни до мастерской путь был неблизкий. Не такой, конечно, как через подземелье, но пройти пришлось почти весь замок из конца в другой. И вот, когда оставалось сделать всего один поворот, я и натолкнулась на Бевиса — одного из старших слуг. Конечно, подмастерья к слугам прямого отношения не имели, но положение их было ничем не выше, и старшие командовали ими, как хотели.

— Ты, стой! — приказал Бевис, сдвинув седые кустистые брови на высоком лбу, переходящем в блестящую лысину. — Что это ты несешь? Куда?

— Грязное белье в стирку, — нашлась я. — Показать?

— Вот еще радость любоваться на твои загаженные подштанники, — буркнул он. — Иди.

Выдохнув с облегчением, я свернула за угол и едва ли не бегом добралась до двери мастерской. Март открыл на условный стук, и я поняла, что ноги не держат меня так же, как и Нейриса. В глазах потемнело, и я потеряла сознание, едва успев всунуть куртку с ним Марту в руки.

68

Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь.

Маленькая комната, за окном темно. Жесткая кровать, рядом спит мужчина. И укрыты мы одним одеялом. Правда, оба одетые.

Постоялый двор? Айлен?

И тут же я все вспомнила. Как нашла Нейриса в подземелье, как несла его оттуда на руках, как силы оставили меня, едва я вошла в мастерскую Марта. Надо думать, мы в его комнате. Он уступил нам свою кровать и устроился на диване в мастерской. А Юмар, как обычно, спит в кладовой на большом сундуке.

Я приподнялась на локте, пытаюсь наконец рассмотреть лицо Нейриса. Но увы. Здесь, конечно, было не так темно, как в подземелье, немного света проникало со двора, где горели факелы. Однако, как ни напрягала я глаза, его черты все равно терялись во мраке.

Скорей бы утро!

Я обняла его крепко и тут же провалилась в глубокий спокойный сон. Почти счастливый. И проснулась от пристального взгляда. Нейрис полулежал, прислонившись к спинке кровати, и смотрел на меня так, что перехватило дыхание.

— Доброе утро, Илана, — он коснулся моего плеча. — Знаешь, это очень странное ощущение — проснуться в объятиях мужчины. Такого в моей долгой жизни точно не было. Старался выбраться поосторожнее, чтобы не разбудить тебя.

Я с ужасом подумала о той утренней особенности мужского тела, к которой за время пребывания в нем так и не привыкла. От стыда словно в кипящую воду окунуло. Откинув одеяло, я отодвинулась на самый край кровати, но все равно не смогла оторвать взгляд от Нейриса, только смотрела искоса, вполборота.

Раньше маска оставляла открытыми глаза и нижнюю часть лица: рот и подбородок. Все остальное было обтянуто ею так плотно, что черты вполне определялись. Я часто пыталась представить его без маски. В чем-то угадала, но в целом он выглядел сейчас совсем иначе. Так, что я была полностью очарована. Если б уже не любила его, влюбилась бы тут же.

Вспомнилось, как Веда сказала о Керте: в нем все немного слишком. Слишком красавчик. В Нейрисе всего было ровно столько, сколько надо. Той мужской красоты и силы, которые берут в плен без малейшего усилия: им сдаешься добровольно. Высокий лоб и широкие густые брови создавали впечатление, что оттененные ими синие глаза чуть прищурены с насмешкой. Нос, скулы, подбородок были такими четкими и твердыми, словно их высек из камня искусный мастер. Возможно, они показались бы чуть грубоватыми, но все смягчала улыбка, которая плескалась в глазах и едва заметно приподнимала уголки губ.

Как же они притягивали взгляд, как хотелось снова почувствовать их на своих губах — их тепло, вкус...

Забудь, Илана, до новолуния еще больше трех недель. Ты Юмар, и этим все сказано.

— Хуже всего, что вас целых двое, — Нейрис словно услышал мои мысли. — Два Юмара. Не перепутать бы, который из вас Илана. Повяжи себе какую-нибудь ленточку на рукав.

— Без нее ты нас не различишь? — огорчилась я, хотя это было более чем глупо.

— Конечно, различу, — он дотянулся до моей руки. — Мне нравится тебя дразнить. Ты так забавно сердисься. Надуваешь щеки и морщишь нос. Обиженный надутый мальчишка.

— Ну и пусть, — я тряхнула головой. — Лучше расскажи мне... Я даже не знаю, что хотела бы узнать в первую очередь. Наверно, как ты догадался, что я Илана, а не Лилла. И почему ничего не сказал.

— Я всегда знал. С тех пор как первый раз вас увидел. С сестрой. Только не знал, кто из вас кто. Потом выяснил. Сначала ждал, когда ты наберешься храбрости и признаешься, но понял, что боишься за свою семью. Решил не торопить. Лилла так Лилла. Хотя твое имя мне нравится больше.

— Только не говори, что полюбил меня, когда мне было восемь лет, — смущенно улыбнулась я. — Все равно не поверю.

— Ну нет, конечно. Тогда летел мимо, присел на ограду передохнуть. Смотрю, две девчонки. Смешные, рыжие. Беззубые. Юбки короткие, чулки полосатые. Обо мне говорят. Да еще с таким серьезным видом. Подлетел поближе. Помнишь, что именно обсуждали?

— Не очень.

— Почему я не женюсь сразу, когда очередная жена умирает. Решили, что, наверно, скучаю по ним. Ну... и еще всякие другие глупости.

— Ты тогда перо потерял. А я подобрала. Даже не знаю, зачем. Расскажу тебе потом, как с ним все было. Оно ведь спасло мне жизнь. И помогло найти тебя.

— Хорошо, — кивнул Нейрис. — Расскажешь. Ну вот... Как-то вы мне стали... даже не знаю, как сказать точно. Интересны. Прилетал иногда посмотреть на вас. Как вы растете, хорошеете, расцветаете. Тем более, знал, что восемнадцать вам исполнится в тот год, когда я буду снова выбирать невест.

— Только Лилле, — возразила я. — Мне уже на следующий. Через полчаса после наступления нового года. Поэтому я и не попала на отбор. Но у нее был жених. Я предложила подмену. Не думала, что ты меня выберешь.

— Да, я знал об этом. Что ты не попадешь. И меня это очень огорчало. Потому что года два назад я начал прилетать, чтобы увидеть именно тебя. Не твою сестру. Старался не попадаться тебе на глаза. Смотрел, как ты сидишь в саду, под кустом эрты. Читаешь, вышиваешь или просто думаешь о чем-то. А потом возвращался в замок и тоже сидел в саду под эртой. Это место напоминало о тебе. Ты не представляешь, Илана, что я почувствовал, когда увидел тебя во дворце.

— И ты сразу понял, что это я? — кто бы знал, какой радостью затопило меня от его слов.

— Конечно. Хотя ты и пыталась держаться как Лилла. Но я бы ни за что вас не спутал. Глазам не поверил. Я слышал, что у твоей сестры есть жених, и, конечно, не выбрал бы ее. Но ведь вы об этом не знали, правда? Разве я мог упустить такую возможность? Надежду, что и ты полюбишь меня. Что станешь моей.

— Я помню, как увидела тебя во дворце. До этого было очень страшно, вдруг ты меня выберешь. Навсегда расстаться с семьей, никогда больше не выйти из замка. Никому ведь не известно, что происходит с другими двумя невестами. И почему никто не возвращается оттуда. Да и вообще... стать женой бессмертного... чудовища... Но когда ты посмотрел на меня, вдруг поняла, что эта мысль хоть и пугает, но уже не так сильно, как раньше.

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель заглянул Март.

— Доброе утро, правитель, — поклонился он. — Доброе утро, Лилла.

— Меня зовут Илана, — улыбнулась я.

69

— Есть одна большая трудность, — нахмурился Март, когда мы покончили с завтраком, весьма скромным. — Я бы даже сказал, очень большая. Как нам добывать пищу для вас. Мы ведь с Юмаром едим в общей трапезной. Сейчас я принес его завтрак — объяснил, что он приболел. Ну, и от своего прихватил, что мог незаметно в карман спрятать. Но этого слишком мало для нас четверых.

— Да... — задумался Нейрис. — Все было бы смешно, но на самом деле серьезно. Если бы я мог летать, пробрался бы ночью на кухню. Хотя это, конечно, кажется безумием — воровать еду на кухне собственного замка.

— Мы заказываем иногда какие-нибудь особые лакомства из города, но это не выход. Да и привезут в лучшем случае послезавтра. А нам сейчас надо вас как следует кормить, правитель, чтобы вы побыстрее набрались сил. Ваша магия не может помочь?

— Ни один маг не всесилен, Март, — Нейрис вздохнул. — Я могу облегчить чьи-то страдания, залечить раны, но только не свои. Хотя меня многому научили в магическом Ордене в Полуденных землях. А способность превращаться в птицу я получил как некое утешение к наложенному на меня заклятью. Так уж вышло, что тот маг, которого я рассердил своими необдуманными словами, не смог снять его сам. Иные чары не имеют обратной силы. Он раскаивался в своем гневе, но был уже не в состоянии что-либо изменить. И тогда, чувствуя свою вину, дал мне эту способность. Но она исчезнет, если я избавлюсь от бессмертия.

— Странно, — удивилась я. — Члены вашего Ордена наоборот искали его. И нашли способ переносить душу из одного тела в другое, чтобы жить вечно. Все люди боятся смерти.

— Не все. Иногда жизнь становится бременем. А бесконечная — и подавно. Иначе не было бы тех, кто добровольно отдает нам свои тела в обмен на мирную и спокойную кончину без страха и сожаления. Я был слишком молод и глуп, когда пришел в Орден. Мне хотелось научиться делать то, что не доступно обычным людям. Хотелось чудес, волшебства. А Морбрунг, мой друг... мой бывший друг — он жаждал только власти. Вечной власти.

— Ты обещал рассказать, что произошло. И как можно снять с тебя заклятье, — напомнила я, сгорая от нетерпения.

— Расскажу, — усмехнулся Нейрис. — Но когда ты снова станешь Иланой, хорошо?

— Три недели... — буркнула я.

— Я ждал тысячу лет, даже больше.

— Прошу прощения, правитель, все это, конечно, очень мило и жалостливо, — вмешался Март, — но вопрос с пропитанием надо как-то решить. Если магия не в состоянии помочь, придется придумать что-то другое. Любовь и прочее — это, конечно, хорошо, но

одной ею сыт не будешь. К сожалению.

— Если кое-кто не может полететь и украсть еды с собственной кухни, придется сделать это вместо него, другого выхода нет, — я коснулась руки Нейриса: мне все время хотелось до него дотрагиваться, хотя вряд ли ему это доставляло удовольствия, сколько и мне. — Не полететь, конечно, как-нибудь иначе. Надо подумать, как. Жаль, Нетта осталась с Айгером, уж она точно сообразила бы. Да и вообще надо решить, что делать дальше.

— Для начала — выяснить, вернулся ли Морбрунг или нет, — Нейрис поймал мои пальцы и сжал их. — Сейчас я слишком слаб, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

— А как вообще ему удалось с тобой справиться? Выходит, он уже был в теле Керта?

Я пыталась вспомнить, как вел себя Керт с того дня, когда Нейрис должен был улететь в Фианту. Почему-то на ум шла только неприятно зеленоватая рубашка на ужине в тот вечер и то, как Керт расхваливал Айгера. Нет, еще та готовность, с которой он побежал потом открывать мою дверь с якобы заедающим замком. Тогда он был вполне мил и любезен. И как резко изменился всего через пару дней. Неужели настолько искусно притворился? Или Морбрунг не постоянно находился в его теле?

— Я не знаю, Илана, как все произошло, — поморщился Нейрис. — Когда мы с тобой... попрощались, я вылетел с галереи и почти сразу же почувствовал сильный удар. Морбрунг знал, что убить меня нельзя, значит, требовалось поймать и спрятать туда, откуда я бы уже никогда не вышел. Стрела была на излете, не ранила, но сбила равновесие. Я упал в саду и потерял сознание. И очнулся в подземелье.

— Вот что мы сделаем, — предложил Март. — Поскольку вейра Лилла, по всеобщему мнению, покончила с собой, мне приходится шить платья для других дам, живущих в замке. Сейчас я отправлю Юмара к Керту со списком заказов. Тебя, Илана. Сможешь понять, с колдуном он или нет?

— Не знаю, — я с сомнением пожала плечами. — Когда Морбрунг призрак, сразу ясно, если он рядом. А вот в теле... Даже не знаю. Но попробовать стоит.

— Как вы думаете, правитель, если колдуна с Кертом нет, можно ли ему доверять?

— Я всегда ему доверял. Но кто знает, как могла его изменить возможность самому править Полуночными землями. Я бы не стал сейчас утверждать наверняка. Илана, если ты будешь уверена, что Морбрунга с ним нет, постарайся привести его сюда. Я превращусь в ворона, Март спрячет меня, и я постараюсь понять истинные чувства Керта.

— Скажи, — не удержалась я. — Меня все время удивляло, как при такой пронизательности ты выбрал невестами Кьяру и Веду. Одна тебя ненавидит, потому что влюблена в Керта. Другой ты тоже не интересен, но она приложила бы все усилия, чтобы стать твоей женой. Любой ценой, не останавливаясь ни перед чем. Она так открыто мне и сказала. Веда. Неужели ты не чувствовал этого?

— Илана... — покачала головой Нейрис. — Я выбрал их просто потому, что нужны были еще две. Первых попавшихся более или менее симпатичных девушек. Если бы ты не захотела стать моей, мне было бы все равно, на ком жениться. А теперь иди. Будь осторожна. Конечно, никто не заподозрит, что ты не Юмар, но все-таки... будь осторожна.

70

— Подождите! — я уже вышла одной ногой за порог и тут спохватилась. — Керт ведь хоть и временный, но все-таки правитель. Неужели он по-прежнему занимается заказами на товары? Не может быть.

— Нет, конечно, — улыбнулся Март. — Но заказы все равно приносят к нему в приемную. Или ты подумала, я выжил из ума и забыл? Около двери стоит ящик, туда и складывают. А кто уж их разбирает и отдает торговцам, я не знаю. Заказ — просто повод, чтобы прийти туда.

— Осталось только придумать, как заманить его в мастерскую. Какой-то должен быть веский повод, чтобы правитель пошел к женскому портному.

— А ты скажи, что Март ведет себя очень странно, — посоветовал Нейрис. — И что тебе страшно. Ничего не придумывай. Даже не зови его. Думаю, он сам захочет проверить, в чем дело. Керт привык следить за всем в замке, и несколько недель вряд ли смогли его сильно изменить.

Я шла по коридорам, и мне было не по себе. Казалось, любой, кто взглянет пристально, сразу догадается, что я не Юмар. Но никто не обращал внимания. Обитатели замка, попадавшиеся навстречу, даже не достаивали меня взглядом.

Подойдя к рабочим комнатам Керта, я бросила листок в ящик и осторожно постучала в дверь. Открыл слуга, но за столом сидел вовсе не тот, кого я ожидала увидеть, а кто-то из приближенных, которого я хоть и встречала в трапезной и даже раз или два танцевала с ним, но имя не запомнила.

— Что тебе? — резко поинтересовался помощник Керта.

— Я принес заказ. И у меня важное дело к золу Меару, — нахально ответила я.

— Какое? Кто ты вообще такой?

— Подмастерье портного Гриса Марта. Скажите правителю, с моим мастером что-то неладно.

— Что значит «неладно»? — он начал терять терпение.

— Как будто в него вселилась темная сила, — я перешла на зловещий шепот.

— Ладно, я взгляну, — новый управляющий поморщился с досадой. — Не хватало только правителя беспокоить из-за всяких глупостей.

Не успела я испугаться, что наш план провалился, как дверь в соседнюю комнату открылась и оттуда вышел сам Керт.

— Что тут еще такое? — поинтересовался он.

Я повторила свою выдумку, исподтишка его разглядывая. Запоздало в голову пробралась мысль, что надо было позаимствовать у Нейриса еще одно перо. Вдруг с его помощью я почувствовала бы, можно ли доверять Керту или лучше бежать от него, не оглядываясь.

Выражение его лица стало слегка растерянным, он колебался, но все же решил пойти со мной и взглянуть, что же такое случилось с Мартом.

Интересно, подумала я, а он сам чувствует, когда в нем находится призрак колдуна, управляющий его волей?

— А вдруг это опасно, — помощник поднялся из-за стола. — Я пойду с вами.

Да чтоб тебя разорвало, пожелала я ему мысленно.

— Справлюсь сам, — отрезал Керт, и я подумала, что сейчас он все-таки больше похож на себя прежнего, чем на того, который насильно пытался целовать меня.

Подойдя к мастерской, Керт распахнул дверь. Вошел и остановился, глядя на Марта, сидящего на полу. Надо было признать, что сумасшедшего или одержимого злым духом тот изображал весьма правдоподобно. Чего стоили одни вытаращенные глаза, уставившиеся в пустоту!

Керт подошел ближе, позвал его, потряс за плечо.

— И давно это с ним? — спросил меня.

— Второй день. Тоже зову, но он не отзывается.

Тут я, конечно, допустила оплошность, поскольку Март только что ходил в трапезную

завтракать, и там его многие видели. Впрочем, Керту это вряд ли было известно.

— Надо позвать вейра Зибера.

— Не надо.

Вздвогнув, Керт повернулся к окну. Его нижняя челюсть медленно отвисла, а глаза едва не выкатились из орбит.

— Пра... витель? — с трудом выдавил он из себя. — Но... как? Вы здесь? И... без маски?

Видимо, Март спрятал ворона за плотной шторой. Принявший человеческий облик Нейрис стоял у окна, тяжело опираясь на подоконник.

— Вот так, Керт. Вопреки стараниям твоего друга.

— Моего друга? — растерянность на его лице, которую я заметила в приемной, стала еще сильнее. Похоже, он не притворялся.

Я подошла к Нейрису, и тот, опираясь на мое плечо, добрался до дивана.

— Март, поднимайтесь, хватит изображать умалишенного.

— Как прикажете, правитель, — портной мгновенно вернулся в реальность и встал с пола.

Ошарашенно качая головой, Керт переводил взгляд с Нейриса на Марта, потом на меня — и снова на Нейриса.

— Скажи, что ты помнишь с того дня, когда я должен был отправиться в Фианту?

— Я... плохо помню, — Керт вытер со лба пот. — Как будто все в тумане. Или приснилось. Только какие-то отдельные события. Например, когда стало известно, что вейра Лилла упала в пропасть... или бросилась в нее... Вы, наверно, уже знаете об этом. Мне очень жаль, что так вышло... Так вот я хорошо помню, как стоял в роще на обрыве, смотрел вниз на ее тело и... да, я плакал. А потом снова все заволкло туманом. Я знаю, что вы пропали и меня объявили временным правителем. Что ездил в город, участвовал в заседаниях Тайного совета, встречался с людьми Отрана. Но именно знаю, а не помню.

Мы с Нейрисом переглянулись понимающе.

В тот момент, когда Керт, стоя над обрывом, оплакивал мое набитое камнями платье, Морбрунг спустился в пропасть, чтобы убедиться, действительно ли я мертва. А потом каким-то образом узнал от Веды, что у меня есть перо Ворона, и отправился на поиски. Сейчас он далеко. Но как только убедится, что мнимая Лилла-Илана на пути в Илару вместе с Айгером, скорее всего, вернется. И тогда они окажутся с Нейрисом лицом к лицу. А тот еще так слаб, и хватит ли у него сил на это противостояние?

— Надо немедленно отправить кого-нибудь в город за Борггрином! — не выдержала я, и Керт удивленно посмотрел на меня, словно пытаясь сообразить, какую роль во всей истории играет мальчишка-подмастерье. Но тут из кладовой вышел, зевая, спавший там настоящий Юмар, и глаза Керта выкатились еще сильнее, чем в тот момент, когда он увидел Нейриса.

71

— Это как? — глупо спросил он, хлопая ресницами.

— Один из них Ила... Лилла, — пояснил Нейрис и показал на меня. — Вот этот. Немного магии, только и всего.

— Она ожила? — Керт снова стер пот со лба. — И теперь будет парнем?

— Да она и не умирала, — усмехнулся Март. — И парнем будет недолго. Зачем мне сразу два одинаковых подмастерья?

— Я, кажется, с ума сойду. Или уже сошел. На самом деле, а не как вы.

— Не стоит. Ты нам еще понадобишься, — Нейрис перевел взгляд с него на меня. — Илана, ты сейчас поедешь в город за Борггрином. Вместе с Кертом.

— Илана? — похоже, Керт действительно уже был на грани помешательства.

— Мне рассказать ему? — я не смогла удержаться от ухмылки.

— Да, расскажи. И выясни заодно то, чего мы еще не знаем. Например, как Морбрунгу удалось заполнить его тело.

Керт уже не пытался что-то понять, только качал головой, как заведенный.

— И, кстати, Керт, пока не уехал, распорядись принести сюда нормальный завтрак. Побольше. И ни слова обо мне никому, понял? Илана, я сейчас стану вороном, отнеси меня в комнату, пожалуйста. И будь осторожнее, очень тебя прошу.

— Мне нужно твое перо, — попросила я, когда Нейрис превратился в птицу и оказался у меня на руках. — Для защиты. На всякий случай.

Он взмахнул крылом, и перо плавно упало на пол к ногам настоящего Юмара, который поднял его и принялся с любопытством разглядывать.

Через час мы с Кертом уже ехали в город. Возможно, всех удивило, что правитель вдруг отправился туда без сопровождения, точнее, с одним только мальчишкой-подмастерьем, но вопросы задавать никто не осмелился. Покачиваясь в седле, Керт бормотал что-то себе под нос и снова тряс головой. Выглядел он при этом настолько сбитым с толку, что я решила все-таки поговорить с ним, хотя перекрыть двойной конский топ можно было, только напрягая голос.

— Послушай, Керт, — я подумала, что мы вполне вполне обойдемся без всяких золотых Меаров и вейр Илан, — давай сначала я тебе обо всем расскажу, а потом ты на мои вопросы ответишь?

Он коротко взглянул на меня и молча кивнул. Стараясь не сильно перескакивать с одного на другое, я изложила все, что произошло с того момента, когда Нейрис вылетел с галереи, направляясь в Фианту, и заканчивая сегодняшним утром. Керт не перебивал, ни о чем не спрашивал, хотя на той части истории, когда он объявил меня своей невестой, глаза его стали огромными, как у ночной птицы.

— А-а-а... почему вы Илана? — выдавил он себя, едва я закончила.

— Давай на ты. Тем более, уже называл меня так, хотя, наверно, не помнишь. Лилла — моя сестра-близнец. Я пошла на отбор, потому что у нее был жених, — об истинной причине своего поступка рассказывать ему я не собиралась. — Но это неважно. Важнее другое. Как колдун попал в замок. Не призраком, а в телесном облике. Нетта видела тебя с Йоргисом — мужчиной с разноцветными глазами. Откуда ты его знаешь?

— Йоргис? — переспросил Керт. — Он представился мне как Орг Нис. Точнее, написал письмо и передал с торговцем тканями. О том, что привозит из Фианты особую ленту для женских сит, которую никто больше в Тандоре не продает. Спрашивал, не заинтересован ли замок в поставках. Я спросил Андру... — тут он слегка запнулся, — швею, вы... ты ее должна знать.

— Разумеется, знаю, — я вспомнила про змею, и меня передернуло.

— Спросил, не нужна ли ей такая лента для работы. Она ответила, что нужна, и я передал ему, чтобы он привез образцы.

Я даже не удивилась, что угадала так точно, поскольку была почти уверена в своей правоте.

— И что случилось дальше?

— Дальше? — Керт задумался. — Он приехал, привез ленту, шнуровку, еще что-то. Я позвал Андру, она посмотрела, сделала заказ. И его записали в число поставщиков.

— То есть он приезжал еще? Часто?

— Один раз точно, потому что должен был привезти заказанное. Если бы не привез, Андра бы мне сказала. А вот потом... не знаю, Лил... Илана. Он мог приезжать и без заказов, я же не следил за всеми торговцами. А привратники впускают тех, кто значится в списке.

Все сходилась. Йоргис привез ленту, поговорил с Андрой, наверняка потом возвращался еще. Пока не уломал ее на близость. Вот только как? Возможно, пообещав, что таким образом привяжет к ней Керта намертво. С помощью особой магии. Говоривший устами Йоргиса Морбрунг мог быть очень убедительным.

Или не уговаривал?

Я вспомнила, как призрак заставил спящую Нетту украсть и уничтожить перо Нейриса. Колдуну ничего не стоило с помощью чар усыпить Андру, отвести ее в укромное место и вынудить отдаться ему. А потом разбудить — и та бы ничего не вспомнила.

— Скажи, Керт... — я запнулась, не зная, как лучше спросить. — Я понимаю, это очень... личный вопрос, но мне важно знать. Вы с Андрой были близки перед тем, как пропал Ворон?

Он вспыхнул, посмотрел на меня возмущенно и, кажется, хотел сказать что-то резкое, но осекся. И буркнул нехотя:

— Утром в тот день. И знаешь... это последнее, что я помню отчетливо.

— Вот в тот самый момент Морбрунг и поселился в твоём теле. И с тех пор управлял всеми твоими действиями. Иногда выходил — и тогда ты снова мог мыслить ясно. Сейчас он далеко, но может вернуться в любой момент. Поэтому нам и нужна помощь мага Борггрин.

— Я еду с тобой в город для того, чтобы колдуну было сложнее меня найти? — догадался Керт. — Иначе ты ведь могла съездить за ним и одна.

— Да, — подтвердила я. — Он, конечно, все равно тебя разыщет, где бы ты ни был, ведь вы теперь связаны. Но времени понадобится намного больше. Борггрин не мог попасть в замок вместе со мной, никто бы не пустил. А теперь нам надо привезти его побыстрее. Он глава Ордена магов и намного сильнее, чем Ворон и Морбрунг. И уже дважды смог справиться с призраком и заточить его в темницу. Первый раз на тысячу лет, второй... ненадолго, к сожалению. Надеюсь, теперь удастся получше.

Я хотела спросить Керта о его матери и ее участии во всей истории, но сообразила: вряд он сможет что-то сказать. До самого города мы ехали молча — каждый погрузившись в свои мысли.

72

Больше всего я боялась, как бы Борггрин и Айлен не ушли куда-нибудь. Мало ли — например, на зимнюю ярмарку. До наступления нового года оставалось меньше месяца, и на площади гудели богатые торговые ряды. Люди боялись, что вот-вот начнется большая война, товары сначала подорожают, а потом и вовсе исчезнут, поэтому закупались впрок.

— Айлен здесь? — спросила я Лайяра, поздоровавшись.

— А куда ему деться? — буркнул толстяк, протирая пивную кружку краем фартука. — В той же комнате.

Мы с Кертом поднялись на второй этаж, и я без стука открыла знакомую дверь. Айлен и Борггрин сидели на кровати и играли в камни — прямо как пайгримы.

— Здравствуй, Илана, — оба нисколько не удивились моему появлению. — А это кто с тобой?

— Зол Керт Меар, временный правитель Полуночных земель, — с известной долей яда

представила я его. — Точнее, одного только Тандора, поскольку Ликур он отдал Отрану.

— Илана... — побагровел Керт.

— Ладно, извини. Не ты отдал, конечно, а Морбрунг.

— Ты нашла Нейрису? — Борггрин отодвинул мешочек с камнями. — Если Керт приехал с тобой, значит, ему можно доверять?

— Да. Нейрис не стал бы разговаривать с ним, если б не доверял. И нам нужно поторопиться в замок. Нейрис очень слаб после пребывания в подземелье. Ему одному, без вас, будет не справиться с Морбрунгом, когда тот вернется.

— Ты права, — он встал и потянулся за плащом. — Поговорим по дороге. Поспеши, Айлен!

Через несколько минут мы уже спускались вниз.

— До новой встречи, — поклонился Лайяр, продолжая до блеска натирать кружки.

— Вы узнали, как Морбрунгу удалось захватить тело Керта? — спросил Борггрин, когда мы выехали из города и оказались на горной дороге.

— Как вы и предполагали. С помощью женщины.

Я старалась говорить тихо, но Керт все равно услышал и побагровел.

— А что насчет его матери?

— Что — насчет моей матери? — голос Керта дрогнул. — Она тоже в этом как-то замешана?

— Хотелось бы знать, — вздохнула я. — Когда вы с Морбрунгом объявили меня своей невестой, она посоветовала мне сбежать, дала денег и письмо к тарису Айгеру. Которого, кстати, сама не знала, потому что покинула Илару сразу после смерти его матери. Она могла действительно сочувствовать мне. Или же заботилась о тебе, потому что Ворон, вернувшись, наверняка повесил бы тебя на ближайшем дереве. А еще зола Эльда могла знать, что Ворон в замке, и специально отправила меня подальше отсюда. Чтобы я с помощью Айгера искала его где угодно, но только не здесь. Да так ведь и было бы, если б Борггрин не приехал рассказать Айгеру о том, что Морбрунг сбежал.

— Ты имеешь в виду, что она в сговоре с колдуном?! — возмутился Керт.

— Откуда мне знать? — я пожала плечами. — Она могла пойти на это, чтобы ты навсегда остался правителем. Но очень хотелось бы ошибиться. Мне нравится зола Эльда.

— А мне гораздо интереснее другое, — в разговор вступил молчавший до тех пор Айлен. — Зачем Морбрунгу понадобилось объявлять тебя своей невестой, Илана? Если я правильно понял, заполучить тело Ворона с твоей помощью он все равно не смог бы. Да я и сомневаюсь, что тот притронулся бы к тебе после него, — он повел подбородком в сторону Керта, и меня передернуло от одной подобной мысли.

— Именно поэтому, — усмехнулся в бороду Борггрин. — Чтобы Илана сбежала побыстрее. Боюсь, они с золой Меарой действительно были в сговоре.

— Мать есть мать, ее тоже можно понять. Тем более сын попросил, не кто-то там. Она же не знала, что это не сын, а какая-то приبلудная тварь в его облике.

После этих разговоров Керт совсем поник. Конечно, он понимал, что его никто не винит, но все равно, похоже, чувствовал себя виноватым.

— Скажите, — спросил он Борггрина, когда мы уже подъезжали к замку. — А что будет с Андрой?

— Трудно сказать, — нахмурился тот. — Сейчас между вами троими неразрывная связь. Между тобой, Андрой и Морбрунгом. Она разорвется, если тот найдет себе новое тело. Но для этого либо ты должен вступить в связь с другой женщиной, либо Андра — с

другим мужчиной. Или если кто-то из вас двоих умрет.

— А Морбрунга нельзя как-нибудь уничтожить? — спросила я.

— Можно, — поморщился Борггрин. — Но сложно.

Привратники встретили нас с поклонами, и, разумеется, никто не интересовался — во всяком случае, вслух, — кто приехал с правителем. Керт распорядился, чтобы Борггрину и Айлену отвели комнаты рядом. Мои и Нетты. Когда все ушли на ужин, я перенесла туда Нейрису — разумеется, в облике ворона. Борггрин сказал, что будет спать на диване в гостиной, а я... ну да, в спальне. Рядом с Нейрисом.

Кто бы знал, как мне хотелось наконец-то раздеться, принять ванну и забраться под одеяло!

— Илана, — сочувственно улыбнулся Нейрис, — ты можешь лечь спать в комнате Айлена. Мы справимся без тебя.

— Нет! — испугалась я. — Ни за что. Буду рядом с тобой. Потерплю.

Айлен добровольно взял на себя обязанности слуги: накормил Нейрису ужином, помог ему умыться, переодеться и лечь в постель. Я быстро приняла ванну, надела чистую одежду Юмара и устроилась рядом на кровати — поверх одеяла, под покрывалом. Дверь между спальней и гостиной, где остался Борггрин, закрывать не стали.

Я лежала, уткнувшись лбом в плечо Нейрису, и мы разговаривали. Я рассказывала о своем детстве, о родителях и о сестре. Он мне — о далекой восточной стране, где родился и вырос.

— Мы называем ее Алиа, — сказал Нейрис. — А здесь просто говорят: Восточные земли. Между Тандором и Алией на много дней пути голые каменистые пустыни, где никто не живет.

— Как ты попал в Полуденные земли, в Орден магов?

— Услышал от путешественников и решил найти. Мне едва исполнилось восемнадцать, как тебе сейчас. Моя мать умерла, отец женился снова. Я расспросил тех самых путешественников и отправился на поиски. По пути несколько раз чуть не погиб. В Скарписе встретил человека, который тоже искал Эмфри — замок Ордена. Это и был Морбрунг. Поехали дальше вместе. Нас приняли учениками.

— Почему же вы стали врагами? Хотя нет, — я сжала его пальцы. — Уже поздно, тебе надо отдыхать. Расскажешь завтра. Спокойной ночи, Нейрис.

— Спокойной но...

Он не договорил: из спальни было видно, как открылась дверь в коридор. На пороге стоял Керт. Я судорожно прижала руку к груди, где под рубашкой на цепочке висело перо. Со стороны гостиной разливалась волна холода.

73

Если б не перо, так и не поняла бы, настоящий ли это Керт или колдун, успела подумать я и закричала так, что услышали, наверно, караульные на воротах:

— Борггрин!

Мгновенно проснувшись, маг вскочил с дивана и сделал несколько шагов навстречу Керту. Нейрис открыл глаза, сел, опираясь о спинку кровати, и крепко сжал мою руку. Мне показалось, что воздух тускло мерцает зеленоватым светом, словно стены пещеры пайгримов. И глаза Керта — тоже. Как у кошки.

— Борггрин! — по-змеиному прошипел колдун. — Опять ты на моем пути!

— На этот раз я уничтожу тебя! — рявкнул маг.

— Не сможешь, — гулко расхохотался Керт. То есть Морбрунг, конечно. — Вы, маги

Ордена, используете силу умирающего тела — как стрелы на излете. И слабеете с каждым воплощением. Сила зарождения жизни дает мне новую мощь в каждом новом теле. Вы всем Орденом не сможете справиться со мной. В первый раз ты смог заточить меня в башне на тысячу лет. Во второй одолел только потому, что застал врасплох. Но я быстро снял твоё заклятие. Неужели ты думаешь, что сможешь победить теперь? Ни ты, ни Нейрис, который сейчас слабее щенка.

Я почувствовала, как дрогнули пальцы, сжимающие мои руку.

— Отнеси меня к Борггрину, — попросил... нет, приказал Нейрис.

— Ты слишком слаб! — попыталась возразить я, но рядом на постели уже был ворон, который сердито клюнул меня в колено.

Я подхватила его и понесла в гостиную, где Борггрин и Морбрунг стояли друг против друга, словно пытаясь убить взглядами.

— Помоги мне! — Нейрис снова стал человеком, и я подставила ему плечо, радуясь, что крепкий парень может сделать это — в отличие от хрупкой Иланы.

Они с Борггрином стояли рядом, вытянув руки в сторону Морбрунга, и воздух между их ладонями сиял все ярче, уже не зеленым болотным мерцанием, а ослепительно-белым светом. Однако огненный шар между ладонями колдуна был гораздо больше, он стремительно рос, готовый испепелить все вокруг.

Я увидела, как исказилось в запредельном напряжении сил лицо Нейриса. Глубокие морщины прорезались на лбу Борггрина. Морбрунг тем временем наступал, свет, исходящий от его рук, слепил глаза так, что на глаза навернулись слезы.

Что случится, если он возьмет верх? Тело Борггрина смертно, его призрак Морбрунг развеет либо заточит где-нибудь, как это было с ним самим. Бессмертный Нейрис снова окажется в подземелье до скончания веков, без надежды на спасение. А я? Меня он просто уничтожит.

Но зачем тогда Морбрунгу понадобилось убрать меня подальше от замка, да еще с такими хитростями? Может, он знал обо мне что-то такое, о чем не подозревали Борггрин и Нейрис?

Он сказал, что зарождение жизни обладает большей силой, чем смерть... Но любовь должна быть еще сильнее. Ведь не зря проклятье с Нейриса сможет снять лишь та, которая по-настоящему его полюбит. Что, если в любви есть та особая магия, способная помочь и сейчас?

Мне нечего было терять. Если я ошиблась, нам всем предстояло погибнуть. Нейрису — нет, но чем вечное заточение лучше смерти? Я могла попытаться отдать ему свои силы. И, вероятно, это убило бы меня. Ну что ж... Пройдет еще сто, двести или тысяча лет, найдется другая девушка, которая полюбит его и избавит от бремени бессмертия.

Все это пронеслось у меня в голове в одно мгновение. Я вдохнула поглубже и вытянула руку так, чтобы мои пальцы легли поверх пальцев Нейриса. Закрывает глаза и представила, что становлюсь лучом света, который должен сжечь проклятого колдуна без следа.

Невыносимо яркая вспышка проникла под сомкнутые веки, а потом опустилась непроглядная тьма, поглотившая меня, как черная вода речного омута...

— Илана! — услышала я тихий шепот, чья-то рука коснулась моей щеки.

Я открыла глаза, перед которыми плавали огненные круги, и разглядела за ними лицо Нейриса. Приподнявшись на локте, он лежал рядом на кровати и смотрел на меня. На табурете, тяжело привалившись к стене, сидел Борггрин, чуть поодаль стояли Айлен и Керт.

— Мы думали, ты умерла, Илана, — с облегчением вздохнул Нейрис и, наклонившись,

коснулся губами моего лба. — Ты была холодная и не дышала. И сердце не билось. Но потом я обнял тебя...

— Ты обнимал парня, Нейрис? — я попыталась улыбнуться, но губы, словно замерзшие, не слушались, и слова, которые с них срывались, больше походили на шелест опавших листьев.

— Тогда я не думал, что ты парень. Обнял и почувствовал, как ты вздохнула. Мы с Борггрином постарались согреть тебя. Остатками нашей силы.

— А... Морбрунг?

— Его больше нет. Ты убила его.

— Я?

— Мы втроем — но без тебя нам было бы не справиться.

— Но ведь я же не маг, — от малейшего движения, даже от того, что переводила взгляд, страшно кружилась голова и начинало тошнить.

— Иногда любовь становится магией, — Борггрин взял мою руку в свою, и от его пальцев разлилось мягкое приятное тепло, которое возвращало силы. — Мы заставили Морбрунга выйти из тела Керта и рассеяли его призрак. Сделали то, что было не под силу мне одному или нам с Нейрисом вдвоем. Больше он никогда не вернется. Нам ничего не грозит, Керт и Андра свободны. Как только вы наберетесь сил, мы отпразднуем возвращение правителя Полночных земель.

— В первый день нового года, — Нейрис посмотрел на меня с тайным смыслом, который был мне прекрасно понятен.

— Хорошо... — блаженно вздохнула я. — Только очень хочется спать.

— Спи, Илана, — Нейрис взял мою руку и поднес к губам.

На этот раз темнота, укутавшая меня, была мягкой и пушистой, как пуховое одеяло.

74

Проснулась я почему-то в комнате Марта. В окно лились потоки солнечного света, необычно яркого для этого времени года. От слабости звенело в ушах, но хотя бы уже не кружилась голова, стоило перевести взгляд с одного предмета на другой.

— Айлен и Юмар перенесли тебя сюда ночью, — пояснил Март, сидевший рядом на стуле. — Негоже двум мужчинам спать в одной постели без крайней нужды. Все хорошо, девочка, все позади. Вам обоим надо теперь набираться сил.

— Так я мужчина или девочка? — даже улыбка потребовала усилий.

— Не все ли равно? Вот выйдешь за него замуж — тогда сколько угодно. Хоть вообще из постели не вылезайте, как все нормальные молодожены.

У меня, наверно, даже спина покраснела. И пятки. Но... это было приятно. Стоило признать, пребывание в мужском теле сильно изменило мои представления о том, что происходит между мужчиной и женщиной, любящими друг друга. Нет, я оставалась все той же несведущей девственницей, но страх полностью ушел. И неловкость тоже. Будет то, что должно быть. И будет прекрасно — в этом я не сомневалась.

— А кто меня раздел? — я вдруг сообразила, что лежу под одеялом в одном нижнем белье, даже без рубашки.

— Юмар. Он пока побудет твоим слугой.

— Высшие силы! — застонала я, закрыв лицо рукой.

— Думаешь, он увидел что-то новое? — засмеялся Март. — Или ты хотела бы, чтобы тебя раздевала девушка?

— Как странно, — вздохнула я. — У меня появилось столько друзей-мужчин, на которых я могу положиться, и ни одной подруги.

— Ну как же? — возразил Март. — Одна-то точно есть. Которая за тебя в огонь и в воду пойдет.

— Конечно, — я снова покраснела, на этот раз от стыда, что забыла о Нетте. Да нет, не забыла, просто рядом ее сейчас не было. — Я по ней очень скучаю.

— И не только ты. Айлен уже сто раз ее вспомнил, к месту и не к месту. Боюсь, заберет Нетту у тебя.

— Ну что ж... Ничего не поделаешь.

День шел за днем. Я чувствовала себя так, словно поправлялась после тяжелой болезни. Много спала, ела и послушно принимала отвратительные снадобья, которые готовил для меня Борггрин. Немного утешало, что и Нейрису приходилось пить эти мерзкие отвары, не мне одной. Я очень сильно по нему скучала, и даже мысли о том, что с ним все хорошо, он рядом и скоро будет со мной, не слишком помогали.

Все как могли пытались скрасить мне вынужденное пребывание в постели. Борггрин читал книги и рассказывал всевозможные истории из своей долгой жизни. С Мартом мы обсуждали платья и прочие милые женские вещи, с Айленом говорили о Нетте, Айгере и вспоминали наше путешествие. С Юмаром мы тоже подружились — ведь он был всего на пару лет младше меня. Иногда заходил Керт и рассказывал о том, что происходит в замке.

Однажды он пришел сильно опечаленный, сел рядом на стул, вздохнул тяжело.

— Мне очень жаль, Илана, но... моя мать призналась, что действительно хотела убрать тебя подальше отсюда. Я... то есть Морбрунг... ее не заставлял. Она и сама была рада от тебя избавиться. Ты знала, что она дружна с золой Ведой?

— Нет, — усмехнулась я. — Но совсем не удивлена. Видимо, от нее зола Эльда узнала о том, что у меня есть перо Ворона. Больше, кроме Нетты, никто не знал. И сказала об этом тебе. И тогда колдун оставил тебя и отправился на поиски, чтобы разорвать связь между нами. Между мной и Нейрисом. Он ведь не догадывался, что Борггрин с помощью этого пера уже все выяснил.

— Мать не знала, где таарис Нейрис...

— Извини, что перебиваю, но давно хотела спросить. Почему раньше все звали его просто правителем? Или Вороном?

— Потому что титул не употребляется без имени, а имя он не хотел открывать. Не говорить же «таарис Ворон». Так вот... она убедила тебя сбежать совсем по другой причине. Не для того, чтобы помешать найти его, а потому, что хотела, чтобы я женился на Веде. Ну раз Ворон пропал и я должен был стать правителем. Она ведь поверила, что я собираюсь жениться на тебе.

— Вот как все было, оказывается, — я легла поудобнее, подоткнув под плечо подушку. — Одного не могу понять. Зачем Морбрунгу понадобилось, чтобы я убежала из замка? Мог ведь меня убить. Столкнуть в пропасть, например. Или отравить. И тогда Нейрису уж точно никто не помог бы. А вместо этого он убедил всех, что женится на мне.

— А вдруг он не смог убить тебя, Илана? Может, пытался, а ты и не заметила? Ты же говорила, что перо Ворона тебя оберегает.

Нет! Змея! Ведь это случилось еще до известия о том, что Нейрис пропал. Я думала, это дело рук Андры и Зибера, ведь все сходило и указывало на них. Но если взглянуть с другой стороны... стигну действительно мог подбросить Керт — с помощью магической силы Морбрунга. Да, Андра была со мной груба — не удивительно, после того, что наслушалась от Веды! Но убить меня?

Возможно, потерпев неудачу со стигной, Морбрунг действительно пытался избавиться от меня как-то иначе, но не смог. И тогда решил вынудить сбежать. Теперь все сходилось, загадок больше не осталось. Ну, кроме проклятья Нейриса, конечно, но он обещал рассказать мне о нем, когда я снова стану Иланой.

— Скажи, Керт, а как вообще ведут себя сейчас Кьяра и Веда?

— Могу сказать только о последних днях, — он пожал плечами. — Обе лезут вон из платьев, чтобы привлечь мое внимание. Представляю их разочарование, когда они узнают, что правитель жив. И женится на тебе.

— Боюсь, ему придется нарушить традицию, — я коварно улыбнулась. — Ни та, ни другая здесь не останутся. И мне дела нет до магии пайгримов. Если не захотят уехать сами, их увезут отсюда на повозке связанными. А что... с Андрой?

— Не знаю, Илана, — после долгого молчания ответил Керт, и лицо его помрачнело. — Захочет ли таарис Нейрис, чтобы она осталась здесь? Я спрашивал у нее, и она сказала, что никаких отношений с Оргом Нисом у нее не было. Да, он привозил ей заказанные ткани, они разговаривали, но больше ничего. Если колдун действительно вынудил Андру к близости, она все равно этого не помнит. Разве я могу ее винить, если сам был?..

— Ты ее любишь? — перебила я.

— Да, Илана, — его голос звучал твердо, а в глазах стояла такая тоска, что у меня защемило в носу. — Но я никогда не смогу на ней жениться.

Надо же! А я-то думала, он влюблен в меня.

Я знала, что можно сделать. Как ему помочь. Но для этого сначала надо было поговорить с Нейрисом.

Ох, скорей бы уже!

75

— Ну как он? — спрашивала я по двадцать раз на дню Борггрину, который выполнял роль нашего лекаря.

— Все в порядке, Илана, — успокаивал меня маг. — Ему гораздо лучше. Он уже встает. И даже может потихоньку летать. Все будет хорошо, не волнуйся.

Сама я поправлялась медленно: слишком много сил отняла схватка с Морбрунгом. Стоило пройти по комнате несколько шагов, и голова начинала кружиться от слабости. Магические снадобья не особо помогали, и я заметила, что Борггрин встревоженно хмурится, стоит мне пожаловаться ему на самочувствие.

— Наверно, весь замок удивляется, что ты зачастил к какому-то женскому портному, — заметила я, когда Керт в очередной раз зашел навестить меня. — И что еду ему носят в мастерскую.

— Все думают, будто Март серьезно болен, а Борггрин пытается его вылечить, — пожал плечами Керт. — Только и всего. А навещаю... мало ли почему. Вряд ли кому-то придет в голову выяснять.

Борггрину и Айлену еду тоже носили в комнаты, и они делились ею с Нейрисом — как Март и Юмар со мной. Слуги, приходившие с кухни, нас, разумеется, не видели. Уборкой мастерской всегда занимался подмастерье, а у Борггрина и Нейриса порядок наводил Айлен. Или, по крайней мере, делал вид, лишь бы не пускать туда замковую прислугу. Так нам удавалось держать возвращение правителя в тайне.

— Скажите, а как вышло, что Нейрис и Морбрунг стали врагами? — спросила я Борггрину, когда он рассказывал мне на ночь очередную историю о магическом Ордене.

— У нас всегда были ученики. Обычно юноши приходили сами, узнав о нас от кого-то. Но далеко не всех мы принимали. Нейрис и Морбрунг были одними из лучших. Вместе появились, жили в одной комнате и поначалу считались друзьями. Хотя очень сильно

отличались друг от друга. Нейрис — светлый, радостный. В нем было что-то от ребенка, увлеченного чудесами. Ему хотелось помогать людям. И тем печальнее то, что с ним произошло. Знаешь, наверно, со всеми бывает, когда оглядываешься назад и не можешь понять: как же я мог сделать это? Ведь я же совсем не такой — как будто и не я это был вовсе.

— Но почему вы не можете мне рассказать, что произошло? — с досадой воскликнула я. — Ведь вы же знаете.

— Да, Илана, знаю. Но... Это был действительно скверный поступок и скверные слова. И лучше тебе будет узнать о них от самого Нейриса. Не знаю, что заставило его — дурное настроение, нездоровье или нечто иное. Но вряд ли на свете есть хоть один человек, который так жестоко поплатился за необдуманные речи. Иногда люди из-за этого теряют жизнь. А он получил бремя бессмертия. Но... мы говорили о нем и о Морбрунге. Тот был совсем другой — мрачный, угрюмый, холодный. И ему хотелось управлять людьми. Вечную жизнь он видел как возможность вечной власти. Магию — как способ добиться ее.

Он помолчал, словно раздвигая взглядом толщу прошедших столетий, и продолжил:

— Однажды к нам пришла девушка. Ее возлюбленный умер, и она не хотела жить. Мы не использовали тела женщин для перемещения душ и поэтому всегда старались как-то утешить их, вернуть радость жизни. Нейрис проводил с ней много времени, и между ними возникли нежные чувства. Он даже готов был отказаться ради нее от бессмертия, оставить Орден. Но Морбрунг грубо высмеял их. Сказал ей, что не пара магу какая-то простушка. И девушка, которая не отошла еще полностью от одной утраты, покончила с собой. Так бывшие друзья стали врагами. Спустя несколько столетий Морбрунг обвинил одного из членов Ордена в краже наших тайных записей. Но Нейрис выяснил, что их похитил сам Морбрунг. Тот сумел бежать, прихватив наши секреты, и затаил злобу — на всех нас, и на Нейриса в особенности.

— Понятно, — вздохнула я. — А почему Нейрис ушел из Ордена?

— Чтобы найти ту, которая смогла бы снять с него заклятье. Понимаешь, мы продлеваем наше существование с помощью магии, но расплачиваемся за это потерей вкуса к жизни. Ведь ее конечность — самая острая приправа. Именно она придает нашему существованию краски. А чувство остановившегося времени и вовсе должно быть невыносимо.

Он пожелал мне спокойной ночи и ушел. Юмар помог умыться, погасил светильник и тоже лег спать в своей кладовке. Сон не шел. Я час за часом ворочалась в постели, размышляя о том, что узнала от мага, когда вдруг услышала знакомый стук в оконное стекло.

Чтобы добраться до окна, мне пришлось приложить немало усилий. Нейрис влетел в комнату и, успев принять человеческий облик, подхватил меня, когда я покачнулась.

— Борггрин говорит, ты медленно идешь на поправку, — сказал он, когда с его помощью я снова очутилась на кровати. — Видимо, отдала мне очень много силы. Теперь моя очередь помочь тебе.

— Нет, ты еще слишком слаб, — испугалась я.

— Не бойся, нам хватит на двоих.

Он прилег рядом со мной и взял мои руки в свои — от них шло мягкое, слегка покалывающее тепло, несущее с собой прилив бодрости. Мне сразу стало лучше. И как же захотелось вдруг, чтобы Нейрис обнял меня, прижал к себе. Захотелось почувствовать прикосновение его губ... Но с этим мы должны были повременить. До наступления нового года оставалось чуть больше недели.

— Помнишь, мы с тобой поднимались на башню? — спросил он. — Тогда я еще не был уверен, что ты полюбишь меня. Хотя очень на это надеялся. И подумал, что расскажу тебе обо всем именно там. Если, конечно, согласишься стать моею. Но ты должна знать, что я...

— Знаю, Нейрис, — я прижалась виском к его плечу. — Что бы ты ни сделал, ты уже наказан за это. Более чем достаточно. И... я все равно буду любить тебя.

76

— Скажи, а нам обязательно подниматься на башню? — жалобно спросила я. — Там холодно и ветер. И темно. Даже луны нет. Новолуние же.

Нейрис взглянул на меня с сомнением, сдвинув брови. Я подумала, что, несмотря на прожитые столетия и десяток жен, он в глубине души остался тем же мальчишкой, который когда-то пришел в замок магов. Все так же верил в чудеса и придавал особый смысл памятным мелочам. Мне нравилось в нем это. Но на башню все равно не хотелось. И поэтому я привела главное возражение:

— Я ведь снова стану Иланой. А с башни надо будет спускаться и идти по всему замку. Ты-то превратишься в ворона и вернешься в комнату через окно. А меня может кто-то увидеть. Раньше времени. Ты этого хочешь?

Он покачал головой и вздохнул:

— Ты права. Останемся здесь.

Март и Юмар давно спали, а Нейрис прилетел и постучался в стекло — как и в предыдущие ночи. Эти короткие часы, которые мы проводили вместе, держась за руки и разговаривая, вернули мне силы. Помогла ли магия, или достаточно было находиться рядом с ним, видеть его? Не все ли равно?

— Ведь мы не будем ждать лета, чтобы пожениться? — Нейрис поднес мою руку к губам.

Это была единственная нежность, которую он себе позволял, да и то не глядя на меня. И разве могла я его в этом винить, пока оставалась мальчишкой?

Как только снова стану девушкой, обниму его и буду целовать, пока губы не заболят! Вряд ли он станет возражать.

— А мы можем? — я улыбнулась своим мыслям. — Я думала, год — это как-то связано с проклятьем.

— Не совсем. Один раз в сто лет я должен выбрать себе жену. Не какую-то случайную подружку, а именно жену, с которой проживу столько, сколько отмерят высшие силы. Из трех молодых девушек, которые до этого никогда не видели меня в человеческом облике. Но год — это просто срок, который я сам давал своим невестам. Чтобы могли возникнуть какие-то чувства. Им и себе. Но сейчас это ни к чему. Ведь правда?

— Выходит, все твои предыдущие жены... — мой голос слегка дрогнул, я никак не могла справиться с легкой, но все же ревностью к ним, — они любили тебя недостаточно, чтобы избавиться от чар? Или ты их?

— Наверно, — Нейрис пожал плечами. — Какие только чувства люди не называют любовью. Можно быть много лет рядом, а можно — вместе. Понимаешь разницу?

— Конечно.

Борггрин сказал, что в этом месяце время новолуния почти совпадает с началом нового дня, и мы с нетерпением ждали, когда часы на башне начнут отбивать полночь.

— Послушай, — не выдержала я. — Я понимаю, ты заранее представил себе, как все должно быть. Когда, где, как. Но мы уже не пошли на площадку и не будем дожидаться лета, чтобы пожениться. Что изменится, если ты начнешь рассказывать прямо сейчас, а не в следующем году? Ты пока еще бессмертный и ко времени относишься совсем иначе. А у обычных людей каждый час на счету, чтобы вот так ими разбрасываться в ожидании. Нет, нам, конечно, кажется, что впереди еще вечность, но ведь это не так.

— Ты права, Илана, — рассмеялся Нейрис. — Я действительно чувствую время иначе. И привык рассчитывать все наперед, зная, что внезапная смерть не нарушит мои планы. Наверно, надо от этого отвыкать? Я надеюсь... Хорошо, — улыбка сошла с его лица. —

Слушай. Когда-то очень давно маги нашего Ордена жили в Скарписе, что-то не поделили с местными жителями, и те их выгнали. Орден нашел себе новое пристанище в Гвенноре, маленькой стране в Полуденных землях. Но некоторые маги остались, а наш замок навещали время от времени. Среди них был и Лайвин, очень сильный маг, известный своим необузданным нравом. Он легко впадал в ярость, о чем потом неизменно жалел.

Я положила голову на плечо Нейриса и крепко сжала его руку. Помолчав немного, он продолжил:

— Все случилось через несколько столетий после того, как от нас ушел Морбрунг. Я уже сменил не одно воплощение и был достаточно опытным магом. Лайвин как раз гостил в Эмфри. Однажды мы с ним вдвоем спустились с гор в деревню, теперь уже и не помню, зачем. К нам подошел крестьянин и попросил денег. Обычно мы предлагали таким людям работу в замке. Но крестьянин отказался — у него было десять детей, он не мог их оставить. В тот день я пребывал в скверном настроении и спросил с насмешкой: «Зачем же тебе столько детей, если ты не в состоянии их прокормить?» — «Мои дети — мое продолжение, — ответил он. — Мое бессмертие». И тогда я...

— Ты посмеялся над ним? Потому что у вас был секрет совсем другого бессмертия?

— Да, Илана. Довольно грубо и резко. Сказал, что он обманывает сам себя. Какое же это бессмертие, если он будет гнить в земле, а его нищие дети — выпрашивать на улицах кусок хлеба. Лучше тогда не иметь их вообще. Лайвин, кипя от гнева, оборвал меня. Дал крестьянину денег, а когда тот ушел, повернулся ко мне. Он был в такой ярости, что я испугался. «Мне отвратительно твое высокомерие, Нейрис, — сказал он. — Ты посмеялся над тем, что имеет ценность для любого человека. Только потому, что считаешь себя иным. Избранным. Каждый из нас, магов Ордена, может отказаться от бессмертия. Когда поймет, что пресытился им и утратил вкус жизни. Завести семью, детей. Продолжить себя в них. Но тебя я лишу такой возможности. Пусть будет по твоим словам: лучше не иметь детей и быть по-настоящему бессмертным».

Встав с кровати, Нейрис подошел к окну и долго молчал, глядя в темноту. Потом повернулся и продолжил:

— Мне трудно объяснить это, Илана. У магов обычные человеческие тела, которые болеют, стареют, умирают. Они словно переходят жить из ветхого дома в новый. Но могут и не делать этого. А для меня — для моего тела — остановилось время. Я живу — и как будто не живу. Представь, что ничего в твоей жизни не имеет смысла. Ты просыпаешься утром и ждешь вечера. И так бесконечно.

— Ужасно! — поежилась я. — Даже подумать страшно.

— Он ушел тогда, бросив меня посреди деревни. Я вернулся в замок и прожил там около ста лет, а потом понял, что больше не в состоянии это выносить. И даже покончить с собой не имел возможности. И тогда решил искать Лайвина. Нашел, но он не смог ничего исправить. Тогда мы вдвоем отправились в Альбигерну — в храм высших сил. Его служители долго молились и узнали, как я могу избавиться от заклятия. Сначала это показалось мне простым. Найти женщину, которая полюбит меня, — разве сложно? Но на деле все вышло иначе. Я должен был стать правителем какой-либо страны и раз в сто лет выбирать жену из девушек, не знавших меня до этого, не видевших моего лица. В храме на меня надели маску — и снять ее могла только та, которая полюбила бы по-настоящему. Если любовь окажется взаимной. Что ж, стать правителем оказалось самым простым. Помнишь, ты попробовала снять маску и ничего не вышло? Это был момент отчаяния. Хотя я и понимал, что ты еще слишком мало меня знаешь. Продолжал надеяться...

— Но ты ведь узнаешь, когда заклятие исчезнет, разве нет? Если я сняла с тебя маску и больше ничего не произошло, наверняка должно случиться что-то еще? Может, сначала я стану твоей женой?

— Может быть, Илана. Может быть...

В этот момент часы на башне начали отбивать полночь. Словно соскользнуло шелковое покрывало, которое пришлось носить четыре недели, и мое тело снова стало прежним.

Сильные руки обняли меня, и губы — такие желанные! — наконец-то коснулись моих губ...

77

— Нам лучше не делать этого, Илана...

Его поцелуи становились все более горячими, нетерпеливыми, и я тянулась им навстречу, как цветок тянется к солнцу. Губы, скользнув по шее, пробрались под распахнутый ворот рубашки. Нейрис все сильнее прижимал меня к себе, и так хотелось, чтобы между нами не осталось никаких преград. Чтобы мы стали единым целым. И его неожиданные слова показались потоком ледяной воды, вылитым на голову.

— Почему? — с трудом переведя дыхание, спросила я.

— Ты правда хочешь, чтобы первый раз мы были близки в этой каморке, под храп Марта из-за стены?

— Я сейчас не видела и не слышала ничего. Ни каморки, ни храпа.

— Есть еще кое-что, — Нейрис застегнул пуговицу на моем вороте. — Я не знаю, имеет ли это значение, но по условию та, которая снимет с меня заветье, должна быть женой.

— То есть все будет только после свадьбы?

Словно легкое облачко набежало на солнце и тут же растаяло. Я не успела поймать мысль и отмахнулась от нее — уже улетевшей.

— Не хотелось бы, чтобы такая мелочь все испортила.

— Ты прав, Нейрис.

— Не сердись на меня, — он провел пальцами по моей щеке, задержался на губах. — Я очень хочу тебя, и...

— Я подожду. Что мы будем делать дальше? Наверно, пришло время показаться подданным?

— Да. Завтра. То есть уже сегодня. Ведь наступил новый год. И еще — с днем рождения, любимая! А теперь... спи. Нас ждет трудный день.

Поцеловав меня, Нейрис превратился в ворона, и я открыла ему окно.

Легко сказать: спи! Все тело словно огнем обожгло. Я еще чувствовала жар его поцелуев — на губах, на шее, на груди. И когда мне все-таки удалось заснуть, какие только нескромные картины не принес с собой этот сон...

— Все твои платья у меня, Илана, — сказал Март. — Они все равно никому не нужны, а я знал, что тебе, возможно, пригодятся. Если, конечно, не захочешь все сменить. А еще я сшил тебе по старым меркам новое. Думаю, оно прекрасно подойдет для сегодняшнего вечера.

Я слышала, что в других странах наступление нового года отмечают в ночь со старого, но в Тандоре и Ликуре это событие праздновали в первый вечер. Разумеется, вместо обычного ужина в замке должен был состояться пышный бал. По настоянию Нейриса Керт впервые пригласил на него членов Тайного совета и других высших чиновников с женами.

— Не боишься, что они тоже захотят остаться здесь навсегда? — спросила я, когда рано утром, никем не замеченный, Нейрис вернулся ко мне. — Как же магия пайгримов?

— Думаю, за один раз никому ничего не грозит, — рассмеялся он. — Но меня должны увидеть все первые лица страны, не так ли? Не пробираться же тайно во дворец в городе.

— Послушай, — вдруг испугалась я. — Ведь раньше тебя никто не видел без маски. Что,

если сочтут самозванцем? Мало ли кто может выдать себя за вернувшегося правителя?

— Пожалуй, — он задумался. — На самом деле самозванец вполне может быть и в маске, но ты права, меня, скорее, примут за него без нее, чем в ней. Вот только где ее взять? Она ведь осталась в подземелье. Идти искать?

— Постой! — я вспомнила, как сунула ее в карман куртки. Не задумываясь, зачем это надо. Как перо когда-то. — Юмар!

— Что, вейра Илана? — подмастерье просунул в дверь голову.

— Где куртка, которая была на мне?

Хоть я и стала снова девушкой, платье все равно надела прежнее. Хотя бы уже потому, что некому было помочь с женской одеждой. Эх, как пригодилась бы сейчас Нетта! А ведь она тоже должна была вернуть себе свой облик. Интересно, как свита Айгера восприняла исчезновение вейры Иланы и появление Нетты, которая якобы заболела и осталась в предгорной деревне?

Март предложил в качестве служанки себя, но я решила подождать до вечера. Несмотря на каменные стены замка и зимнюю стужу, внутри было тепло, и я надевала только верхнюю рубашку на нижнюю. Куртка должна была валяться где-то с тех самых пор, как мы с Кертом ездили в город за Борггрином и Айленом.

— Ну... — Юмар потер золотистую щетину на подбородке. — Я хотел отдать ее в стирку, но забыл. Не сердитесь.

— Наоборот! Дай я тебя поцелую!

Я звонко поцеловала его в щеку, и он ушел на поиски куртки — красный от смущения.

Не знаю, как Нейрис, а я весь день не находила себе места. Даже подгонка платья — за последние месяцы я немного похудела — не могла избавить от волнения. А платье, кстати, было очень красивое: бархатное, золотисто-зеленое, мягко облегающее фигуру, оставляя открытыми плечи и часть спины.

Хуже всего обстояло с прической. Март сохранил мою косу, а в городе делали накладки из состриженных волос. Но если бы он заказал такую, это вызвало бы подозрение. С повседневным платьем я могла накинуть на голову шарф, однако с вечерним это не годилось.

— Хватит переживать, Илана, — сказал Нейрис, надевая перед зеркалом маску. — Ты прекрасна. Вот увидишь, как только станешь моей женой, все дамы начнут немедленно стричь волосы. Маска — вот что ужасно. Как я провел в ней тысячу лет?

— Ничего, это же не надолго.

Самым сложным было подойти к трапезной незамеченными. Юмар пробрался в соседнюю с ней комнату и открыл для Нейриса окно. Я выждала, пока все знатные обитатели замка не соберутся в зале, и тоже пробралась туда самыми темными коридорами, прячась за колоннами, едва слышала чьи-то шаги.

— Вы готовы? — в комнату заглянул Керт.

Не прошло и минуты, как герольд объявил:

— Временный правитель Ликура и Тандора, именуемых также Полуночными землями.

Это была обычная фраза — кроме одного слова. Все знали, что Керт в течение года именуется временным правителем, но при его появлении слово «временный» не говорилось. Впрочем, правителем Ликура, отданного Фианте, Керт тоже не был, и с этим Нейрису еще предстояло разобраться.

Герольд, получивший распоряжение от Керта, откашлялся. Голос его прозвучал чуть растерянно:

— Таарис Нейрис, правитель Ликура и Тандора, именуемых также Полуночными

землями, и вейра Илана Иральда.

Насчет Иланы у меня были сомнения: стоит ли раскрывать мое настоящее имя. Но Нейрис успокоил:

— Указ об отборе когда-то издал я. Думаешь, кто-то упрекнет меня в том, что я его нарушил? По-твоему, я должен кому-то что-то объяснять? Пусть думают что хотят.

За объявлением герольда последовала сначала тишина, которая сменилась изумленным гулом. Нейрис подал мне руку, и мы вошли в зал.

Придворные кланялись, говорили слова приветствий — и смотрели на нас так, что я чувствовала себя раздетой и выставленной на всеобщее обозрение. У стола возникла заминка. Нейрис подошел к своему обычному месту в центре и, кивнув на стул справа от себя, сказал мне тихо:

— Наконец-то станцю с тобой гинеру.

Вторым моим соседом оказался Керт. Веда и Кьяра остановились в замешательстве. Взгляды, которыми они награждали меня, переполняла ненависть.

— Зола Кьяра, зола Веда, ваши места за левым столом, — повернулся к ним Нейрис.

Он не стал при всех говорить, что завтра утром им придется покинуть замок. Хотя другую неприятную — для них, конечно! — новость они должны были узнать прямо сейчас.

Когда все расселись, Нейрис поднялся и... снял маску. Собравшиеся ахнули — как один человек.

— Приветствую вас всех, — сказал он. — Знаю, вы ждете объяснений. Ну что ж... Враги Полуночных земель захватили меня в плен. Зол Меар — как временный правитель — был вынужден пойти на сделку с терисом Отраном, чтобы избежать войны. Своим спасением я обязан вейре Илане Иральде, — Нейрис протянул мне руку, и я встала рядом с ним. — Таково ее настоящее имя. Да, она не погибла, это был обман, чтобы сбить с толку наших врагов. И теперь я счастлив объявить, что с этого момента вейра Илана становится моей единственной невестой. Наша свадьба состоится в ближайшее время.

Повернувшись в мою сторону, Нейрис наклонился и поцеловал меня. Своды замка дрогнули от приветственных криков. Хотя я, разумеется, знала: по крайней мере два человека от всей души сейчас желают мне самой страшной смерти. Без сомнений, придворные хотели бы больших подробностей об исчезновении и возвращении правителя, но известие о его скорой свадьбе затмило собою все.

— Теперь мы можем начать праздник, — Нейрис поднял свой бокал. — У нас сегодня так много поводов. Мое возвращение. Наступление нового года. День рождения моей будущей жены. Желаю всем вам счастья.

По традиции он коснулся своим бокалом моего, его примеру последовали остальные, и по залу поплыл радостный звон.

— Мы будем счастливы, Илана! — шепнул Нейрис мне на ухо. — Обязательно будем.

Эпилог

Полгода спустя

Откинув одеяло, я мрачно разглядывала пятна крови на рубашке и простыне. Нейрис со вздохом погладил меня по отросшим до плеч волосам, поцеловал в висок.

— Можно подумать, я не знала, что и на этот раз будет так, — буркнула я. — Странно, если бы вдруг оказалась беременной. Если уж ты по-прежнему Ворон. Пора бы смириться с этим. Никто не виноват. Никто не может заставить себя любить сильнее, чем... может.

— Я люблю тебя, Лан, — покачал головой он. — Очень сильно люблю. Как могу.

— Да и я тебя. Не хочу напоминать, но когда Морбрунг чуть не сжег вас с Борггрином, я отдала тебе свои силы, хотя понимала, что это может меня убить. Куда уж больше-то?

— Жалеешь об этом?

— Ну что ты глупости говоришь? — я с досадой ударила кулаком по кровати. — Противно слушать.

— Мне бы надо в Илару, — Нейрис сделал вид, что не расслышал мои последние слова. — Встретиться с Айгером. Не хочешь со мной? Сейчас лето, можно короткой дорогой добраться. Развеешься немного. Повидаешься с Неттой и Айленом.

— В Илару? — горько усмехнулась я. — Я бы с удовольствием. Вот только... Нетта с животом, жена Айгера с новорожденным младенцем. Нет, знаешь, давай без меня. Вороном быстрее обернешься. Надеюсь, больше нет колдунов, которые мечтают занять твое место?

— Илана, ты словно меня упрекаешь, что не можешь родить ребенка.

Я отвернулась и укрылась одеялом с головой. И пряталась там, пока Нейрис не оделся и не ушел.

— Таариса Илана, вы будете вставать? — заглянув в спальню, с поклоном спросила Ида. Служанка досталась мне от Кьяры, после того как та вместе с Ведой покинула замок.

— Пока нет. Принеси мне завтрак. И приготовь чистое постельное белье.

Ида опустила глаза. Интересно, они еще обсуждают в комнате для прислуги, что очередной жене правителя не удалось снять с него проклятье, или эта тема уже никому не интересна?

После завтрака я все же вытащила себя из постели. Ида помогла вымыться, подала чистое белье, застегнула платье, и я отправилась в сад, прихватив вышивку. После ночного дождя все сияло и благоухало, но меня ничто не радовало. Каждый раз начало женских дней грубо напоминало: наши с Нейрисом мечты и надежды рухнули. Да, то, что мы не могли зачать ребенка, свидетельствовало об этом более жестко и откровенно, чем то, что он по-прежнему превращался в птицу и чувствовал в себе остановившееся время.

Почему-то именно в эти дни мне постоянно попадались навстречу беременные женщины. Начиная с золы Андры Меары и заканчивая судомойкой с кухни. Вот и сейчас я увидела Керта, ведущего жену под руку. Ее тонкое зеленое платье обтягивало еще небольшой, но уже хорошо заметный живот. Она молча поклонилась мне и отошла в сторону.

— Здравствуй, Илана, — кивнул Керт. Он и Март были единственными, кто обращался ко мне по имени и на ты. Не считая Нейриса, конечно. — Таарис Нейрис просил передать, что отправился в Илару. Через две недели вернется.

Вот так... Даже со мной не попрощался. И что ему там делать две недели, если долететь до Мергиса можно за два дня?

Я бродила по саду, глотая злые слезы, грызла уголок платка и вспоминала все, что произошло за последние шесть месяцев.

На второй день нового года Нейрис полетел в Фианту, Эллею и Илару, чтобы пригласить правителей на нашу свадьбу. Так было быстрее, чем отправлять письма с вестовыми. Через неделю он вернулся, а тем временем подготовка шла уже полным ходом. Отовсюду в замок свозили припасы для свадебного пира. Март шил мне голубое платье. Комнаты, предназначенные для жены правителя, отделявали и обставляли заново. И я старательно гнала от себя мысли о том, что до меня в них жили уже десять женщин, имена которых остались лишь в хрониках... и в памяти Нейриса.

Кьяра и Веда покинули замок на следующее утро после того, как он объявил о предстоящей свадьбе. Хотят они этого или нет, никто не спрашивал. Впрочем, Керт шепнул мне, что по распоряжению Нейриса каждая получила изрядную сумму денег и дом в городе.

Андра с позволения Нейриса вышла замуж за пожилого вейра Смирра, умиравшего от неизлечимой болезни. Это была та самая лазейка в законе, запрещавшем браки между высшими и низшими. Чаще всего регистрационные палаты отказывались заключать такие союзы. Однако в замке Нейрис сам давал разрешение на брак, а палаты затем делали записи в своих книгах. Спустя месяц супруг Андры скончался, и уже ничто не мешало вдове вейре Смирре выйти замуж за зюла Меара.

В замок съезжались гости — из соседних государств и из города. Впервые на свадебное торжество были приглашены близкие невесты. Родители радовались за меня, а вот Лилла — вряд ли. Хотя и старалась улыбаться. Историю с подменой на отборе двух сестер наверняка обсуждали, но лишь за закрытыми дверями. Высказаться об этом открыто не решился никто.

Последним прибыл со своей свитой Айгер. Я была счастлива снова увидеть его и, конечно, Нетту. Впрочем, еще больше радовался Айлен, не отходивший от нее ни на шаг. Нам едва удавалось выкроить время, чтобы поболтать.

Мы с Нейрисом за эти дни не часто могли побыть вместе — слишком много у него было дел. Переговоры с Отраном об отмене заключенного Лжекертом соглашения предстояли уже после свадьбы, но и без этого забот хватало. Когда же мы оставались вдвоем, все труднее оказывалось сдерживать желания. Я вспоминала Лиллу и Фелиса — как же теперь мне были понятны их чувства: быть рядом и не позволять себе того, чего хочется больше всего на свете.

И вот наконец долгожданный день настал. В замке был храм, служитель которого благословлял вступающих в брак и провожал в последний путь умерших. Там же любой мог вознести свои молитвы, прося защиты и помощи. Глава Тайного совета зюл Лийн объявил нас с Нейрисом мужем и женой, а служитель высших сил призвал на нас их милость и благоволение.

Потом был роскошный пир. Мы с Нейрисом сидели рядом, и я то и дело ловила его взгляд — обожающий, горящий желанием и нетерпением. Прикосновения — будто случайные! — рук, ног под столом... Как же мы ждали того момента, когда останемся одни.

И вот это случилось — волшебная ночь! Его ласки — такие горячие и нескромные, о которых я раньше не могла подумать без смущения — заставляли отзывать каждую мою частичку. Я купалась в волнах наслаждения, разливавшихся от его рук и губ, тонула в его бездонном взгляде и как могла пыталась отвечать ему, чтобы доставить такое же удовольствие. Наконец наши тела слились воедино. Короткое мгновение боли — и ее тут же унесло потоком нежности и страсти. С каждым движением, с каждым прикосновением мы становились еще ближе, превращаясь в существо с общей кровью и одним дыханием на двоих. Пока нас не поглотила ослепительная вспышка...

Я уснула в объятиях Нейриса — счастливая настолько, что это едва можно было вынести. А когда утром открыла глаза, встретилась с его взглядом, в котором пряталось разочарование.

Почему-то мы оба были уверены, что эта ночь избавит Нейриса от проклятья. Что он проснется обычным человеком. Начнется наша новая жизнь, в которой мы будем вместе во всем. И стареть тоже будем вместе.

Но этого не произошло.

— Может, должно пройти какое-то время? — робко предположила я, на что Нейрис только вздохнул тяжело.

Фрукты зреют и в тени, но они вовсе не такие сладкие и ароматные как те, на которые падают лучи солнца. Нашу радость от того, что мы вместе, влечение, желание словно подернуло туманной дымкой. Мы смотрели друг на друга и мысленно задавали себе один

и тот же вопрос: чья любовь оказалась недостаточно сильной, чтобы справиться с чарами? Хуже всего было то, что я сняла с него маску. Знак того, что именно я — смогла бы. Но... почему-то не смогла.

— Может быть, мы нарушили еще какое-то условие? — пыталась предположить я. — Или действительно прошло слишком мало времени?

Нейрис мрачно качал головой. И я начинала думать, что это проклятье вообще невозможно снять. А вдруг служители храма высших сил ошиблись и неверно истолковали то, что узнали в святилище? Или он о чем-то забыл?

Невыносима была мысль о том, что я ничем не отличаюсь от предыдущих жен Нейриса. Что я скоро состарюсь, а он останется таким же молодым, прекрасным, сильным. Я стану сморщенной старухой, и Нейрис будет проводить со мной время лишь по обязанности. Думая о том, что пройдет несколько десятилетий и он снова выберет себе молодую жену... с которой, возможно, повезет больше.

Разумеется, весь замок обсуждал это: таарисе Илане... не удалось. Она ничем не лучше остальных. Хотя и сняла с правителя маску. А мне даже и поговорить было не с кем. Нетта и Айлен поженились в замке сразу же после нашей с Нейрисом свадьбы и уехали в Илару. Борггрин тоже отправился обратно в Гвеннор. С Кертом мы близкими друзьями так и не стали, не говоря уже об Андрее. Остался только Март, который хоть и пытался меня утешить, но не сильно в этом преуспел.

Мне казалось, что мы с Нейрисом отдаляемся друг от друга, хотя наши ночи по-прежнему оставались пылкими и приносящими огромное наслаждение. Но тем тяжелее было просыпаться утром. Мы завтракали вместе, иногда не сказав друг другу ни единого слова, затем он превращался в ворона и улетал во дворец. За день успевали соскучиться и встречались как после долгой разлуки. Не могли наговориться, насмотреться друг на друга, вместе гуляли в саду или в роще, разговаривали, а после ужина спешили в спальню, держась за руки. И все повторялось...

Через два месяца мы впервые поссорились. Да, таким же утром, как и сегодня. Я неосторожно заметила: видимо, мне не суждено стать матерью, Нейрис ответил, что вряд ли в этом его вина... Потом мы просили друг у друга прощения и пытались уверить, что никто не виноват, так уж случилось. И все же это слово — «вина» — прочно поселилось с нами. Мы не говорили об этом, но оно было как неподвижное облако на ясном небе. И я обреченно понимала: рано или поздно разочарование и обманутые надежды убьют нашу любовь.

День шел за днем. Я страшно скучала по Нейрису. Мы еще никогда не расставались так надолго. Сомнений не было, встреча будет... безумной. Но что потом?

Мне не давала покоя одна мысль. Та, которая ускользнула в тот день, когда я снова стала Иланой. Это было что-то очень важное. Если б я смогла вспомнить...

Как-то я пошла в библиотеку найти что-нибудь почитать. Ночи без Нейриса были такими тоскливыми и мучительными, что я никак не могла уснуть и долгие часы проводила за легким чтением. Сопереживание чужим чувствам позволяло не думать о своих.

На столе у вейра Гауна лежала знакомая книга. Та самая, о девушке, похищенной пайгримами. Мы говорили о ней с Нейрисом перед тем, как он впервые поцеловал меня. В библиотеке было душно, я подошла к открытому окну, остановилась, глядя на горы.

Тогда... что же случилось тогда? Он улетел, скрывшись за плотной пеленой тумана, а я стояла и думала, что готова любить его, что бы ни случилось. Даже если он выберет не меня. Даже если я совсем не та, кому суждено избавить его от бремени бессмертия. Просто потому, что он заполнил собою меня всю, стал моею частью.

В новогоднюю полночь мы так сильно хотели друг друга, но Нейрис оборвал поцелуй и сказал: «Я не знаю, имеет ли это значение, но, по условию, та, которая снимет с меня заклятье, должна быть женой».

В этом был расчет. Тысячу лет он ждал и искал не ту, которую полюбит и которая

полюбит его, а ту, что снимет с него чары. Нет, я не сомневалась в его любви, но... эта была та мелочь, которая внесла изъян в наши чувства. Или... вовсе не мелочь?

По щекам полились слезы, и я поспешила уйти из библиотеки, пока вейр Гаун не заметил, что я плачу. С одной стороны, это были слезы облегчения, потому что мне наконец стало ясно, в чем дело. Но... я не могла сказать об этом Нейрису. Это он должен был понять сам. Или не понять никогда.

Я сидела в саду на любимой скамейке под кустом эрты. Почему-то вспомнилось, как мы с Лиллой секретничали десять лет назад и я впервые увидела Нейрису. Нет — Ворона. Недавно отец передал мне с торговцами записку. Лилла вышла замуж за Фелиса и уже ждала ребенка. Кто бы сомневался! Тогда я испытала острую, болезненную зависть, а сейчас подумала об этом... почти спокойно.

Когда смотришь пристально на какой-то предмет, все прочее вокруг расплывается. Если я продолжу думать лишь о том, что Нейрис по-прежнему под властью заклятья, моя жизнь будет ужасной. Наша с ним жизнь. В ней не останется места любви. Только разочарование и досада. Но ведь мы вместе! И будем вместе столько, сколько позволят высшие силы. Возможно, со временем и Нейрис поймет то, что открылось мне, и тогда... Но я не буду об этом думать, не буду надеяться — чтобы не было нового разочарования.

Я буду радоваться тому, что у нас есть.

Черная тень промелькнула в воздухе, и я вздрогнула: так это было похоже на произошедшее когда-то. На скамейку упала благоухающая кисть. Я поднесла ее к лицу, вдохнула прохладный аромат.

— Здравствуй! Я соскучилась.

Он опустился ко мне на колени, провел клювом по волосам, крылом коснулся щеки. Я гладила его, прижимая к груди — как в том сне, где он прилетел ко мне в дождливую ночь сказать, что жив.

Это было необыкновенно острое счастье — он рядом, со мной! Он мой! И больше ничто не имело значения. Горячая тяжесть возникла в тайной глубине, разлилась по всему телу, заставляя сердце биться быстрее, сбивая дыхание. Желание было настолько сильным, что я не могла ему противиться.

Словно почувствовав это, Нейрис взлетел и через несколько мгновений опустился на карниз открытого окна нашей спальни. Посмотрел на меня, склонив голову: ну и чего ты ждешь? Я встала и быстро пошла к замку — едва ли не бегом. Он встретил меня в дверях, уже в человеческом облике.

Мы накинудись друг на друга с такой жадностью и нетерпением, как никогда прежде. Дикие, необузданные ласки сменялись нежными, неторопливыми — которые лишь дразнили и еще больше распяляли. Все вокруг исчезло. Мир сжался до размера нашей комнаты, и за ее пределами не существовало ничего и никого. Только мы вдвоем...

Я лежала, положив голову ему на грудь, растворяясь в сладкой звенящей слабости.

— Илана... — Нейрис коснулся губами моих волос. — Я хотел побыть в одиночестве и подумать. Слишком больно было, что мы убиваем наши чувства.

— Не надо об этом, — попросила я.

— Нет, надо. Послушай... давай просто жить и любить друг друга. Здесь, сейчас. Не сожалеем о том, что могло быть и чего не будет. То, что я испытываю к тебе... за это можно отдать что угодно. Да, я ждал, надеялся... и это заслонило самое главное: я люблю тебя, Илана. Как никого никогда. Давай попробуем начать все сначала.

Наши губы слились в поцелуе — нежном, легком, потом все более страстном. И вдруг я почувствовала, как Нейрис вздрогнул. Открыла глаза — и встретилась с его изумленным взглядом.

— Высшие силы... — прошептал он. — Илана...

— Он похож на тебя, — сказала я. — И глаза такие же синие.

Страшно хотелось спать. Удивительно, как быстро измученное тело стремилось забыть многочасовые схватки, словно разрывавшие его надвое. Все это осталось позади, за незримой завесой. Боль, страдания, страх — ничего не имело значения. Сын, которого Нейрис держал на руках, — только это было важно.

— Керт огорчится, — усмехнулся он, разглядывая маленькие пальчики, сжатые в кулачок.

— А с чего ему огорчиться? — возразила я, с трудом шевеля губами. — Его дочь всего на несколько месяцев старше. Кто знает, как все сложится.

— Еще раз поздравляю, таарис Нейрис, таариса Илана, — вейр Зибер собрал в сумку свои устрашающе блестящие инструменты. — Все прошло прекрасно. Мальчик крепкий, совершенно здоровый. Через несколько дней можно будет встать. А сейчас надо отдыхать.

Нейрис отдал сына няне-кормилице, подошел ко мне, сел на край кровати. Наклонился, провел рукой по щеке, поцеловал.

— Знаешь, Лан, о чем я жалею?

Как же я любила эту его улыбку, чуть лукавую, от которой внутри все вспыхивало огнем.

— Наверно, о том, что не можешь полететь в Илару? Похвастаться Айгеру, что стал отцом?

— Нет. Я напишу ему письмо. Угадала, но лишь часть. Жалею, что не могу прилететь ночью к твоему окну и принести ветку эрты.

— Но ведь это было, — я взъерошила его волосы. — И я буду вспоминать. Когда мы оба станем старыми...

Конец